

МИДСАММЕР
№ 37

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

Троль Гнет Ель. Интервью
Храм ÁSATRÚARFÉLAGIÐ
Тролли Ёстрикланда

Кузнечное ремесло и тролльши
Священные острова и Иные миры
Эпоха Инглингов

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алексей Глазачев (Андвари)
(Москва)

Анастасия Зимова
(Москва — Стурвик)

Вёрстка:

Олег Арсений

Корректоры:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

В оформлении обложки использована
картина Теодора Киттельсена.

**Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:**

А.А. Хлезову, Олегу Гуцуляку, Esgal,
музыкантам группы Тролль Гнет Ель,
Александру Гелейше, Настасье
Сысоевой, Анне Перминой, Анне
Блейз, Александру Северову,
Дмитрию Даммеру, Василию
Баринцеву, Ульфуну Гуннарсону, Gurge
Feodor, Гедеону Янг, Анастасии
Порсевой, Grimmaugr Ormstunga,
Aldraw, Вельге, Iren Horrors

Наши контакты:

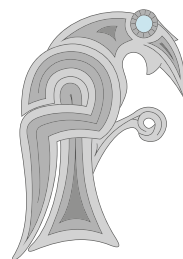
http://vk.com/yggdrasil_ukr
годорд Иггдрасиль

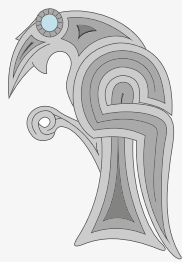
<http://vk.com/friggerock>
Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>
открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКЦИИ	4
НОВОСТИ	5
Люди, с которыми нам по пути	
Тролль Гнет Ель	13
<i>Алексей ГЛАЗАЧЕВ</i>	
ИССЛЕДОВАНИЯ	
Предвестники викингов	17
<i>А. А. ХЛЕВОВ</i>	
Кто такие германцы?	31
<i>Олег ГУЦУЛЯК</i>	
Древнескандинавские музыкальные инструменты	39
<i>Василий БАРИНЦЕВ</i>	
Тюри, Сигрид Гордая и матримониальные коллизии эпохи «смены вер»	46
<i>А. А. ХЛЕВОВ</i>	
Жрец Тора и Похищение Рунического Камня	49
<i>Александр СЕВЕРОВ</i>	
Кузнечное ремесло и тролльши	58
<i>Алексей ГЛАЗАЧЕВ</i>	
Масло троллей	62
<i>Алексей ГЛАЗАЧЕВ</i>	
ПЕРЕВОДЫ	
Оборотни, воители...	64
<i>Перевод: Ulfr Gunnarsson</i>	
Храм Ásatrúarfélagið — проект мечты	70
<i>Перевод: Настасья СЫСОЕВА</i>	
Книга «Трот». Глава XII	71
<i>Перевод: Дмитрий ДАММЕР</i>	
Священные острова и Иные миры	74
<i>Перевод: Анна БЛЕЙЗ</i>	
Тролли Естрикланда	92
<i>Перевод: Анастасия ТИШУНИНА</i>	
МУЗЫКА ВЕТРА	
Månegarm: «Сага об Инглингах»	94
<i>Настя ЗИМОВА</i>	
Rúnahild	99
<i>Настасья СЫСОЕВА</i>	
СКАЗКИ	
Норвежская сказка	106
ОБЗОР ФИЛЬМОВ ПО СЕВЕРНОЙ ТРАДИЦИИ	
Интервью с режиссёром фильма «Викинги: перед лицом Одина»	108
Субъективно о фильме «Варяг»	122
<i>Настя ЗИМОВА</i>	
ТРАДИЦИОННАЯ КУХНЯ	
Кулинарное путешествие в прошлое	124
<i>Перевод: Дмитрий ДАММЕР</i>	
КНИЖНАЯ ПОЛКА	
Отрывок из романа «Последняя заря»	127
<i>Стив ЭШБИ, Элисон ЛЕОНАРД</i>	
ТВОРЧЕСТВО	
Стихи <i>Анастасия ПОРСЕВА (Инмариль)</i>	131
Стихи <i>Grimmaugr Ormstunga</i>	132
Арт <i>Aldraw: Комикс «Исландская мечта»</i>	134
Арт <i>Gurge Feodor, Вельге, Iren Horrors</i>	139

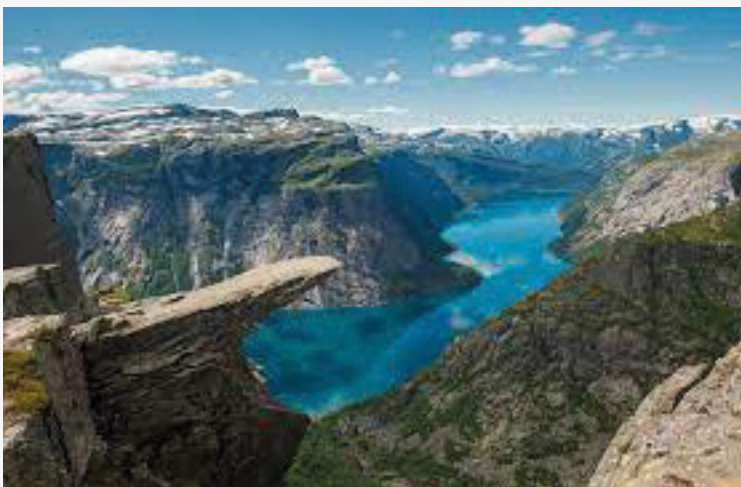

СЛОВО РЕДАКЦИИ

Старый тролль сидел на камне, задумчиво разглядывал дыру на ветхом ботинке и отчаянно грустил. Тысячу тысяч раз солнце восходило и заходило, рождались и умирали целые города и страны, а он так ни разу и не увидел, как же выглядит этот мир в солнечном свете. Иногда в гости забегала пронырливая белка и рассказывала, как это – щурить глаза и греть усы на утреннем солнышке. И тогда к вековой грусти тролля примешивалась едкая зависть. Злился, конечно, кидал камни, кричал что-то припозднившимся путникам, разгонял ворон. Мамки тогда в деревне строго-настроено детям наказывали: «В горы – ни ногой, старый тролль опять разбушевался». А все потому, что бояться тролли солнечного света и при первых же лучах обращаются в камень. Так и живут ночными сычами, бледные и недовольные. По природе своей они на самом деле существа-то не злобные, но как тут не станешь склочным при нехватке витамина Д в организме.

Тысяча тысяч ночей ушло у тролля на то, чтобы решиться. План был простым и бесхитрым, как и сам тролль. На рассвете укрыться в пещере, а наружу только самый кончик языка высунуть. Может, и получится избежать каменной участи, может, она вообще от процентного покрытия организма солнечными лучами зависит. Да и вообще, это еще бабушка надвое сказала, что тролли солнца должны бояться, может, это еще и неправда все.

Бедному в дорогу собратья — только подпоясаться. За несколько минут до рассвета, как и было запланировано, укрылся тролль в пещере, только кончик языка торчит. Солнце взошло, и в Норвегии появилась новая туристическая достопримечательность — «Язык тролля», а у «Северного ветра» — тема номера. Старый тролль сам прыгнул к нам на обложку да еще и друзей привел, мечту редакции: пообщаться с королями пивного фолка группой «Троль Гнет Ель» — исполнил. Взамен только просил рассказать свою историю да напомнить: тролли — древние существа и хоть не шибко умные, но свое место на страницах журнала заслуживают. Как и уважения ко всем существам, населяющим девять миров, добрым ли, злым — раз созданы были богами, значит, нужны они для равновесия и порядка.

А что до старого тролля, поговаривают, что в час, когда высоко горят костры середины лета, дарована ему возможность обратно в живое существо оборачиваться. Вдруг появляется из ниоткуда, становится в хоровод и пляшет со всеми. Кто говорит? Да та же белка и рассказывала. Клянется, что в полночный зачарованный час сама как-то встретила, подбежала к троллю и спрашивает: ну что, стоила мечта увидеть солнце того, чтобы весь год в камне томиться да туристов ежедневно развлекать? А он посмотрел удивленно, как будто глупый вопрос задали, улыбнулся мечтательно и ответил: «Спрашиваешь еще!» И снова в круг плясать вернулся.

Светлого Мидсаммера, друзья!

Сказок и добра вашему дому, благословения богов и защиты богини-матери.

Благопожелание вам и будьте в добром духе.

Редколлегия: Ранхильд, Андвари, Анастасия

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

Картотека всех материалов:

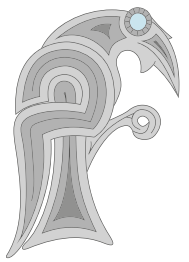
<https://docs.google.com/document/d/1asV3vm8B814J2Sq3rVjATB0Bn0QHAIa1BI3HroCbA8/edit?usp=sharing>

... 4

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Норвежские археологи нашли погребальную ладью викингов

При помощи георадара норвежским археологам удалось обнаружить погребальную ладью, датированную эпохой викингов. находка была сделана в коммуне Квинесдаль на юге страны, ладья длиной около 8–9 метров. Об этом недавно сообщил в своём пресс-релизе Норвежский научно-исследовательский институт по вопросам культурного наследия.

Погребальные ладьи – одна из отличительных черт эпохи викингов. Корабли и лодки превращались во вместилища для тел покойников, зачастую вместе с богатыми дарами. На территории Северной и Восточной Европы было обнаружено более пятнадцати подобных памятников. В Норвегии было найдено сразу несколько таких захоронений. Например, с 2018 по конец 2021 года археологи вели раскопки ладьи длиной почти 20 метров в Геллестаде. Ещё один корабль, скорее всего тоже послуживший для захоронения, был найден в 2019 году в Вестфольде.

Еще 150 лет назад место недавних раскопок было крупнейшим сосредоточием захоронений эпохи викингов и в Квинесдале, и вообще на юге страны. Но в результате внедрения в сельское хозяйство новых мощных машин и методов работы курганы постепенно разрушались. Сегодня от захоронений не осталось почти ничего.

Курганы располагались вдоль тогдашней главной дороги в радиусе нескольких сотен метров. Сколько на самом деле было здесь курганов, никто не знает. Археологи едва успели задокументировать жалкие остатки захоронений, прежде чем те полностью исчезли.

Исследование увенчалось открытием

Археолог Яни Чаушевич управлял георадаром и был как раз тем, кому удалось обнаружить погребальную ладью. «Это невероятно увлекательно. Очень важна и сама находка, и то, насколько эффективным оказалось использование георадара для изучения исторического памятника. Ладья длиной 8-9 метров, она могла вмещать одного или нескольких умерших. Лодка, по-видимому, находилась в земле ещё до того, как над ней был насыпан курган. Мы пока не знаем, сколько сохранилось останков и инвентаря», — рассказывает он.

Могилы в лодках представляют собой особый обычай захоронения, существовавший в эпоху позднего железного века — эпохи викингов во многих прибрежных поселениях как в Норвегии, так и за её пределами. В большинстве найденных захоронений лодки намного более скромного размера, чем та, о которой идёт речь в новости.

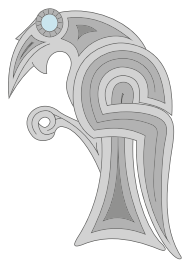

5...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

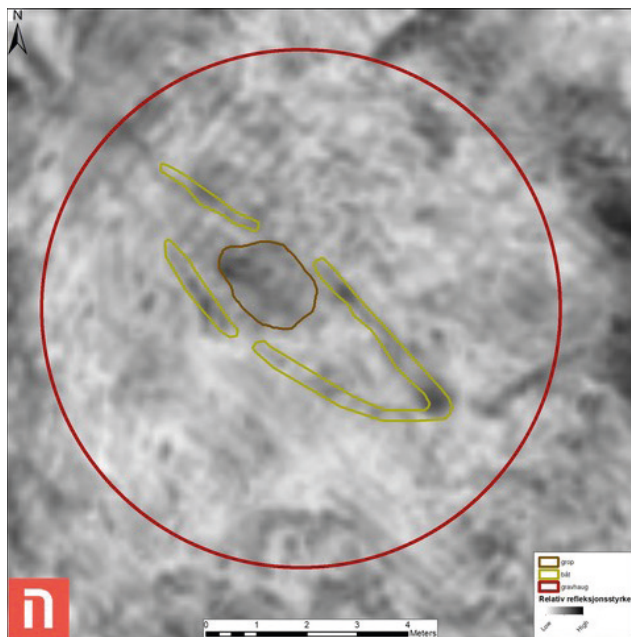

НОВОСТИ

Подобный тип захоронений — редкость. Их использовала лишь небольшая часть населения. Погребения в лодках — самые богато обставленные захоронения эпохи викингов.

«Это фантастический успех для наших коллег из научно-исследовательского института по вопросам культурного наследия, ведь они также изучили несколько окружающих курганов, что поможет лучше понять специфику данного погребения», — говорит Клас Уннер, руководитель проекта из Музея истории культуры.

Нильс Уле Сундет, сотрудник муниципалитета округа Агдер, также очень доволен многообещающими результатами раскопок: «То, что исследователям удалось добраться до наследия, которое, как нам казалось, было утеряно, очень интересно. Это значит, что мы сможем лучше понимать и сохранять историю повседневной жизни общества железного века».

Источник новости:

<https://www.niku.no/2022/04/batgrav-fra-vikingtid-oppdaget-med-georadar-pa-oyesletta-i-kvinesdal/>

Перевод: Анастасия ТИШУНИНА

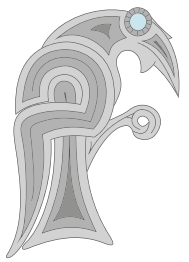
...6

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Серьезный подъем уровня моря вынудил викингов покинуть Гренландию

Викинги известны как непревзойденные бойцы, но даже этим могучим воинам оказалось не под силу справиться с изменением климата. Недавно ученые выяснили, что рост ледяного покрова и подъем уровня моря привели к затоплению побережья и ферм северян, в конце концов заставив викингов в XV веке покинуть Гренландию.

Викинги впервые создали свою вотчину в Южной Гренландии в районе 985 г. н.э. Это произошло с прибытием на эти земли Эрика Торвальдссона, также известного как Эрик Рыжий — норвежского мореплавателя, который отплыл в Гренландию после своего изгнания из Исландии. Вскоре за ним последовали другие поселенцы, основав веками процветавшие Восточную и Западную Общины (на момент прибытия викингов Гренландию уже населяли люди дорсетской культуры, группа аборигенов, предшествовавшая появлению в Арктике инуитов).

В районе XV столетия признаки того, что эти земли заселяли северяне, исчезли из археологических данных. Ранее ученые предположили, что викинги были вынуждены покинуть Гренландию из-за изменения климата и экономических проблем. Согласно данным, представленным на ежегодной конференции Американского геофизического союза, новые находки подтверждают, что ключевую роль сыграл подъем уровня моря, из-за чего целые мили побережья оказались затоплены.

Руины церкви в местечке Хвалсей, северного поселения в Гренландии

Между XIV и XIX веками Европа и Северная Америка переживали период значительного снижения температур, известный как Малый ледниковый период. В этих условиях ледяной щит Гренландии, покрывающий большую часть острова, стал еще больше, сообщает Мариса Джулия Боррегине, аспирант факультета Земли и планетарных наук Гарвардского университета.

По мере того, как ледяной панцирь Гренландии рос, его увеличивающийся вес давил на землю, что облегчало затопление прибрежных областей. В то же время возраставшее гравитационное давление разбухавшего ледяного щита на суше в сочетании с большими массами морской воды гнало на побережье Гренландии все больше морской воды. Два этих процесса могли вызвать масштабное затопление побережья — «именно там, где жили викинги», — добавляет Боррегине.

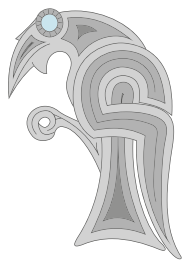

7...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

Новости

Ученые проверили эту гипотезу, смоделировав примерный объем роста ледяного пласта в юго-западной Гренландии за 400-летний период проживания здесь северян, и добавили эти расчеты к модели, демонстрирующей подъем уровня моря в это же время. Затем они проанализировали карты известных поселений викингов, чтобы выяснить, как их результаты совпадают с археологическими свидетельствами, говорящими об окончании присутствия викингов в Гренландии.

Созданные модели показали, что с 1000 по 1400 годы подъем уровня моря вокруг Гренландии привел к затоплению поселений викингов не менее чем на 5 метров на общей территории в 140 квадратных километров прибрежных земель. Такое затопление могло затронуть земли, подготовленные викингами для возделывания, а также пастбища для скота.

Однако подъем уровня моря был не единственной причиной ухода северян из Гренландии. К нему могли привести и другие перемены при столь критическом стечении внешних обстоятельств: смена климата, рост социальной напряженности и нехватка ресурсов, — что подстегнуло викингов окончательно оставить свои поселения на этих землях.

«Сочетание изменений в климате и обстановке, меняющийся объем ресурсов, поток спроса и предложения эксклюзивной продукции для зарубежного рынка, как взаимодействие с инуитами на севере — все это внесло свой вклад в это переселение, — говорит Боррегине. — По-видимому, комбинация этих факторов заставила северян уйти из Гренландии дальше на запад».

По данным www.livescience.com

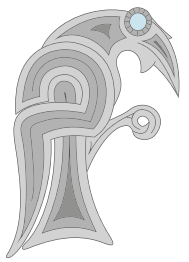
Переводчик Дмитрий Даммер

... 8

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Ásatrúarfélagið в Исландии 50 лет

В этом году Ásatrúarfélagið отмечает пятидесятилетний юбилей. Община была основана в первый день лета 1972 года. Верховный годи Хильмар Ёрн Хильмарссон говорит, что у этого решения было множество предпосылок.

«Свейнбьёрн Бейнтейнссон собрал единомышленников, которые встречались в Полях Тинга на десятой неделе лета с 1960 года, — говорит он. — Это была небольшая группа энтузиастов, в основном из Боргарфьордюра, желающих возродить древнюю традицию». Там сформировался определенный костяк, вокруг которого и было решено создать общину. В день Сигурблота, 20 апреля 1972 года, в отеле «Борг» началась история Ásatrúarfélagið.

«Есть сведения, что на первом собрании присутствовало от десяти до двенадцати человек, — рассказывает Хильмар Ёрн, однако добавляет, что его представление не соответствует статистике. — Подобно тому, как каждый второй американец определённого возраста бывал на музыкальном фестивале в Вудстоке, так и каждый второй исландец, которого я знал, посетил данную встречу».

Официальное признание в качестве религиозного сообщества, однако, было получено не сразу. «Разрешение многобожия в Исландии вызывало некоторое сопротивление, — признаётся Хильмарссон. — Говорили, что это может идти вразрез с догматами основных конфессий». Добиться легализации удалось только спустя год, и Свейнбьёрн был избран первым верховным жрецом.

«Он стал первым язычником, получившим право проводить церемонии бракосочетания. А вот похоронные обряды совершать ему не доводилось, вступление в общину очень хорошо отразилось на здоровье её членов», — говорит Хильмар Ёрн, подчёркивая, что с момента основания там состояли люди разных возрастов.

Сегодня в Ásatrúarfélagið числится более шести тысяч человек, и с каждым годом их становится всё больше. С 2003 года, когда верховным годи стал Хильмарссон, это количество увеличилось в десять раз.

9...

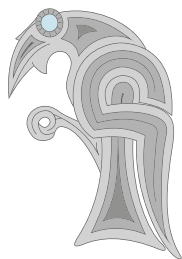

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37

2022

Хронология строительства храма

По мере того как община разрасталась, потребность в собственном месте для проведения обрядов и собраний становилась все очевиднее. Путь от замысла к воплощению оказался, однако, трудным и тернистым. Заявка на выделение земельного участка под строительство храма была подана ещё в 1973 году, но официальное распоряжение городских властей появилось только спустя тридцать лет, в 2003 году.

... 10

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

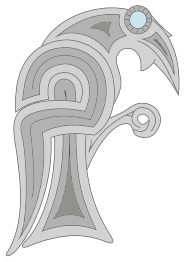
№37
2022

Первоначально Ásatrúarfélagið была подана заявка на разрешение строительства в Долине корабельной реки (Elliðaárdalur, одна из крупнейших парковых зон на окраине Рейкьявика). Затем, в 2006 году, Ингибьёрг Соулрун Гисладоухтир, которая тогда была мэром столицы, предложила вместо этого участок на Склоне Кальдеры (Öskjuhlíð), и Хильмар Ёрн, подумав, согласился.

«Здесь все географические названия вокруг связаны с Асатру. У нас есть Вороны Скалы (Hrafnabjörg) чуть ниже. У нас есть Утёс Повешенных (Hangaklettur), а это одно из имён Одина, Тюр Повешенных (Hangatýr) и Бог Повешенных (Hangagóð), — говорит верховный годи в интервью для Vísir. — Так что я думаю, что это божественное провидение».

Возводя храм, члены общины действуют согласно «Речам Высокого», используют то, что доступно, и наслаждаются тем, что получают. Они сами оплачивают все расходы, не обращаясь в фонды за грантами или в банки за кредитами. В связи с этим процесс значительно затянулся. Кризис 2008 года тоже внёс свои коррективы, начать полномасштабное строительство просто не было возможности, что повлекло за собой новые сложности и неприятные сюрпризы.

В 2014 году Свейнбьёрг Бирна Свейнбьёрнсдоухтир, одна из кандидаток на пост в городской совет, выразила намерение отозвать земельные участки, выделенные под религиозные сооружения, если строительные работы до сих пор не начались. Новость сильно обеспокоила представителей Асатру, ведь на тот момент был только согласован план землепользования и застройки, а также установлен памятник Свейнбьёрну Бейнтейнссону. Не внушал оптимизма и от-

вет на открытое письмо, которое женщине отправил один из неравнодушных к ситуации язычников. Свейнбьёрг Бирна подчеркнула, что её высказывание в равной степени должно относиться ко всем религиозным организациям, и что, по её мнению, решение о выделении земельных участков должно приниматься только по результатам тайного гражданского голосования. В конечном итоге, к счастью, данная инициатива всё же не была реализована, поскольку кандидатуру Свейнбьёрг Свейнбьёрнсдоухтир не поддержало необходимое число избирателей. Земля так и осталась закреплённой за Ásatrúarfélagið, и уже в 2015 году началась закладка фундамента под храм.

В 2017 году, однако, строительство было приостановлено для решения инженерных задач из-за уникальности конструкции здания. Предполагалось, что это займёт не более двух месяцев, но работы возобновились только в 2019 году.

Пандемия также оказала негативное влияние на ситуацию. Вместо запланированных ста тридцати миллионов исландских крон, стоимость возросла до трёхсот миллионов. Это выявило необходимость поиска других, инновационных способов сбора денежных средств. Поскольку за возведением языческой святыни в Исландии внимательно следят не только местные, но и иностранцы, было решено использовать для сбора пожертвований сайт группового финансирования. В интервью для Vísir Хильмар Ёрн рассказал, что году в 2018, когда строительство было приостановлено в том числе из-за нехватки средств, внезапная помощь пришла от религиозных лидеров Таиланда. «Тогда видишь, что боги делают своё дело таинственным и вдохновляющим образом», — поделился верховный жрец.

В 2021 году был сделан важнейший шаг: община перебралась из арендованного офиса на Стране Выступа (Síðumúli) в уже пригодное для работы помещение на территории храмового комплекса.

На данный момент, по словам Хильмара Ёрна, строительство практически завершено. «Мы ждем разрешение на ввод объекта в эксплуатацию на основе выполнения требований пожарной безопасности. Документ должен быть получен в ближайшие несколько дней или недель», — говорит он в интервью Morgunblaðið, добавляя, что сейчас идёт сборка несущей конструкции купола. Хотя детали заказываются заграничные, ожидается, что они будут доставлены и установлены в следующем году.

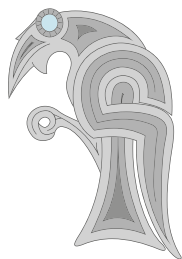

11...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

НОВОСТИ

Этот первый день лета

Празднование пятидесятилетнего юбилея прошло 21 апреля. Церемониальная часть проводилась на территории храма, а развлекательная — в парке Нойтхольсвик в Рейкьявике. Программа была очень разнообразной! Благодаря содействию клуба исторической реконструкции

эпохи викингов Боевая Великанша (Rimflug), гости получили возможность пострелять из лука, научиться метать топоры, также был хоровод, воздушные шары и подарки для детей и, конечно, праздничный костер, сосиски на гриле, жареные маршмеллоу и разнообразные напитки. Судя по фотографиям, было очень весело! Я же, пользуясь случаем, от всей души поздравляю Ásatrúarfélagið со знаменательной датой!

Настасья Сысоева

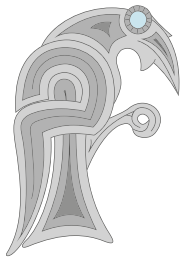
... 12

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

ТРОЛЛЬ ГНЕТ ЕЛЬ

Беседовал
Алексей Глазачев

Константин «Тролль» Румянцев был занят подготовкой к вечернему концерту, поэтому на большинство вопросов отвечала Мария «Джетра» Леонова.

С Во-первых, огромное спасибо, что согласились на встречу, тролли — это одни из самых ярких представителей скандинавской мифологии, плюс, мы в редакции, конкретно я, очень любим ваше творчество. Первый вопрос. Очень нравится то, что вы используете разные музыкальные инструменты, в том числе такие древние, как варган, бубен. Есть ли среди вашей коллекции инструменты вашего собственного изготовления? И, может быть, есть мысли сделать свой инструмент?

Такого, чтобы прямо нашего изготовления, нет, но есть крафтовые вистлы, уникальные, существующие в единственном экземпляре, сделанные специально для меня. Если кто не знает, вистл — это ирландский вариант свирели, и так исторически сложилось, в «Тролль Гнёт Ель» я играю именно на них. А так, свой вариант свирели есть практически у каждого народа, конструкция, по сути, одинаковая.

С В скандинавских сагах тролль упоминается очень часто. И люди с троллями постоянно взаимодействуют, может, не всегда мирно, но есть и примеры совместной деятельности, и договоры с троллями, тролль может и помочь человеку, и наградить его, хотя, конечно, может и принести

вред. На ваш взгляд, насколько уместно говорить, что тролли действительно жили на территории стран Северной Европы и что это старая раса, иное человечество и т.д.?

Со своей точки зрения, играя в группе «Тролль Гнёт Ель» двадцать с лишним лет, я могу сказать, что тролли стопроцентно существуют (смеется), и они находятся с людьми и в товарных, и в денежных, и даже в любовных отношениях. У нас много об этом говорится в песнях, в том числе и в новой нашей программе затронуты такие темы. Насчет того, что было в прошлом... я думаю, что и в прошлом они существовали, и в настоящем тоже существуют конечно же.

С Про троллей есть мнение антрополога Станислава Дробышевского (см. Северный Ветер № 30), что тролли стран Северной Европы могут быть последними представителями неандертальцев, которые остались в глухих лесах и пещерах малолюдной Северной Европы или те же Метелияйнены в Карелии.

Константин: Йети же до сих пор существуют, так что, почему бы и нет.

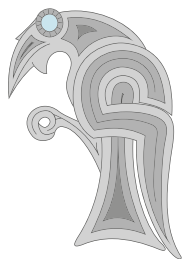
Мария: Я думаю, что тролли — это еще одна раса, нечеловеческая, альтернативная.

13...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Думаю, что одно другого не исключает. В горах Северной Европы, Норвегии, возможно, есть и неандертальцы, и йети, и тролли. Кого там только нет!

СВ *Когда слушаю вашу музыку, то вижу целые картины, природу, леса, горы, ручьи. Предполагаю, что я в этом не одинок. Очень нравится ваш клип на песню «Карьялтролль», снятый на природе. Есть ли планы снимать на природе ещё, например, на островах Белого моря, в глухих уголках Карелии, на лабиринтах и т.д.?*

Ух ты! Это было бы очень здорово! Сам по себе клип «Карьялтролль» был снят в Карелии на островах Ладожского озера в августе, когда вода была уже холодная. Мы сделали целую экспедицию для того, чтобы снять там клип, и, как вы правильно заметили, природа занимает очень большое место в этом клипе. Мы мечтали бы снять ещё один клип, у нас есть задумки на новую песню, которая называется «В плену грибов».

СВ *Как раз хотел про неё спросить!*

Песня «В плену грибов». У нас планировалось ещё в прошлом году сделать сингл, не просто сингл, но и клип, но поскольку были некоторые сложности, мы этого не сделали. И мы как раз планировали это тоже сделать в окрестностях Санкт-Петербурга, в живописной местности Карельского перешейка. Мы хотели, чтобы в клипе, с одной стороны, было ещё много зелени, но и желтых листьев, грибов и прочего вот такого антуража. В прошлом году не успели, но, может быть, в этом получится. А так, да, грибы тоже очень много места занимают в лесах Ленинградской области и в нашем творчестве тоже.

СВ *Когда слушал эту песню, «В плену грибов», были мысли, что это в том числе и стеб над грибниками...*

Да, но вы же слышали, какие в этой песне надменные слова от имени грибов произносятся! Там обыгрываются всякие народные поговорки, пословицы на тему грибов. Например, пословица, что шляпу не снимают ни перед кем грибы, не преклоняет головы народ грибной страны. И что именно ты должен им кланяться! То есть да, с одной стороны, стеб, а с другой стороны, вы чувствуете гордость народа грибов?

СВ *Не зря их в отдельное царство выделяют! Такой вопрос. Последние пару лет Россию буквально захватила грибная истерия. Многие люди начали собирать мухоморы, употреблять их, делать порошок, настойки*

и т.д. Как бы вы это прокомментировали?

Наслышана об этом! Я думаю, это всего лишь только мода. Это волна, увлечение определенными дарами природы. Кто-то, конечно же, в этом что-то находит. Но, как известно всяким ведающим, увлекающимся тайными знаниями о природе людям, у каждого растения или гриба есть свой дух. Есть люди, которым этот дух наиболее подходит. Я думаю, что если бы дух мухоморов мог как-то быть очеловечен, то чувствовал бы себя на топе сейчас (смеется). Но на самом деле, разумеется, не всем подходят такие вещи. Не стоит увлекаться заигрываниями с тайными силами природы только из моды.

СВ *Абсолютно с вами согласен! У вас есть песня про Йоль, есть две песни про Самайн («Чёрный Самайн» и «Огни Самайна»), а сегодняшний концерт достаточно близок к дате Весеннего Равноденствия (интервью бралось 8 апреля). Вы как-то отмечаете в своей жизни, для себя, эти годовые точки Колеса, проводите ритуалы, выезды на природу?*

Выезды на природу, по возможности, обязательно делаем. По крайней мере, на дни Летнего и Зимнего Солнцестояния я стараюсь это обязательно исполнить. Зажечь костер в день Зимнего Солнцестояния... Хоть и не всегда получается, но да. Но конечно, я стараюсь для себя эти дни отмечать. Это самые древние праздники, и они должны быть почтены.

СВ *Ходите ли вы в походы на природу? Ночевка в палатке, рыбалка, вот это все?*

Да, конечно! Константин очень любит рыбалку. Я просто люблю быть в лесу. И конечно мы ходим в походы. Мы очень любим лес Ленинградской области, Карельский лес, Северный лес.

СВ *У вас в музыке используется варган. Для меня это очень приятно, потому что я сам играю. Сколько у вас варганов?*

Лично у меня небольшая коллекция варганов. У меня их три, при этом все три подарены якутами. И подарены с большим почтением. Как-то на гастролях к нам подошли якуты и с большим уважением преподнесли нам с Константином два варгана. Они сказали, что дух творчества Якутии находится в варгане (или как их называют в Якутии — хомусе), а вы творческие люди — вот вам варганы.

СВ *Исландский скальд Снорри Стурлусон написал «Младшую Эдду» и «Круг земной»,*

и у вас есть одноименная песня...

Обожаю эту книгу!

С И в Младшей Эдде есть раздел «Язык поэзии», а в нём — перечень имен «Trollkvenna», что можно перевести как жены троллей, тролльши или троллихи. И среди них одну троллиху зовут Мунхарпа. А по-норвежски «мунхарпа» это варган. Как вы считаете, могли ли тролли принести варган в мир людей?

Какая интересная мысль! Мне хотелось бы в это верить. Это же очень тролльский инструмент. Я так прямо и вижу, что они могли вполне изобрести пусть не металлический, но костяной или, может быть, деревянный. Даже животные... Есть свидетельства, что медведи, например, развлекаются тем, что дергают лапой щепу на пне и слушают звук. И не только медведи, но и птицы, кстати, тоже так могут развлечься. Поэтому я в это верю.

С Есть ли у вас любимый скандинавский (или не скандинавский) миф или сага про троллей или не обязательно про троллей?

Сложно выделить... Это же целый мир. Я люблю весь этот мир.

С Есть ли у вас любимые фильмы/сериалы, посвященные эпохе и культуре викингов и эпохе раннего Средневековья? Что бы вы порекомендовали посмотреть нашим читателям/вашим слушателям?

Если читатели/слушатели еще не посмотрели фильм «И на камнях растут деревья», то это нужно обязательно сделать, с этого бы стоило начать. Потому что это наше начало начал, скажем так. Это был фильм нашей юности, который мы все должны были обязательно смотреть, когда занимались исторической реконструкцией.

С В сагах часто рассказывается, что тролли и троллихи могли похищать, утаскивать людей, мужчин, женщин. И нередко не убивали их, не съедали, а напротив, жили вместе как мужчина с женщиной, детей заводили. Примерно схожим образом поступали северные народы по отношению к нашим казакам, чтобы избежать кровосмешения и оздоровить свою популяцию. Как бы это прокомментировали?

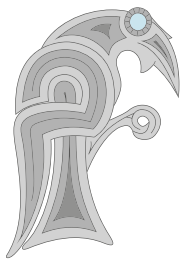
В это верится! Многие народы обращают внимание на то, чтобы не происходило кровосмешения. Разными способами стараются этого избежать, либо какими-либо запретами жениться и выходить замуж за жителей ближайших селений, либо даже вот такими методами, как вы описали.

С Очень нравится ваш кавер на «Красно-жёлтые дни» группы «Кино». Песня, спетая вашим женским вокалом, для меня совершенно по-новому открылась. Могли бы вы рассказать про историю появления этого кавера. И, может быть, есть в планах перепеть что-то ещё из Виктора Робертовича?

Приятно слышать! Что-то ещё - нет, вряд ли, потому что это было уникальное стечение обстоятельств. Нам предложили сыграть на фестивале, и этот фестиваль был посвящен дню рождения Цоя. И нужно было обязательно разобрать и подготовить к исполнению песню Цоя. Мы пришли на репетицию и подумали: ну, сыграть было бы неплохо, но что же мы там будем играть? А у меня была моя авторская аранжировка песни «Красно-Жёлтые дни». В «Троль Гнет Ель» играть её было нелегко, у нас не было раньше таких каверов. Но раз сложился такой случай, мы разобрали эту аранжировку, стали её играть, и песня зашла людям очень сильно. На ютубе уже свыше пяти миллионов просмотров. И эту аранжировку одобрили и Александр Цой (сын Виктора Цоя), и Юрий Каспарян (гитарист группы «Кино»). Она одобрена официально. Мне приятно знать, что авторам она тоже нравится. И нравится людям. Иногда я читаю комментарии к видео на ютубе и вижу много сообщений о том, что эта песня помогает преодолевать трудности и жить дальше.

С Полностью подтверждаю. Вопрос, есть ли у вас какой-то ритуал или обычай перед выходом на сцену?

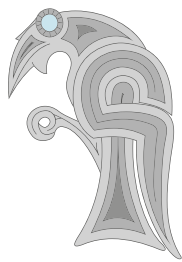
Нет. Никакого ритуала нет. Может быть, когда давно он и был, но сейчас нет. Раньше немного боялась выходить на сцену, и это продолжалось достаточно долго, но, конечно, с течением времени все страхи ушли.

15...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

С Концертный тур, разъезды, гостиницы, много часов в дороге. Есть ли какие-то фирменные приемы поддерживать хорошее самочувствие, настрой?

Отчасти это привычка, отчасти это просто любовь к тому, чем ты занимаешься. Если ты знаешь, что у тебя впереди концерт, и ты это очень любишь, это само по себе придает сил. Любимое дело мотивирует.

С Может быть, у вас есть идея выпустить сборник страшных сказок от троллей, ну или вообще, задумывались ли музыканты группы о выпуске своей книги на любую тему?

Ух ты, как это интересно! Это очень классная идея, она нам не приходила в голову, но идея очень хорошая. Мы вам напишем благодарность, если его выпустим (смеется).

С Случались ли в вашей жизни, во время гастролей или поездок странные, может быть, мистические истории, которые сложно объяснить простой логикой? Из того, про что можно рассказать?

Могу сказать, что таких моментов очень много, у любого путешественника они есть. Какой-то один выделить? Могу рассказать случай со мной. Возможно, это было просто совпадение, но... Как-то мы летели в Омск, и, когда мы подошли к аэропорту Санкт-Петербурга, рядом начал мигать фонарь уличного освещения. Потом, когда мы зашли в самолёт, стала мигать какая-то лампа около меня, и во время полета свет всё время чуть-чуть мигал. И когда мы прилетели в Омск, в гостиницу, я зашла в свой номер, включила свет и уже стала ложиться спать, свет тоже стал мигать. И я про себя подумала: «Всё. Уходи. Ты прилетел куда хотел. Побыли вместе, тебе понравилось, уходи». Это была удивительная история. Может совпадение, может, нет, но духов действительно очень много вокруг.

С Какое фирменное блюдо приготовил бы Тролль и каким образом?

Знаю! Наш Константин приготовил бы один фирменный коктейль. Называется «Бешеный тролль». Берётся большой пивной бокал и наливается по 30-50 мл. всего, что есть в баре (или дома). Перемешивается и выпивается. На выходе в результате получается бешеный тролль.

С Какое пиво мог бы сварить тролль в горной пещере?

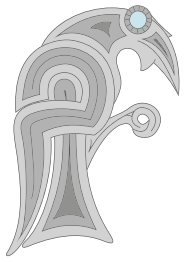
Тролль в горной пещере, я уверена, сварил бы миллион сортов пива! Каменное, галечное, сосновое, еловое, вересковое, с шишками, с пометом беличьим. И множество разных других. Не сомневаюсь, что тролль бы неплохо развернулся в пещере.

С Огромное спасибо за интервью. В конце традиционно — что бы вы хотели сказать нашим читателям/вашим слушателям?

Друзья. Помните о том, что древние праздники, древние обычаи и силы природы старше и сильнее всех человеческих перипетий, которые, как рябь на воде, расходятся по этим древним морям и океанам, сквозь которые мы все плывем. Поэтому будьте спокойны, помните о древних силах и живите гармонично вашу замечательную жизнь.

... 16

Предвестники ВИКИНГОВ

А. А. Хлезов

Эпоха Инглингов: миф, эпос или история? ¹

История вендельской эпохи не написана, как и история римского железного века в Скандинавии. Более того, вряд ли она вообще когда-нибудь будет написана. Состояние источников таково, что представить себе событийный ряд, наполненный некоей непрерывной (или относительно непрерывной) вязью исторических фактов совершенно невозможно. Практически полное отсутствие дат — вернее, абсолютных датировок — уже само по себе переводит это время в разряд «доисторических». Многочисленные имена, — а у нас нет основания считать их совершенно легендарными, речь идет лишь о степени этой легендарности, — придающие эпохе подлинное лицо, также не создают прочной основы для позитивистского исторического повествования. Мы можем говорить скорее о тенденциях и культурных феноменах, а также о вполне логичной и устойчивой последовательности определенных исторических событий, не привязывая их, однако, к точным датам. Подобно тому, как рунологи чрезвычайно осторожно описывают обнаруженные надписи, относя их к одному из трех больших периодов рунической письменности и не пытаясь покушаться на большее, именно по этому образцу и может быть воссоздана история вендельского периода.

Мы располагаем, к счастью, чрезвычайно ценными источниками — такими как «Сага об Инглингах» Снорри Стурлусона и «Деяния датчан» Саксона Грамматика. Несмотря на известную легендарность, геометрически возрастающую от глав, посвященных более позднему периоду, к главам, описывающим седую древность Севера, эти произведения являются нашим единственным историческим источником. Кроме того, исследователи на протяжении по меньшей мере нескольких

последних веков неоднократно подвергали эти произведения тщательному источниковедческому анализу, стремясь отделить от правды очевидный вымысел либо легенды. В результате мы можем признать высокую достоверность сообщаемой информации и рассматривать ее либо как прямой источник, либо как повод и основу для определенных выводов и исторических конструкций.

Итак, скандинавская традиция начинает собственную историю с правления Одина в Великой Свитьод. Разумеется, «история глазами Инглингов», властителей Швеции и Норвегии, по сути своей «шведо-центрична». Однако сам праисток Швеции, локализуемый традицией в бассейне Танаиса (Дона), указывает на отголоски весьма давних исторических преданий, сохранявшихся в «фоне» этой традиции в течение длительного времени. Существующая литература, посвященная этому вопросу, не позволяет вынести окончательный вердикт касательно прародины древних германцев, однако сам факт сохранения этой информации, а также ее контаминация с проблемой индоевропейской прародины и готской проблемой весьма симптоматичны.

Один, правление которого современной наукой хронологически вписывается в рубеж эр, выступает в этой, весьма демифологизированной, версии в качестве не только своего рода культурного героя, но прежде всего в ипостаси мудрого и отмеченного явной харизмой правителя:

«Один был великий воин и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей в битву или с другими поручениями, он обычно сперва возлагал

¹ Главы из книги А.А. Хлезова «Предвестники викингов. Северная Европа в I-VIII веках». Печатается с разрешения автора.

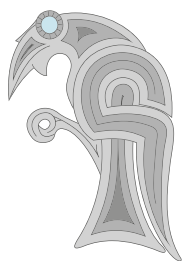
17...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 37

2022

руки им на голову и давал им благословение. Люди верили, что тогда успех будет им обеспечен. Когда его люди оказывались в беде на море или на суше, они призывали его, и считалось, что это им помогало. Он считался самой надежной опорой. Часто он отправлялся так далеко, что очень долго отсутствовал» (1; 2).

Один обладал не только собственными сверхъестественными возможностями и способностью к колдовству, но и благоприобретенными талантами, позаимствованными им у ванов – архаических богов плодородия, обретавшихся в непосредственном соседстве с Асгардом, жилищем асов. Причем эту приобретенную мудрость Один стяжает всеми доступными ему средствами. Показателен эпизод, когда в процессе замирения после битв асов и ванов взаимно выдаются заложники: от ванов к асам приходит мудрец Квасир (позднее дарующий человечеству поэтический талант), а Один отправляет взамен не менее мудрого Мимира в качестве консультанта главного заложника от асов — Хенира, ставшего вождем ванов. Вскоре простодушные ваны убили консультанта своего новообретенного владыки и отослали его голову в Асгард. В результате Один вернул себе своего ставленника Мимира (голова коего была им успешно возвращена к жизни), а также приобрел Квасира (1; 4).

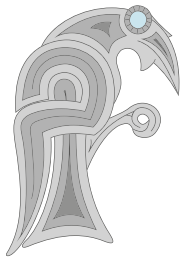
В образе Одина, как неоднократно отмечалось в литературе, сохранились многочисленные черты, свидетельствующие о его архаических корнях (впрочем, далеко не всегда его собственных, но позаимствованных от иных богов). В числе таковых — связь с весьма древними обычаями брачных отношений. Она проявляется в коллизии, возникшей в результате очередной длительной отлучки Одина, когда его братья разделили его наследство и оба временно оказались мужьями жены Одина — Фригг.

Постепенно традиция переносит повествование на северную почву. Поскольку Один располагает сверхъестественным знанием, он провидит собственное владычество в Северных странах. В результате Асгард остается на попечении его братьев, Вили и Ве, а сам Один с асами и собственным народом переселяется в Швецию. Долгие скитания по Европе, согласно саге, приводили Одина то в Гардарики (Россию), то в Германию (Саксонию), то на острова Датских проливов. Однако окончательно swei обосновались лишь в Скандинавии. Один провел классическую демаркацию и распределил между своими родственниками и соратниками владения, создав в каждом из «доменов» по

центру, именуемому общим именем «сигтуна» (в буквальном смысле «ограда победы», «град победителей»). Так, Ньерд жил в Ноатуне, Фрейр — в Уппсале, Хеймдалль — в Химиньбьере, Тор — в Трудвангаре, а Бальдр — в Брейдаблике. Симптоматично, за исключением Уппсалы, все остальные «сигтуны» являются чертогами асов в Асгарде, упоминаемыми Младшей Эддой.

Один мог менять внешность или, что вернее, перемещать свой дух в тело животного. «В этом случае тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или по делам других людей. Он мог также словом потушить огонь, или утишить море, или повернуть ветер в любую сторону, если хотел... Один брал с собой голову Мимира, и она рассказывала ему многие вести из других миров, а иногда он вызывал мертвецов из земли или сидел под повешенными. Поэтому его называли владыкой мертвецов или владыкой повешенных. У него было два ворона, которых он научил говорить. Они летали над всеми странами и о многом рассказывали ему. Поэтому он был очень мудр. Всём этим искусствам он учил рунами и песнями, которые называются заклинаниями. Поэтому асов называют мастерами заклинаний. Один владел и тем искусством, которое всего могущественнее. Оно называется колдовство. С его помощью он мог узнавать судьбы людей и еще не случившееся, а также причинять людям болезнь, несчастье или смерть, а также отнимать у людей ум или силу и передавать их другим. Мужам считалось зазорным заниматься этим колдовством, так что ему обучались жрицы. Одину было известно о всех кладах, спрятанных в земле, и он знал заклинания, от которых открывались земля, скалы, камни и курганы, и он словом отнимал силу у тех, кто в них жил, входил и брал, что хотел» (1; 7).

Именно с Одним традиция связывала активизацию воинской деятельности у скандинавов. Он располагал многочисленными магическими и сугубо военными талантами, причем активно эксплицировал их на собственное окружение, способствуя его непобедимости в многочисленных сражениях с соседями. «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты и были сильными, как медведи или быки». (1; 6). Несомненно, располагая подобным

набором качеств, дополненных даром провидения и неограниченными способностями к изменению собственного внешнего облика, Один представлял собой тип идеального правителя — идеального настолько, что прижизненное существование среди подданных не оставляло ему шансов избежать обожествления. Именно это и произошло уже при жизни Одина; однако наивысшего развития культ правителя достиг после того, как Один, несмотря на собственные таланты и умения оказавшийся все же смертным, отошел в мир иной.

Одину приписывалось, в частности, и изменение погребальной обрядности, в культуре архаических обществ приобретавшей главнейшее и первостепенное значение. Именно с его установлениями связывалось распространение обычая кремации с последующим погребением пепла в земле либо в море. Обычай заупокойных приношений, сопровождающих человека в другой мир и совершенно архетипичных, был скорректирован Одним. Согласно его завету, человек продолжал пользоваться на том свете тем, что он собственноручно закопал в землю еще при жизни. Именно в этом представлении лежали корни обычая, массово распространенного в архаическую эпоху, в вендельское время и в эпоху викингов, когда владельцами богатств зарывались сотни и тысячи кладов — отнюдь не как средство накопления, но исключительно как мерило богатства и удачи в земной жизни. Отчетливо выраженное стремление сохранить материальный символ собственного успеха в виде богатств для посмертного использования имел, таким образом, весьма древние истоки.

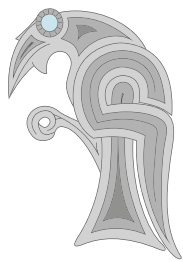
Смерть Одина положила начало его безвозбранному обожествлению. Сам акт умирания великого вождя стал глубоко символическим действием. Он велел перед кончиной пометить себя острием копья и присвоил себе всех, умерших от воздействия оружия. Разумеется, можно спорить о том, что было первично: младшеэддическая версия жертвоприношения Одина на Мировом ясене или же «земная» версия жизни храброго, воинственного, мудрого и удачливого правителя. Однако именно этим событием завершается «позитивистский» путь Одина на земле. Дальнейшее принадлежит сфере мифа и эпоса.

Одину наследовали асы, пришедшие с ним из Великой Свитьод: Ньерд, а затем его сын Фрейр. Ньерд, в частности, предельно явственно обозначил собственную «ванскую» сущность и природу безусловным предпочтением мирной деятельности деятельности военной. При нем в Швеции царили мир и покой,

последовала череда урожайных и благополучных годов. Отчетливо эпитонство Ньерда при этом выражено в его стремлении подражать Одину: он также пометил себя копьем, хотя вряд ли по роду своей земной деятельности был этого достоин.

Не менее отчетливым ваном выступил и Фрейр. Его правление также было всецело ориентировано на приумножение богатства, благополучие подданных и мирный труд. Именно при Фрейре традиция отмечает начало неординарного возвышения Уппсалы, претендующей ныне на роль религиозного, культурного, хозяйственного и административного центра державы свеев. Фрейр, жизнь которого была связана с неординарными успехами земледельческого и скотоводческого хозяйства, стал для свеев подлинным талисманом — символом благополучия и мира. Именно в силу этого сага повествует о возврате к отвергнутому воинственным Одним обычаю ингумации. *«Фрейр заболел, и когда ему стало совсем плохо, люди стали совещаться и никого не пускали к нему. Они насыпали большой курган и сделали в нем дверь и три окна, А когда Фрейр умер, они тайно перенесли его в курган и сказали шведам, что он жив, и сохраняли его там три года. Все подати они ссыпали в курган, в одно окно — золото, в другое — серебро, а в третье — медные деньги. И благоденствие и мир сохранялись. Когда все шведы узнали, что Фрейр умер, а благоденствие и мир сохраняются, они решили, что так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и не захотели сжигать его, и назвали его богом благоденствия, и всегда с тех пор приносили ему жертвы за урожайный год и мир»* (1; 10). Определенная наивность повествования очевидна, однако она, в силу этой самой непосредственности, отчетливо обнажает глубинные онтологические корни этих представлений о том, почему этот обряд должен был применяться наряду с сожжением. Несомненно, сохранение тела в том или ином виде могло иметь — и не только в Скандинавии — также и этот смысл: смысл сохранения в неизменности тех положительных, с точки зрения окружающих, функций, которые олицетворял, воплощал и реализовывал при жизни данный человек. Возможно, мы имеем дело со вполне рационалистическим объяснением одного из несомненно архетипичных явлений человеческой культуры, объяснением, претендующим на определенную универсальность.

Как бы то ни было, жизнью Фрейра и правлением его сестры и жены Фрейи завершился «мифологический» период истории Скандинавии. Череда правления рода асов

прервалась. Несмотря на то, что следующий правитель, Фьельнир, был сыном Фрейра от женщины по имени Герд, он уже не принадлежал к тому кругу избранных, которые пришли с Одином издалека, заложив основы державы свеев.

Автор чрезвычайно далек от мысли о том, что на основании подобных сведений можно построить позитивистскую историческую картину. Разумеется, информация источников в этой своей части остается в большей степени мифом, чем историей. И вместе с тем она является отражением собственно скандинавских представлений о своем историческом прошлом, то есть приобретает значение, выходящее далеко за рамки чистого источника и становясь на грань историографии. К тому же отчетливо прослеживающиеся ветви традиции позволяют говорить о тенденциях и направлениях развития древнейшей Скандинавии.

Так, явное противопоставление периодов правлений воинственных конунгов периодам властвования конунгов мирных красной нитью проходит через повествование о скандинавском прошлом и говорит об интуитивном схватывании исторического процесса. В сагах, действие которых происходит в эпоху викингов, оно последовательно отмечается рассказчиками, служа отражением эмпирически обнаруженного и основополагающего закона синусоидальности исторического развития любого института общества, феномена либо тенденции. Сменяющие друг друга «контрастные» правители создавали исторический ритм, отчетливо ощутимый при незначительном временном отстранении. Этот ритм в действительности являлся наиболее существенным и значимым стабилизирующим фактором, удерживавшим общество от эксцессов, распада и деструкции. Его последовательное воплощение в традиции, отмечавшееся исследователями (2), маркирует отчетливое постижение архаическим мышлением достаточно глубоких законов исторического развития. Именно в силу этого у нас нет оснований считать всю информацию источников о древнейших временах априорно ложной.

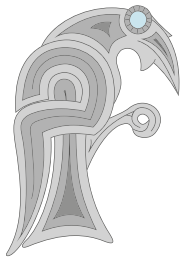
После асов начинается череда правителей, которые с равным успехом могут быть охарактеризованы и как эпические, и как вполне исторические. Симптоматично изменение языка и стиля повествования: после Фрейра и Фрейи он становится более живым, пластичным, в повествование вплетаются элементы откровенно бытовые и даже юмористические, появляется череда фактов микроисторического порядка, конкретных свершений

конунгов, почти отсутствовавших в предшествующих строках. Образно говоря, наша историческая «оптика» внезапно резко приближает изображение, в котором начинают просматриваться неразличимые ранее детали.

Северная традиция, запечатленная как в Младшей Эдде, так и в «Деяниях датчан», со временем возводит все ветви скандинавской истории к одному первоисточнику — Одину. Датская история, история династии Скъельдунгов (3; кн. I, гл. 3, § 1) связывается с тем же родом, что подарил конунгов Швеции: *«Скъельдом звали сына Одина, и отсюда пошли все Скъельдунги. Он жил и правил в стране, что теперь называется Данией, а тогда звалась Страной Готов. У Скъельда был сын по имени Фридлейв, правивший после него. Сына Фридлейва звали Фроди. Он наследовал своему отцу в те времена, когда Август кесарь водворил на всей земле мир. Тогда родился Христос. И так как Фроди был самым могущественным конунгом в северных странах, считают, что это он водворил мир во всех землях, где говорят по-датски, и люди на севере называют это миром Фроди. Тогда никто не чинил зла другому, даже повстречав убийцу отца или брата, на свободе или связанным. Не было тогда ни воров, ни грабителей, так что одно золотое кольцо долго лежало на Ялангрсхейд-поле»* (4; 142). Впрочем, вряд ли может вызвать сомнение тот факт, что время правления Фроди несколько удревнено и соотнесение его с эпохой жизни Христа вряд ли оправдано. Скорее все же, как показывает археологический материал, этот период начался несколькими веками раньше.

Такая вполне эпическая картина всеобщего мира и счастья, как нетрудно заметить, была абсолютно симметрична эпохе, протекавшей в тот момент по другую сторону Датских проливов, в Швеции. И дело не только в том, что стадии исторического развития регионов совпадали: просто Скандинавия вступила в полосу наивысшего за всю архаическую историю единства и определенной культурной однородности. Культурные институты стремились к унификации, к тому же это единство дополнялось достаточно мирными отношениями и правлением относительно «дружелюбных» конунгов.

Наступил (или, быть может, продолжился) тот самый период Инглингов, эпоха, о которой сами скандинавы вспоминали в своих рефлексиях эпически-исторического порядка как о своеобразном золотом веке. Основная характеристика этого времени — формирование единого культурно-исторического простран-

21...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

ства Северной Европы, заселенного германцами. Отношения, господствующие на этом пространстве, не могли быть совершенно безоблачными. Этого не терпит логика истории, этому противоречит археологический материал, не дающий права говорить о снижении воинственности скандинавов этого времени. Однако нормой становятся мирные отношения в рамках скандинавского мира, те самые отношения, которые складываются у Фьельнира и Фроди. Тот и другой были не только союзниками, но и друзьями, часто навещали друг друга, совершая, так сказать, официальные визиты, переходившие в неофициальные. Фроди плавал в Уппсалу, Фьельнир бывал в Хлейдре (совр. Лейре близ Роскилле), в «резиденции» Фроди. Одна из таких поездок в Зеландию стала для Фьельнира последней. Там был приготовлен большой пир и создано много гостей. У Фроди в его пиршественном доме в кладовой стоял огромный чан, «высотой в много локтей и скрепленный большими бревнами. Над этим чаном располагался чердак, а в чердаке не было пола, так что брагу в чан заливали сверху, со второго этажа, и напиток был весьма крепким. Вечером Фьельнира вместе с его людьми оставили ночевать на соседнем чердаке-лофте. А ночью Фьельнир, сонный и совершенно пьяный, вышел на галерею по нужде. Возвращаясь к собственной постели, он проходил вдоль этой галереи и по ошибке вошел в другую дверь, оступился, свалился в чан с брагой, где и утонул» (1; 11).

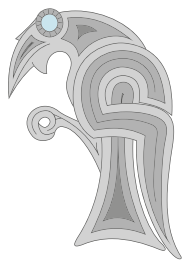
Наследник этого конунга, Свейгдир Фьельнарсон, в традиционном описании несколько загадочен. Загадочность эта проявляется в том, что он явно регрессирует в сторону большей мифологичности собственного образа. Сама по себе склонность к путешествиям неудивительна, как неудивительны и ностальгически-естествоиспытательские попытки Свейгдира разыскать изначальный Асгард и жилище самого Одина. Однако реализация этого стремления и тот факт, что Свейгдир все-таки Асгард отыскал, вызывают сомнения. Конунг разъезжал в компании одиннадцати спутников (доведя таким образом число членов отряда до сакрального числа асов) по разным странам, сопредельным и дальним, пытаясь разыскать Великую Свитьод. В ходе этой «экспедиции», продолжавшейся пять лет, Свейгдир добрался до Малой Азии («Страны Турок») (?!), где и повстречал немало родственников и даже женился на женщине из племени ванов. Отчетливая мифологичность этого сюжета, обильно сдобренного вопиющими признаками модернизации, не вызывает сомнения. Он выглядит скорее как не слишком

искусная попытка рационализации сюжета о Великой Свитьод и Асгарде Изначальном как таковом. Тем не менее дальнейшая история Свейгдира и его конец вполне продолжают традицию жизни Фьельнира и отмечены печатью отчетливой трагикомичности на почве того же самого архаического пьянства: «Свейгдир снова отправился на поиски Жилища Богов. На востоке Швеции есть большая усадьба, которая называется У Камня. Там есть камень большой, как дом. Однажды вечером после захода солнца, когда Свейгдир шел с пира в спальный покой, он взглянул на камень и увидел, что у камня сидит карлик. Свейгдир и его люди были очень пьяны. Они подбежали к камню. Карлик стоял в дверях и позвал Свейгдира, предлагая тому войти, если он хочет встретиться с Одним. Свейгдир вошел в камень, а тот сразу закрылся, и Свейгдир так никогда из него и не вышел» (1; 12).

Столь печальный конец конунга, навязчиво стремившегося встретиться с Одним и, вероятно, сподобившегося этой чести, не может заслонить от нас более важного обстоятельства. Свейгдир отмечает в северной традиции возрождение экспансионистских притязаний скандинавов. Если Фьельнир представляет эпоху, довольствующуюся миром и стабильностью у себя дома, то Свейгдир приступает к реализации иной программы. Это еще далеко не заморские походы, да и, собственно говоря, не походы вообще, однако рамки собственной державы, сколь бы мала или велика она ни была, становятся для династа уже достаточно тесными.

Ванланди, сын Свейгдира, символизирует полный перелом ситуации. О нем повествуется, что он был очень воинственен и много странствовал. Однако эти странствия весьма показательны. Вместо поисков прародины предков, то есть занятия хотя и похвального, но достаточно бесполезного, Ванланди обратил свои взоры на восток, причем на восток близлежащий — на непосредственных соседей шведов-свеев по Балтийскому морю — финнов. И вновь мы не сможем поручиться, что именно в этом рассказе правда, однако как раз он-то и дает блестящую картину следующей стадии интереса скандинавов к внешнему миру — освоения Балтийского моря. Ванланди четко обозначает приоритетный сектор внимания жителей Севера — зону балтийских побережий и бассейн этого моря.

Ванланди сгубила непоследовательность и необязательность: однажды он остался зимовать в Стране Финнов у тамошнего конунга Сньяра Старого и даже женился на его до-

чери Дриве (вполне скандинавские по звучанию имена придают этому наивному рассказу определенный колорит). Весной он уехал, оставив Дриву и пообещав ей вернуться на третью зиму, однако не вернулся и на десятую. Тогда Дрива послала за колдуньей, а Висбура, ее сына от Ванланди, отправила в Швецию. Колдунья была нанята, собственно, для того, чтобы та заманила Ванланди в Страну Финнов либо же умертвила его. Когда колдовство было в полном разгаре, Ванланди был в Уппсале. Внезапно ему захотелось в Страну Финнов, но его друзья запретили ему поддаваться соблазну, говоря, что оно, несомненно, является плодом финского колдовства. Тогда конунга одолел сон, однако он вскоре проснулся, позвал к себе и сказал, что его топчет «мара» — ведьма или дух, который, по скандинавским представлениям, душил спящих. Окружение конунга помочь ему уже не смогло, и вскоре он был погребен по обряду сожжения на берегу реки Скута.

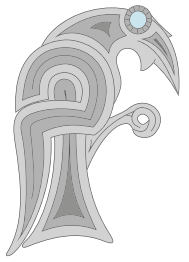
Не менее печальная участь постигла и самого Висбура, причем от руки той же самой колдуньи. Он имел детей как минимум от двух браков, что и привело к коллизии, весьма типичной для раннего Средневековья. Дети от второй жены, недовольные вниманием, уделяемым законному наследнику Висбура, Домальди, а также и тем, что Висбур отказался выплатить им брачный дар их матери — три больших хутора и золотую гривну, обратились все к той же финской колдунье за помощью. Они же пообещали Висбуру, что эта гривна станет проклятием для лучшего человека в его роду. Колдунья, видимо, привыкшая ворожить вполне адресно, предрекла, что отныне в роду Инглингов постоянно будут совершаться убийства родичей. Кончилось дело тем, что сыновья с дружиной сожгли Висбура в его собственном доме (1; 14).

Несчастливая судьба преследовала и Домальди. Несколько неурожайных лет вызвали совершенно открытое недовольство населения, в силу собственного архаического мировоззрения обвинившего во всех бедах лично своего конунга. В результате Домальди был принесен в жертву согласно уже отжившему, судя по всему, обычаю человеческих жертвоприношений. Этот эпизод, весьма любимый исследователями, рассуждающими об особенностях первобытного мышления и о практике жертвоприношений, отмечает совмещение (чрезвычайно типичное для Скандинавии) продвинутого черта культурного целого и его архаических закоулков. Одновременно начало сбываться проклятие Инглингов, которое чрезвычайно отчетливо

наводит на мысль об эпосе и эпическом мировосприятии. Примечательно, что Тьодольв из Хвинира, один из ярчайших скальдов, оставил строфу, которая — как и любой скальдический стих — стоит многого в плане исторической информации. В ней, в частности, Домальди именуется «врагом ютов» (1; 15). Несмотря на то, что это единственное свидетельство такого рода, оно, в силу своего происхождения, неопровержимо и подтверждает тот факт, что вражда с данами в этот момент составляет существенную часть исторического фона Скандинавии. Вероятно, это первое отчетливое свидетельство реалий «викинга» — похода, которому суждено стать визитной карточкой эпохи.

Домар Домальдсон был ничем не примечательным конунгом, воплощавшим тот самый уход синусоиды вниз, под координатную ось. При нем был мир и урожай, и, кроме того, он умер своей смертью и был сожжен. Скудость информации не позволяет предположить ни активных походов свеев, ни нападений на них самих. Викинги еще не стали постоянным элементом исторического процесса. Столь же непримечателен был и сын Домара, Дюггви. Однако, судя по всему, во время правления этих двух конунгов вновь был налажен мир с данами. Об этом свидетельствует то, что женой Домара и матерью Дюггви была Дротт, дочь конунга данов Данпа, сына Рига, «который был первым назван «конунгом» на датском языке. Его родичи с тех пор всегда считали звание конунга самым высоким» (1; 17). Нет никакой уверенности в том, что этот пассаж о титулатуре имеет под собой хоть какие-то основания. Однако примечательно, что две династии воссоединяются путем непосредственного породнения.

Даг Дюггвасон вновь возродил походы, однако они имели несколько иное направление. По крайней мере, мы можем утверждать, что одной из целей был Рейдготаланд, а также освоение Восточного пути. С Дагом связан также достаточно мифо-эпический сюжет. Он располагал весьма ценным советчиком — воробьем, собиравшим для конунга информацию по всему свету (аналог воронов Одина). Однажды этот воробей был убит хозяином поля в Рейдготаланде, на котором неосмотрительно клевал зерно. Недовольный отлучкой любимца, Даг не пожалел кабана, принесенного в жертву, чтобы узнать о его судьбе, а узнав, незамедлительно снарядил войско и предпринял карательный поход, в котором и нашел свой конец: «Народ разбежался от него. К вечеру Даг повернул с войском к кораблям, перебив много народу и многих взяв

в плен. Но когда они перебирались через какую-то реку... какой-то раб выбежал из лесу на берег реки и метнул в них вилы, и вилы попали конунгу в голову. Он сразу же свалился с лошади и умер» (1; 18).

Наследник этого конунга, Агни Дагасон, продолжил традицию походов в Финляндию и в значительной мере воспроизвел судьбу своего уже достаточно далекого предка Ванланди. Так же, как и тот, он женился на дочери финского вождя и накликал на себя незавидную участь. Роковым для него стал свадебный пир, после которого Агни, подобно многим правителям до него и после него в человеческой истории, отдыхал в своем шатре, стоявшем под высоким деревом. На шее у него была та самая фамильная гривна, которой владел Висбур и на которой лежало проклятье. На сей раз оно исполнилось в точности, ибо Скьяльв, новообетенная жена конунга Агни, привязала к гривне веревку, перекинутую через сук. Ее люди потянули веревку, осуществив древнее пророчество: Агни погиб и был кремирован и погребен там же, в Финляндии.

Альреки Эйрик, сыновья Агни, продолжили иную родовую традицию Инглингов — традицию вражды между братьями. Неизвестно, насколько они прославились благодаря заморским походам, но известно, что братья были заядлыми лошадиниками и обожали заниматься выездкой. Кончилось все тем, что в одной из поездок отбившиеся от своих дружинников братья были обнаружены с проломленными черепами. Вероятнее всего, орудием взаимного убийства послужили удила, ибо иным оружием братья не располагали. Явно криминальный сюжет этой истории тем не менее явился очередным подтверждением родового проклятья.

Сыновья Альрека — Ингви и Альв — в недалеком будущем разделили судьбу отца и дядьки. Характеры их были прямой противоположностью: Ингви был хорош собою, чрезвычайно воинственен и предприимчив. Он часто ходил в походы и стяжал себе немалую славу — судя по всему, к тому времени (конец V в.) подобный стиль поведения стал чрезвычайно престижен социально. Типичный викинг, Ингви был полной противоположностью своему брату. Альв был угрюм, нелюдим, постоянно сидел дома и предпочитал такой образ жизни беспокойной судьбе своего брата. Это и стало причиной конфликта. Жена Альва, Бера, будучи женщиной вполне эмансипированной даже для того времени, предпочитала компанию возвращавшегося из славных походов Ингви обществу мужа-домоседа, рано ложившегося спать и не одобрявшего стиль

жизни брата-соправителя. Более того, Бера неоднократно сравнивала Альва с братом, и отнюдь не в пользу первого. В один из вечеров, в разгар затянувшегося далеко за полночь пира, Альв подошел к брату, поглощенному беседой с его женой, и пронзил его мечом: однако Ингви успел нанести Альву ответный смертельный удар собственным оружием. Смерть, впрочем, примирила братьев — они были погребены в одном кургане.

Разгул стихии викинга наступил при следующих правителях. Сын Альва, Хуглейк, был, впрочем, человеком крайне миролюбивым и апатичным — как и его отец. Он был скуп, прижимист, предпочитал походам домашние пиры и мирную жизнь. Хуглейк собрал вокруг своего двора многочисленных скоморохов, шутов, музыкантов, чародеев и колдунов. Видя подобное состояние державы, соседи, несомненно, интересовались ее обороноспособностью. Судя по всему, маргинальных дружин в этот период было более чем достаточно; по крайней мере, два авантюриста — Хаки и Хагбард, — располагавшие немалыми дружинами, решили проверить Хуглейка на прочность. В их войске было немало людей, слава о которых тогда гремела по всей Скандинавии, в том числе знаменитый викинг Старкад Старый. В тяжелой и жаркой битве войско Хуглейка было наголову разбито, а он сам и двое его сыновей пали от руки Хаки, воспринявшего затем власть в Уппсале.

На три года династия Инглингов покидает шведский престол. Однако мирная жизнь Хаки, впервые за многие годы авантур и походов обретшего очаг, не устроила его воинов, и значительная часть наиболее славных викингов покинула дружину Хаки. Ерунд и Эйрик Ингварсоны, лишенные возможности занимать отчий трон и отточившие свои воинские таланты в многочисленных походах, организовали экспедицию в Швецию. К законным наследникам примкнуло немало воинов, а войско Хаки за три года сильно уменьшилось. Тем не менее Хаки был столь доблестным вождем и столь храбрым воином, что в состоявшемся сражении имел явное преимущество. Он пробился сквозь ряды повстанцев, сразил Эйрика и срубил знамя братьев. В результате Ерунд бежал с войском к кораблям и покинул страну. Однако сам Хаки был столь тяжело ранен в битве, что вскоре скончался. Перед кончиной он торжественно обставил свои похороны: груженная павшими в битве соратниками ладья с зажженным на палубе костром была отпущена в море.

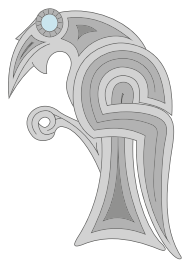
Гибель Хаки наконец позволила Ерунду занять место законного правителя Инглинга. Однако наслаждаться безоблачным управле-

23...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

нием своей страной ему пришлось недолго. Стихия похода звала, и Ерунд организовывал новые экспедиции. В одну из них, воюя в Дании, он столкнулся не только с ожесточенным сопротивлением местных данов, но и с войском сына побежденного и повешенного им конунга одного из норвежских племен. Воинское счастье изменило Ерунду, и он разделил судьбу своего давнего противника: был повешен на берегу его сыном, Гюлаугом.

Аун Старый, сын Ерунда, по отзывам современников, был человеком мудрым и религиозным (в языческом смысле этого слова); бессмысленным, на его взгляд, походам Аун предпочитал богатую жизнь дома и усердное служение богам Асгарда. Как и следовало ожидать, Швеция стала предметом вожделения воинственных соседей. Конунг данов Хальвдан Фродасон, отважный викинг, предпринял поход, в рамках которого состоялся ряд битв с войском Ауна, в каждой из которых Хальвдан неизменно одерживал победу. В конце концов, после двадцатилетнего правления в Уппсале, Аун принужден был бежать в Вестеръетланд. Хальвдан занял его место и прожил в этом качестве — шведского конунга — также около двадцати лет. Однако упорный Аун пережил своего обидчика и после его гибели возвратился из изгнания и в шестидесятилетнем возрасте вновь занял престол Уппсалы.

Видимо, Аун действительно ценил жизнь, ибо после не слишком легкой жизни решил обеспечить себе бессмертие. Именно с ним связывается другой излюбленный мифологами и религиоведами сюжет. Аун принес Одину в жертву одного из своих сыновей и получил в уплату шестьдесят лет жизни. Племянник датского захватчика, Али Смелый, совершил еще один поход в Швецию и вновь изгнал Ауна в Вестеръетланд, где тот пробыл в изгнании еще два десятка лет и вновь репатриировался после убийства Али. Один обещал ему продление жизни в обмен на жизнь сыновей, приносимых в жертву каждое десятилетие. Ненасытность Ауна, совершенно впавшего в детство, но собиравшегося принести в жертву последнего, десятого, сына, вызвала неудовольствие подданных. В результате Аун все-таки умер. Мифологичность этого рассказа очевидна, однако факт смены династий и временного господства датских конунгов вряд ли может быть поставлен под сомнение.

Последний сын Ауна, Эгиль, столкнулся с совершенно новой проблемой. Казначей и раб его отца Тунни, присвоивший значительную часть его немалого состояния, был лишен своей синекуры и отправлен на общие ра-

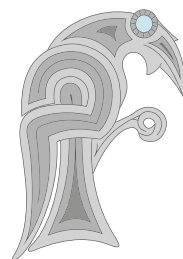
боты. Недовольный переменой своей участи и будучи человеком предприимчивым, Тунни поднял мятеж, к которому примкнуло значительное число людей. Эгиль организовал карательную экспедицию, однако в ходе восьми битв был каждый раз разбит и принужден бежать в Данию. Популистские меры Тунни сводились к щедрым раздачам захваченного имущества, что привлекало к нему сторонников. Тем временем Эгиль заручился помощью данов, пообещав их конунгу Фроди Смелому ежегодную дань со свеев. Объединенная дружина разбила войско Тунни, который пал в бою. Эгиль на три года занял престол Уппсалы, однако не платил обещанной дани и ограничился подарками лично для своего друга Фроди, отсылавшимися раз в полгода.

Жизнь Эгиля прервалась трагически и вполне славно, по представлениям того времени. Он пал на охоте в схватке с жертвенным быком, взбесившимся и наводившим страх на округу. Определенная ритуальность этого события отчасти сродни жертвенным практикам предшественников Эгиля, в частности его отца.

Невыплаченная дань, впрочем, отозвалась весьма плачевным образом в судьбе Оттара, сына Эгиля. Фроди не питал к нему тех дружеских чувств, что связывали его с отцом, и потребовал выплаты дани, на что Оттар ответил, что свеи никогда никому дани не платили и платить не намерены. В ответ Фроди собрал войско и разорил страну. На следующий год он отправился в поход по Восточному пути, и, воспользовавшись этим, Оттар пришел с большим воинством в Свитьод. До поры до времени его поход был удачен, однако силы местных данов намного превосходили силы свеев, не располагавших подкреплениями, и Оттар погиб. Его бросили на растерзание птицам на прибрежном кургане и, в качестве издевательства, отослали на родину деревянную статуэтку вороны, сопроводив ее словами, что Оттар стоит не больше, чем эта птица.

Сын Оттара, Адильс (конец VI в.), развернул экспансию и в южном направлении. Свеи ходили походами даже в Саксонию, о чем не говорят, в силу своего отсутствия, континентальные источники. Одна из захваченных в том походе рабынь, Ирса, девушка необыкновенной красоты, даже стала законной женой Адильса (1; 28).

Конунг Дании, Хельги Хальвдансон, напал на свеев и разорил страну, пользуясь явным численным превосходством. Адильс бежал, а Ирса досталась победителю, сделавшему ее своей — и не менее законной — женой. Именно она родила ему блестяще известного по многим источникам Хрольва Жердинку, одного из

самых знаменитых датчан Средневековья (3; кн. II, гл. 5, § 6) (3; кн. II, гл. 6, § 1–5). Однако дальнейшие события — в изложении Снорри — были уже сродни рыцарскому роману. Жена саксонского конунга, оказавшаяся при датском дворе в Хлейдре, встретила с Ирсой и сообщила ей, что та является ее дочерью от Хельги, ее нынешнего супруга. После этого Иrsa вернулась в Швецию. Хельги же погиб в походе через несколько лет, оставив престол Дании восьмилетнему Хрольву.

Адилс много воевал, в основном с норвежцами из Уппленда. Его сгубила страсть к лошадям, а возможно, и непочтение к богам: проезжая через капище верхом, он вылетел из седла, когда конь споткнулся, и разбил голову о камень.

При его сыне Эйстейне Швеция стала ареной битв и нападений данов и норвежцев. Стихия морских походов разбушевалась. Морские конунги бороздили моря и воевали как друг с другом, так и в особенности с мирным населением. Один из таких отщепенцев, Сельви с острова Ньярдей, сжег Эйстейна в собственном доме и выиграл многодневную (традиция называет чудовищную цифру в одиннадцать дней) битву с ополчением свеев. С трудом заняв трон, он не очень уютно себя на нем чувствовал и был в конце концов убит.

Ингвар Эйстейнсон активно участвовал в походах, ибо помимо данов и норвежцев на Швецию нападали даже эсты и другие племена Балтики. С данами был заключен мир, и Ингвар переключился на суливший богатую добычу и менее боеспособный Восток. Именно здесь его настигла судьба: конунг пал в большой битве с эстами, а дружина его бежала.

Энунд Ингварсон прославился на всех направлениях деятельности, свойственных конунгу той эпохи. Он отомстил за отца, разорив Эстонию, восстановил мир в стране и способствовал благоденствию подданных, за что был весьма любим, — сага отмечает, что он пользовался наибольшим уважением из всех конунгов династии. Энунд прославился массовой колонизацией северных шведских земель и вошел в историю с прозвищем Энунд Дорога. Вероятно, именно при нем сложилась окончательно система вейцлы — ежегодного путешествия по стране со взиманием дани и поочередным пребыванием во вновь построенных усадьбах и хуторах. Фактически именно при Энунде после длительных неурядиц сложилось подобие внутренней упорядоченности, характеризующей небольшое зарождающееся государство. Конец этого конунга был непосредственно связан с новым

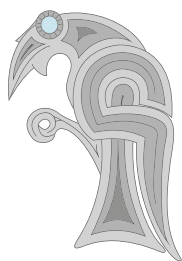
установлением — Энунда со свитой завалило горной лавиной и селевым потоком во время одной из таких поездок по стране.

С правлением Энунда связан чрезвычайно показательный сам по себе, хотя и абсолютно бытовой, по сути, внутренний конфликт. Именно из него мы впервые узнаем об отчетливой мозаичности административного устройства державы свеев. Разумеется, это ни в коей мере не означает, что локальные правители возникли только сейчас, однако это первая распря, оказавшаяся достаточно рельефно обозначенной в письменных источниках. Одновременно этот эпизод отчетливо показывает роль Старой Уппсалы в протогосударственной структуре Швеции. Традиция ежегодных массовых жертвоприношений, совершавшихся в середине зимы, являлась церемониальным средоточием всего исторического пространства страны. Именно этот вариант единства — единства прежде всего культового — был актуален на данной стадии общественного развития. Именно в форме культового единства, основанного на почитании общего пантеона и использовании общих капищ, и существовал авторитет центральной власти.

Конфликт, собственно, развернулся между сыном Энунда, Ингьяльдом, и сыном одного из местных конунгов, правивших в одном из подразделений Уппленда, Альвом Ингварсоном. Во время традиционного зимнего жертвоприношения в Уппсале между детьми, предводительствовавшими каждый своей ватагой, случился раздор, ибо шестилетний Альв в чем-то оказался сильнее своего соперника. Ингьяльд так разозлился, что громко заплакал, и его отвели к Свипдагу Слепому, его воспитателю. Свипдаг заметил, что это большой позор, и велел вырезать сердце у волка, зажарить его на вертеле и дать съесть Ингьяльду. Видимо, снадобье оказало свое действие, а возможно, сработал механизм детской психической травмы: с тех пор Ингьяльд стал очень злобным и коварным. Через несколько лет за него отдали замуж дочь конунга Гаутланда (Етланда) Гаутхильд. Авторитет Энунда Дороги был чрезвычайно велик, и конунг Етланда считал за честь породниться с его домом, тем более что предполагалось, что сын Энунда вполне унаследовал положительные качества своего отца.

Ингьяльд, сын Энунда, унаследовал власть отца после его гибели, Показательно, что именно с его правлением, относящимся к первой половине VII в., традиция связывала первые попытки объединительной политики и покушений на власть локальных конунгов

25...

с целью ее ограничения либо ликвидации. В этом смысле весьма наивными выглядят попытки Снорри Стурлусона представить эти события как некое возвращение ослабевшего единовластия — такового никогда доселе не было. Тем не менее схема раздробления центральной власти, предложенная в саге, весьма интересна и заслуживает внимания. Согласно ей, после разделения державы между братьями конунга Агни «*владения и власть конунга стали расплываться в роду по мере того, как он разветвлялся. Но некоторые конунги расчищали лесные дебри, селились там и так увеличивали свои владения*» (1; 36). Ингьяльд, придя к власти и став конунгом, решил обуздать всевластие местных правителей и поднять авторитет центральной власти. Для выполнения этой задачи был избран наиболее короткий по тем временам путь. Ингьяльд велел устроить большой пир в Уппсале, чтобы справить тризну по своему отцу. Специально для пира было даже затеяно строительство нового пиршественного дома. Ингьяльд велел отстроить дом не менее просторный и роскошный, нежели собственные палаты в Уппсале, и назвал это сооружение «Домом семи конунгов». Там было приготовлено семь почетных сидений. Во все концы Швеции были разосланы гонцы, через которых Ингьяльд приглашал к себе конунгов, ярлов и других знатных людей. На эту тризну приехали Альгаут, конунг Етланда, тесть Ингьяльда; Ингвар конунг Фьядргондаланда и его два сына, Агнар и Альв — тот самый, который был в детстве соперником Ингьяльда; Спорсньялль, конунг области Нерке, Сигверк конунг Аттундаланда. Не явился лишь Гранмар, конунг Судрманланда (Седерманланда).

Шесть конунгов были посажены на престолы в новых палатах. Один из престолов, приготовленных по велению Ингьяльда конунга, пустовал. Все, кто приехал, были размещены в новых палатах, а Ингьяльд разместил свою дружину и всех своих людей и собственном доме. «*В то время был обычай, что, когда справляли тризну по конунгу или ярлу, тот, кто ее устраивал и был наследником, должен был сидеть на скамеечке перед престолом до тех пор, пока не вносили кубок, который назывался Кубком Браги. Затем он должен был встать, принять кубок, дать обет совершить что-то и осушить кубок. После этого его вели на престол, который раньше занимал его отец. Тем самым он вступал в наследство после отца. Так было сделано и в этот раз. Когда Кубок Браги принесли, Ингьяльд конунг встал, взял в руки большой турий рог и дал обет увеличить свою державу в половину во все четыре стороны или умереть. Затем он осушил рог.*

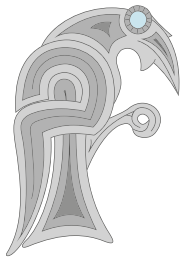
Когда вечером люди опьянели, Ингьяльд конунг сказал Фольквиду и Хульвиду, сыновьям Свипдага, чтобы они и их люди вооружились, как было договорено вечером. Они вышли, отправились к новым палатам и подожгли их. Сразу же палаты запылали. В них сгорели шесть конунгов и все их люди. Тех, которые пытались спастись, немедля убивали. После этого Ингьяльд конунг подчинил себе все те владения, которые принадлежали конунгам, и собирал с этих владений дань» (1; 36).

Столь блестяще задуманная и исполненная операция обезглавила все могущественные роды конунгов в Швеции. Несмотря на ее явно криминальный характер и нарушение элементарных законов гостеприимства (вряд ли приглашенные конунги предполагали подвох от сына столь уважаемого правителя), Ингьяльд достиг одним шагом немалых успехов в достижении поставленной им самим жизненной цели.

Гранмар, чудом уцелевший благодаря собственной осторожности, крепко задумался. В результате он свел близкую дружбу с одним из шведских вождей викингов, Хьервардом Ильвингом, и даже выдал за него собственную дочь, Хильдигунн. Недовольный сохранением опасного и могучего противника конунг Ингьяльд на следующий год собрал войско для нападения на владения Гранмара. Тот организовал коалицию, к которой, помимо его нового родственника Хьерварда, примкнул и конунг Эстерьетланда Хегни. Несмотря на такой размах, эта коалиция численно была все же меньше, нежели войско Ингьяльда, которое десантировалось с кораблей в Седерманланде.

В ходе жестокой битвы Ингьяльд вскоре убедился, что приобретенные с помощью обмана и предательства новые земли принесут ему мало пользы. Все войско, набранное в Фьядрюдаланде, Вестерьетланде, Нерке и Аттундаланде, обратилось в бегство и отступило на свои корабли. Сам Ингьяльд получил множество ран и бежал с собственным войском на свои корабли. В этом сражении пали оба его сына, Гаутвид и Хульвид, а также Свипдаг Слепой, его воспитатель. Ингьяльд вернулся в Уппсалу крайне разочарованный результатами этого похода.

Вражда Гранмара и Ингьяльда длилась много лет, пока наконец друзья того и другого не смогли их помирить. Конунги договорились о встрече, встретились и заключили тройственный мир: Ингьяльд, Гранмар и Хьервард, зять Гранмара. Мир, по договору, должен был соблюдаться до тех пор, пока они живы, и был

скреплен клятвами верности. На следующий год, весной, Гранмар отправился в Уппсалу, чтобы совершить жертвоприношение, так как было принято весной приносить жертвы за мир. И здесь, в Уппсале, он получил предсказание, что ему недолго осталось жить. И действительно, предательская натура Ингьяльда дала себя знать. На следующую осень Гранмар и Хьервард, его зять, отправились пировать в своих усадьбах на острове Сили. В то время как они пировали, туда явился в одну из ночей конунг Ингьяльд со своим войском, окружил дом и сжег их в доме вместе со всеми их людьми. После этого он подчинил себе владения конунгов Гранмара и Хьерварда и посадил там своих ставленников.

Хегни из Эстерьетланда и его сын Хильдир часто совершали набеги на Швецию и неоднократно убивали людей Ингьяльда конунга, которых он ставил править во владениях, принадлежавших раньше Гранмару. Ингьяльд и Хегни в течение длительного времени враждовали друг с другом, однако Хегни удавалось вплоть до самой своей смерти удерживаться в своих владениях и противостоять притязаниям Ингьяльда.

У Ингьяльда было двое детей: дочь и сын. Дети Ингьяльда сыграли существенную роль в скандинавской истории. Его дочь Аса, выданная замуж за Гудреда, конунга Сконе, была весьма схожа со своим отцом нравом. Традиция приписывала ей вину Гудреда, убитшего собственного брата Хальвдана, отца знаменитого объединителя Северных стран Ивара Широкие Объятья. Ей же приписывалось и убийство собственного мужа. Сын Ингьяльда, известный как Олав Лесоруб, был отослан матерью на воспитание к собственному наставнику Бови в Вестерьетланд.

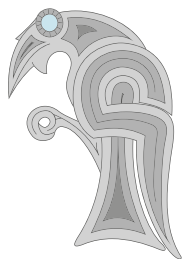
Традиция повествует, что Ингьяльд конунг за свою бурную жизнь убил двенадцать конунгов, обманув их всех обещанием мира. Поэтому в историю Севера он вошел под именем Ингьяльда Коварного. Судя по всему, Ингьяльду удалось выполнить свой обет на давнем пиру — он действительно был конунгом большей части Швеции. Тем не менее его стиль решения политических проблем в конечном счете не остался безнаказанным. Ивар Широкие Объятья, мстя за убиенных родителей и ненавидя как Асу, так и ее отца, вторгся с большим войском в Швецию из Сконе. Аса еще до этого приехала к своему отцу. Ингьяльд давал большой пир в усадьбе Рэнинге, когда он услышал, что приближается войско Ивара. Собственных сил у него было слишком мало, чтобы противостоять Ивару, к тому же

Ингьяльд отлично понимал, что, обратившись в бегство, потеряет последние шансы, так как многие «союзники» будут не прочь напасть на него. В результате он вместе со своей дочерью принял вполне героическое решение, которое прославило напоследок его имя так, как вряд ли прославили бы другие земные деяния. Они с Асой напоили всех своих людей допьяна, после чего подожгли дом. В огне погибли и сам конунг с дочерью, и вся дружина и их ближайшее окружение.

Скачкообразное, а вернее, ступенчатое движение от децентрализации к неким формам единой и верховной власти нашло в Скандинавии продолжение в создании державы, которую удалось собрать на краткое время Ивару Широкие Объятья. Разумеется, речь не шла ни об империи, ни о государстве как таковом. Тем не менее Ивар, завоевав Шведской державой, подчинил себе также и все земли данов, а также большую часть страны саксов, пятую часть Англии и «Восточную державу». От его рода произошли конунги датчан и шведов, те, которые позднее были «единовластными в своей стране» (1; 41). Что скрывается под туманным определением «Восточной державы» — сказать сложно. Неизвестно, какие именно земли Восточной Балтики платили дань Ивару. Тем не менее описанные реалии — с исторической и хронологической точек зрения — являются пограничными и переходными от вендельского времени к эпохе викингов. Середина и вторая половина VIII в., к которым приурочиваются последние из описанных событий, знаменовались обращением внимания скандинавов на Запад, в католическую Европу. Цивилизация Севера созревала до крупных объединительных форм, не нуждающихся, строго говоря, в культовом обосновании и поддержке и основанных на иных принципах.

После смерти Ингьяльда Коварного Уппсальская держава, по словам Снорри, «*ушла из рук Инглингов, насколько можно проследить их родословную*» (1; 41). После этого главная и основная линия родословия Инглингов перемещается на запад, в Норвегию, с которой и связывается ее дальнейшая слава.

Основудинастии Инглингов на норвежской земле заложил сын Ингьяльда Олав. После гибели его отца Олав принужден был бежать из страны, так как подавляющее большинство свеев крайне негативно воспринимало правление Ингьяльда и было счастливо избавиться от столь одиозного конунга. Династия Инглингов, таким образом, в Швеции потеряла к этому времени всякий авторитет, и ее представитель

не мог рассчитывать на поддержку населения. Олав отправился в поход с теми немногими сторонниками, которые захотели идти с ним. Он отправился сначала в Нерке, но, когда свеи узнали об этом, ему пришлось бежать и оттуда. Олав направился со своими людьми на запад через леса к реке Ета-Эльв, впадающей с севера в озеро Венерн. Там они наконец остановились и занялись обживанием этих диких мест; начали выжигать леса и строить хутора. Вскоре необитаемый до того времени край, где были вполне приличные земли, был заселен и назван Вермландом. Именно тогда свеи прозвали Олава Лесорубом. У Олава было двое сыновей — Ингьяльд и Хальвдан. Второй, прозванный Хальвдан Белая Кость, вскоре получил немалую власть на западе Скандинавии, в Норвегии.

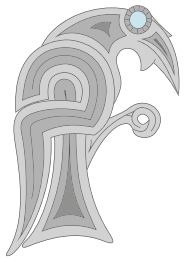
Олав Лесоруб был, судя по всему, правителем деятельным, прагматичным и целеустремленным, в определенном смысле даже атеистом. Он открыто пренебрегал жертвоприношениями и отправлением культовых функций, которые лежали на нем как на конунге. Гораздо больше внимания он уделял конкретным хозяйственным задачам и обороне своей новоприобретенной земли. Тем временем Ивар в Швеции наводил новый порядок, и по его настоянию на тингах было объявлено вне закона множество людей, испытывавших симпатии к прежнему правителю. Большинство из них покинуло страну и бежало под покровительство Олава Лесоруба в Вермланд. Но поскольку процесс этот шел массово, избыточный приток поселенцев привел к перенаселению земли, а случившийся неурожай — к голоду. Архаические стереотипы массового сознания — а они, судя по этому случаю, были чрезвычайно архаичными — не позволили вчерашним сторонникам Олава увидеть истинную причину голодовки. Люди сочли, что виноват в этом конунг, ибо с древнейших времен считалось, что именно конунг является источником как урожая, так и неурожая. Откровенно пренебрежительное отношение к жертвоприношениям в глазах народа стало причиной бед; было собрано войско, отправились в поход против Олава и, окружив дом, где он находился, сожгли его в доме, отдавая его Одину и принося его в жертву за урожай. Таким образом, уже в относительно исторически недавнее время конунг пострадал — вполне первобытным образом — за собственное небрежение языческой традицией.

Однако многие из повстанцев, обладая здравым рассудком, сознавали истинную причину голода. Поэтому после жертвоприношения войско двинулось на запад, в Солейяр,

где жил сын убиенного Олава, Хальвдан Белая Кость, — жил во владениях своего деда по матери, жены Олава Лесоруба Сольвейг. Дед — конунг Сельви — был убит, а Хальвдан практически насильно выбран правителем. Затем войско двинулось дальше на запад и пришло в землю норвежского племени раумов — Раумарики, которая была завоевана и подчинена, а Хальвдан Белая Кость стал здесь конунгом, обретя наконец собственную вотчину и пустив корни династии Инглингов в Норвегии. Точная дата этих событий нам неизвестна, однако она лежит примерно около 750 г. Дальнейшая история Инглингов — история постепенного волнообразного укрепления их власти в Норвегии. Начавшись с почти случайной имплантации династии на, в общем-то, чужую почву, эта история изобиловала поистине драматическими моментами и окончилась постепенным, но неуклонным «собранием земель», приведшим в конце концов к формированию единого Норвежского государства на рубеже X–XI вв.

Хальвдан Белая Кость был могущественным конунгом, удачливым и мудрым правителем. Он женился на Асе, дочери Эйстейна Сурового, конунга жителей Уппленда. У Асы и Хальвдана было двое сыновей — Эйстейн и Гудред. Хальвдан захватил большую часть фюлька (племенной области) Хейдмерк, а также Тотн, Хадаланд и большую часть Вестфольда, который в дальнейшем стал главной резиденцией и ядром владений норвежских Инглингов. Ингьяльд, брат Хальвдана, был некоторое время конунгом в Вермланде, однако после его смерти Хальвдан подчинил себе эту область, бывшую их общим отцовским наследством, и до самой своей смерти брал с нее дань, а также назначал туда своих ярлов. Он вполне благополучно, несмотря на многочисленные войны, дожил до старости, умер от болезни в Тотне, а тело его было перевезено в Вестфольд, где и погребено в кургане в Скирингссале (Каупанге) — первом торговом ремесленном поселении Норвегии, первом протогороде-вике.

Сын Хальвдана Белая Кость, Эйстейн, был после него конунгом в Раумарики и в Вестфольде, Он был женат на Хильд, дочери Эйрика, сына Агнара, который ранее был конунгом в Вестфольде. Агнар же был сыном Сигтрюгга — конунга из Вендила в Дании. У Эйрика не было сыновей. Он умер, когда конунг Хальвдан Белая Кость еще был жив и активно претендовал на соседние земли. Тогда Хальвдан со своим сыном Эйстейном завладела всем Вестфольдом. Женильба на дочери местного владетеля не только породнила

Эйстейна с местной администрацией и нобилитетом, но и связала через предков его жены с династиями датских конунгов. Так одним шагом были решены несколько весьма существенных политических вопросов. Эйстейн правил Вестфольдом до самой своей смерти. Конец его был связан с колдовством и приводит на память, казалось бы, давно забытые нравы прежних Инглингов и их противников. Приведем цитату из Снорри без купюр:

«Тогда в Варне был конунг, которого звали Скъельд. Он был очень сведущ в колдовстве. Эйстейн конунг приплыл с несколькими боевыми кораблями в Варну и стал грабить там. Он брал, что ему попадалось: одежду и всякое добро и орудия бондов. Скот они резали на берегу. Потом они уплывали. Когда Скъельд конунг вышел на берег со своим войском, Эйстейн конунг уже переплыл через фьорд. Скъельд еще видел их паруса. Он взял свой плащ, развернул его и дунул в него. Когда они проплывали мимо острова Ярлсей, Эйстейн конунг сидел у руля, а другой корабль плыл рядом. Были волны, и рея другого корабля сбросила конунга за борт. Так он погиб. Его люди выловили его труп. Его отвезли в Борро и там погребли его в кургане на каменистой гряде у реки Вадлы» (1; 46).

Хальвдан, сын Эйстейна, стал конунгом после него. Это был последний норвежский Инглинг VIII в. Его прозвали Хальвданом Щедрым на Золото и Скупым на Еду. Традиция гласила, что его люди получали столько золотых монет, сколько у других конунгов люди получают серебряных, но жили впроголодь. Этот сюжет послужил источником для исследования чрезвычайно интересного феномена скандинавской раннесредневековой культурной традиции. Речь идет о том обстоятельстве, что социум этого времени видел в богатстве и драгоценностях, обретенных в ходе войны в качестве военной добычи либо подаренных предводителем, отнюдь не материальную ценность. Эти предметы становились носителями мощнейшего заряда харизмы и славы, которая была вполне материальна и транслировалась от человека к человеку. Проще говоря, количество славы и удачи можно было увеличить или уменьшить, и материальными носителями их выступали как раз драгоценные предметы, обретенные воином при определенных обстоятельствах. Именно поэтому отказаться от них, продать, разменять или обменять, прогулять, в конце концов, было для викинга совершенно немислимо. Вместе с золотом и серебром, добытым на службе конунгу, могла уйти удача, а хуже этого с человеком ничего не могло приключиться — разве только

посмертное забвение потомками. В условиях относительно скудного климата и постоянной борьбы общества за существование драгоценные металлы, добытые в боях, становились гораздо меньшей редкостью, нежели продукты питания. Именно поэтому Хальвдан вполне мог беспрепятственно одаривать своих воинов-дружинников золотыми и серебряными украшениями и деньгами, однако испытывал постоянные трудности с элементарным прокормом своего воинства. Продать же либо обменять на еду подаренные конунгом-«кольцедробителем» драгметаллы дружинники не могли и не хотели — такая мысль скорее всего даже не приходила им в голову. Богатства накапливались для того, чтобы никогда не быть использованными по своему прямому назначению — приносить материальную выгоду, удовольствия и удобства. Вот модель культуры, диаметрально противоположной культуре капиталистической. В богатстве видится не его реальная потребительская стоимость, но прежде всего и почти исключительно идеальное наполнение, не вытекающее напрямую из него самого и понятное в основном кругу «земных героев» — дружинников. Те клады, зарывавшиеся скандинавами в землю издревле с целью послужить хозяину на небесах, в Вальхалле, — не что иное, как другая грань того же самого представления. Этим же соображением руководствуется знаменитый йомсвикинг Буи Толстый, когда, получив смертельное ранение, прыгает со своего корабля в морские волны, захватив с собой два сундука с золотом (5; 41). Хальвдан был типичным конунгом-викингом, человеком своей эпохи, благополучно сочетавшим управление своими землями и заморскую деятельность. Он был чрезвычайно воинственен, часто ходил в походы со своими викингами и добыл немало богатств. Хальвдан женился на Хлив, дочери Дага, конунга Вестмара. Его главной усадьбой был Хольтар в Вестфольде, где он, как это ни странно, мирно умер от болезни и был погребен в кургане в Борре.

Хальвданом Эйстейнссоном Щедрым на Золото и Скупым на Еду завершается история Инглингов в нашем изложении. Это не означало пресечения династии. Просто наступили новые времена, характеризовавшиеся началом массового движения в Западную Европу и многотысячными походами за рубежи скандинавского мира. Трудно при этом заметить сколько-нибудь существенные перемены во внутренней жизни скандинавских стран. Вышеприведенное не должно заслонять от нас того обстоятельства, что отчетливое осознание государственного единства,

монархической власти и некой унификации было в принципе чуждо людям того времени. Снорри, Саксон и другие, писавшие свои труды в эпоху становящегося централизованного государства и единой королевской власти, навязывали представление о централизации предшествующим временам. В действительности никаких династий, владевших всеми землями свеев, данов или норвежцев, не было и не могло быть. Племенные княжения были гораздо более локальными, и лишь изредка возникали формы более пространного объединения. Устойчивая власть династии на большой территории — конструкт средневекового книжника, экстраполированный на прошлое и ему навязанный.

Единственное, что может в действительности отделить эту эпоху от предшествующих, — это первые, пока еще достаточно робкие, попытки создания государств, объединяющих довольно значительные по тем временам территории, причем не только в рамках древних племенных границ, но и на межплеменной основе. Претензии наиболее амбициозных правителей начинают простираться на сопредельные им земли — те, на которые не распространялась власть их предшественников. Возникает — и это вдвойне удивительно на фоне слабости протогосударственной власти, ее институтов, отсутствия традиций — тенденция объединения под одной рукой не просто собственных фюльков, не просто присоединения к ним нескольких клочков земли соседа, — нет, конунги VIII в. претендуют на поистине общесеверный масштаб своей власти. Именно это столетие породило несколько относительно успешных опытов создания межплеменных «империй», из которых наибольших масштабов, размаха и значения достигло объединение земель под рукой Ивара Широкие Объятья. Пожалуй, именно это обстоятельство — и только оно одно — позволяет нам говорить о некой качественной границе исторических процессов, пролегшей по VIII столетию. Иных «разломов» в скандинавской истории в этот период не наблюдается. Последний из них пришелся, судя по всему, на V–VI вв., когда на первый план вышел феномен морского похода — «викинга».

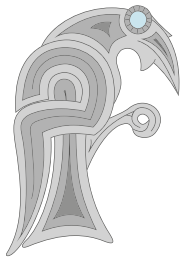
Быть может, самое существенное европейское событие, которое поставило относительно непреодолимую преграду между Севером и Югом, — крещение в 804 г. континентальных саксов, последовавшее после окончания тридцатилетних войн Карла Великого. Этот акт, оторвавший от континентального «плаща» германских племен по-

следний языческий лоскут, создал надежную преграду между католическим континентом и языческими полуостровами. Преграду, которая, несмотря на все старания миссионеров уже начиная с первой половины IX в., оставалась практически непреодолимой и несокрушимой. Эта преграда фактически была совершенно эфемерна, ибо лежала в сфере идеологии, однако именно это делало ее столь прочной и несокрушимой. Только к концу XI в., с окончанием походов викингов, крещением всей Скандинавии и истинным объединением Европы, сопровождавшимся переходом ее к внешней экспансии, преграда эта рухнула окончательно, оставив, однако, по себе многочисленные памятники и реликты.

Хочется отметить, что история Скандинавии I–VIII вв., реконструируемая по письменным источникам, не является, по крайней мере в основной своей части, сто процентной истиной. Да мы и не стремимся к ней относиться таким образом. Литература, посвященная критике источников и историко-литературным исследованиям, практически необозрима (6; 592) и не дает нам права утверждать что-либо со всей определенностью. Однако в той традиции, которая дошла до нас, запечатлены как исторические события, концентрация которых даже на общеевропейском фоне «темных веков» беспрецедентна, так и отпечаток их восприятия самими скандинавами относительно близких к этому времени эпох. Это особенно важно. Культура, собственно, и начинается с саморефлексии, и восприятие прошлого, его образ порой значат для нас так же много, как и оно само. К тому же, в конце концов, это единственная положительная историческая информация, которой мы располагаем. И проигнорировать ее было бы крайне нерационально.

Список литературы

1. *Сага об Инглингах* // *Круг Земной*. М., 1995.
2. *Лебедев Г.С. Конунги-викинги (к характеристике типа раннефеодального деятеля в Скандинавии)* // *Политические деятели античности, Средневековья и нового времени*. Л., 1983.
3. *Saxo Grammaticus: Gesta Danorum // Indholdsfortegnelsen bigger på Winkel Horn 1898 og på J. Olrik. 1908-1912.*
4. *Младшая Эдда*. М., 1994.
5. *Сага об Олаве сыне Трюггви* // *Круг Земной*. М. Наука, 1995. 687 с.
6. *Стеблин-Каменский М.И. «Круг Земной» как литературный источник* // *Круг земной*. М., 1995.

Олег Гуцуляк

Кто такие германцы?

Продолжение. Начало в 34–36 номерах «Северного ветра».

Гуцуляк Олег Борисович (1969) — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, президент Ассоциации мифологов и атлантологов Украины (АМАУ), администратор группы «Мифология» в Фейсбуке.

Фракия — родина матери Тюра-Ирмина

Исследователи резонно задаются вопросом: «...Может быть, не случайно древние авторы (Орозий. *История против язычников*. I, 16, 2; Иордан. *Гетика*. 39; Прокопий. *Война с вандалами*. I, 2, 2 и др.) отождествляли готов-германцев и гетов-фракийцев. При этом Иордан как раз сопоставлял культ Марса (Ареса) у гетов и готов. В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусон писал о захвате Фракии Трором (Тором), которого он называл троянским царевичем и предком Одина (Пролог, 3), переселившегося со своими людьми, «которых называли асами», в Страну Саксов и далее на север в Швецию. «Асы взяли себе в той земле жён, а некоторые женили и своих сыновей, и настолько умножилось их потомство, что они расселились по всей Стране Саксов, а оттуда и по всей северной части света, так что язык этих людей из Азии стал языком всех тех стран» (Пролог. 5)...».¹

О том, что на некотором этапе некоторые части прагерманцев с прафракийцами составляли культурно-религиозное единство, свидетельствуют и другие факты. Так, родословная германского бога грома Тора выводится именно из малоазийской Трои, этнологическая составляющая на основании данных ономастических исследований идентифицируется именно как фракийская, но значительно ассимилировавшая местное западно-анатолийское (лувийско-карийское) население древней Вилусы (Илиона). Малоазийские фракийцы чаще всего выступают под именем уже «фригийцев». Также «...персонажи «Энеева рода»: Трос (прапрадед Энея) и Капис (дед Энея), — фракийцы. Показательно, что отец Гекубы, жены Приама, — фракийский царь Киссей (заметим, что о Гекубе говорится и как о фригийской царевне), а муж Илионеи, дочери Приама, — царь фракийцев Полиместор. Гомер («Илиада», XI, 221 и сл.)

¹ Рогожин А. Глава 6. Необыкновенные приключения троянцев в Европе (продолжение) // <http://aloslum.livejournal.com/5687.html>

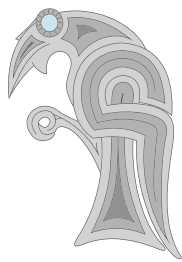

повествует и о троянском (илионском) герое Антенориде Ифидаманте, который был воспитан во Фракии у своего деда по матери, царя Киссея. Герой к тому же был женат на дочери Киссея... В Трое, согласно Гомеру («Илиада» II, 845), фракийцы обосновались на берегах Геллеспонта».²

Да и сам предок скандинавских династий Трор (Тор) удивительно напоминает основателя царства фракийских одрисов Тереса (Тера, Τήρης) (погиб 445 г. до н.э.), потомка Терей (Τηρέυς), считавшегося сыном Ареса, и местной нимфы Прокны, дочери афинского царя Пандиона. Терей был превращен за свои злодеяния (изнасилование сестры жены и убийство брата Дрианта; последнее ср. с убийством Трофонием брата) в удода. Желая

² Зильберман М. Этнос Трои и их божества // Электронная версия. — 2020. — С. 11, 13 — https://www.academia.edu/36172160/Этносы_Трои_и_их_божества?email_work_card=title

31...

заручиться поддержкой Тереса, древние Афины признали варвара потомком своего легендарного правителя Теря и чистокровным эллином. Его сын Ситалк вёл многочисленные войны с целью расширения территории государства во Фракии — от города Абдеры на юге, на побережье Эгейского моря, до берегов Дуная на севере и от Чёрного моря на востоке до реки Струма (Стримон) на западе (но без побережий, так как те были заняты греческими городами, что ежегодно платили дань в 400 талантов серебра). В Пелопоннесской войне Одрисское царство Ситалка по просьбе Афин выступило на их стороне. Фракийская армия насчитывала до 150 тысяч человек, включая в себя не только армию одрисов, но диев, пеонов, агрианов и других. За это его сын Садок получил афинское гражданство, о чём упоминал в своей комедии «Ахарняне» Аристофан. Однако уже в 411 г. до н.э. другой внук Тереса, Севт I, начал войну с Афинами за обладание полуостровом Галлиполи, но затем захвативший власть лидер горных одрисов Амадок восстановил добрые отношения с Афинами. В дальнейшем в Одрисском (Фракийском) царстве правило еще несколько царей с именем Терес, оно утратило независимость в 87 г. до н.э., а в 45 г. до н.э. римляне окончательно аннексировали Фракию.

Г. Шнейдер сравнивает положение Одина среди асов с положением фракийского бога Диониса среди олимпийских богов, производит его имя от слова *Wut* — «ярость», находит у него черты фракийского оргиастического культа и вообще подозревает в нем чужеродного внедренца³. Он ссылается на «Эдду», по которой Один впервые принес в мир войну, ссору, клятвопреступление⁴, он был богом ненадежным, хитрым обманщиком, колдуном, применяющим и белую, и черную магию⁵. Наконец, не без злорадства отмечает Шнейдер, лангобарды чтити Вотана в образе змия⁶. Одиному-фракийцу противостоит именно Доннар (Тор), сочетающий в себе черты Зевса и Геракла, т.е. сугубо германский аналог индийского Индры.⁷

Факт присутствия вариантов надписей возле изображения фракийского Героя (Heroes Perkones и Perko Heros) дал основа-

3 Schneider H. Die Gotter der Germanen. — Tubingen: Mohr, 1938. — S. 15–16, 23.

4 Schneider H. Die Gotter der Germanen. — Tubingen: Mohr, 1938. — S. 42.

5 Schneider H. Die Gotter der Germanen. — Tubingen: Mohr, 1938. — S. 164, 167.

6 Schneider H. Die Gotter der Germanen. — Tubingen: Mohr, 1938. — S. 183.

7 Schneider H. Die Gotter der Germanen. — Tubingen: Mohr, 1938. — S. 15.

ние В.Н. Топорову отождествить персонажа с балтским громовержцем Перкунасом⁸. «...Имя фракийского божества... отражено в одном из эпитетов фракийского всадника «Περχω, Περχωνει» [общая часть — «Перхо-»]» (Т. Д. Златковская «Пути сохранения древнебалканской обрядовой традиции» Сб. «Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья». 1984)⁹. Поскольку соперником громовержца Перкунаса является бог земных сил Велс (Велняс, Велес), часто представленный в образе змея, которого тот преследует, метая в него молнии (на земле они превращаются в «громовые камни»), то с фракийским Геросом Перконесом, действительно, логично сопоставить балканославянскую легенду о том, как конный герой Мате Юранович поразил самовилу-водарицу Велу за то, что она спрятала всю воду в сухом дереве, и тем самым открыл путь двенадцати ручьям. Также Марко-королевич вступает в борьбу с самовилой Видой. Также по одному из вариантов мифа фракиец Пейрос (Peiroos) убивает Диора («деревяного») «краеугольным камнем» (хетт. *regupa*- «скала, камень»)¹⁰.

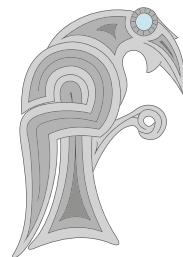
Возможно, кельтским эквивалентом Перконеса/Перкунаса/Перуна является историзированный христианскими монахами в качестве ирландского короля Фергус (Fearghus, букв. «мужественный, сильный»), сын Роига (Mac Róich), герой, владевший светящимся, словно радуга, мечем Лейте, сжёгший Эмайн Маху — столицу уладов, и приемным сыном которого стал Кухулин. Как и Кухулин, Фергус был возлюбленным могущественной воинственной королевы Мэдб (Medb, Maeve, букв. «опьяняющая, упоительная»), которой служили и духи-покровители, принимавшие звериный облик (птицы и ящерицы). Фергуса убил из ревности муж Медб король Айлиль (Ailill). Очевидно, что в этой кельтской версии «Велес» побеждает «Перкунаса». Саму Мэдб похоронили в пирамиде под курганом в вертикальном положении (так же умирает, привязав себя к вертикально стоящему камню, и её возлюбленный герой Кухулин — «Пёс Кулана»).

Поражает, что по мифу, засвидетельствованному Флавием Аррианом (II в. н.э.),

8 Топоров В.Н. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения — I. — М. : ИСИБ РАН, 1992. — С. 20–21, 28, 31.

9 Зильберман М. Этносы Трои и их божества // Электронная версия. — 2020. — С. 17. — https://www.academia.edu/36172160/Этносы_Трои_и_их_божества

10 Топоров В.Н. Еще раз о фракийском всаднике в балканской и индоевропейской перспективе // Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения — I. — М. : ИСИБ РАН, 1992. — С. 20–21, 28, 31.

искушённая в знании магических трав нимфа Фракия (Тракия, Thrake) дала название стране, которая ранее называлась Перкия (Perke).

Очевидно, что Перкия и Фракия — это инварианты названия, или даже, вернее, диалектные названия в одной индоевропейской общности, идущей еще со времен Дунайского неолита. Возможно, что данное определение относилось ко всем массивам гор между Альпами и Карпатами. Так, например, В. Порциг утверждал, что Судетские горы раньше назывались Виргунт от «Перкунос» — имени бога дуба.¹¹

Правда, сами греки сохранили миф, по которому эпонимом Фракии (Тракии) является Фракс (Θράξ, Thrax), один из сыновей бога войны Ареса. В «Алкестиде» Еврипид упоминает, что одним из имен самого Ареса был Фракс, поскольку он считался покровителем Фракии (его золотой или позолоченный щит хранился в его храме в Бистонии во Фракии).

С нимфой-ведуньей Фракией можно сопоставить германскую Фригг, жену бога-шамана Одина. Именно она взяла клятвы почти со всех, кто мог нанести вред Бальдру. К сожалению, она подрывает все свои усилия тем, что признаётся ведьме, что позабыла получить присягу от неприязательной омелы. Эта ошибка оказывается фатальной. Фригг связана с ремеслом прядения. В Швеции Пояс Ориона называют Фриггерок — «веретеном Фригг». Сплетение отдельных волокон в единую сильную нить — это маленькое чудо, а также мощная метафора для многочисленных элементов, которые переплетаются. Она прядет нить, которую ткут богини судьбы Норны (аналог греческих Мойр и римских Парк). Поэтому она тесно связана с Норнами и силами Вирда. Если так, то она делает это как богиня, покровительствующая роженицам и матронам (замужним женщинам, хозяйкам), Мать, которая осуществляет контроль над рождаемостью и дарует орлог новорожденному. Поэтому она читается в «Ночь Матери» (Modranicht) вместе с дисами. Фригг выполняет эту роль, когда просит Одина послать валькирию с яблоком изобилия к королю Рериру, для того чтобы тот мог зачать ребенка.

Фригг имеет свой собственный дом, называемый Фенсалир — «Зал на болоте», и двенадцать младших богинь сопровождают ее.

В саге «Sonatorrek» Эгиль Скаллагримссон говорит об обитателях Асгарда как о «детях

Фригг», хотя собственные её дети — Бальдр и Хермод. В «Lokasenna» («Старшая Эдда. Перебранка Локи») Фригг обвиняется в том, что жила с братьями Одина в то время, когда экстатический Один (Видрир) блуждал по мирам. Эти братья: «Ве» — святость места или сакральный центр, а «Вили» — желание, которое управляет.

Согласно «Младшей Эдде», отец Фригг — Фьёргунн (Фьёргюн, Фьёргвин, Фьоргун; др.-исл. Fjörgunn) («Старшая Эдда. Перебранка Локки», 26; «Младшая Эдда. Видение Гюльви», 9 и «Язык поэзии», 27), в котором видят балто-славянского Перкунаса (Перуна), аналогом которого является и фракийский Герой Перконес.

Но одновременно с Фригг существует Фьёргун (сканд. Fjörgyn, гот. fairguni, англ. firgen «гора» < прагерм. *fergunja «гора; лесистая гора» < пра-и.-е. *per-kun-iuā «гора деревьев») как мать громовника Тора («Старшая Эдда. Прорицание Вёльвы», 56 и «Песнь о Харбарде», 56; ср. «Младшая Эдда. Язык поэзии», 70). Имя Фьёргун, по свидетельству Снорри Стурлусона, использовалось в качестве «хейти» (то есть поэтического синонима) земли, суши, земной тверди («Младшая Эдда. Язык поэзии», 70).

Считается, что в христианской среде Фригг превратилась в сказочную Фрау Хольду («Милостивую, добрую»). Она живет в озере или колодце и является страшилкой для маленьких детей. Она забирает себе некрещеных детей. И в этом случае она ведет себя как такая потусторонняя богиня-мать. «Дикую Охоту» возглавлял не только Водан, но и Хольда — его спутница. Её, однако, иногда видят в колеснице, запряженной собаками. Её праздник — это Йоль. Также считается, что в христианстве аналогом Фригг-Хольды является святая Люция.¹²

Однако только в Тюрингии Фрау Хольда или Берта — прекрасная женщина с длинными золотыми волосами. Тут она также покровительствует всем малым существам, включая некрещеных детей. Думается, в дальнейшем сюжет развился в Белоснежку в стране гномов благодаря слиянию с рассказом о реальном историческом событии — попадании германской девушки Ильдико (Эльды) в страну гуннов (угров, алан), где она становится женой их царя Аттилы (Урызмага). (Из этого сюжета Дж. Мартин и сконструировал свою Кхалиси — Дейнерис Таргариен, «Мать Драконов»).

12 Бедненко Г. Фригг — супруга Одина, вещая жена и всадница Дикой Охоты // <http://pryahi.indeep.ru/nordika/frigg.html>

33...

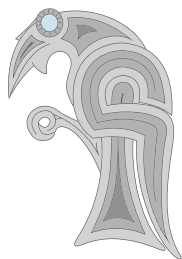
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 37

2022

11 Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. — М.: Прогресс, 1964. — С. 180.

Именно у кочевников-угров бытовал культ «гномов» — т.наз. «семи менкв» (сохранившийся у хантов и манси) — семи деревянных фигур с заостренной головой, разной высоты, но не более 150 см, привязанных к горизонтальным жердям, которые крепятся между двух деревьев. Головы и туловища фигур обернуты белой материей, часто в них вонзены металлические предметы, лица обращены на юг, перед ними разжигают огонь. «...Параллели данного представления наиболее ярко выражены в индийских изображениях семи риши (инд. Сапта-риши), семи мудрецов китайской традиции, связанных созвездием северного ковша (кит. Бэйдоу), и, возможно, зороастрийских «Амеша Спента» (авест. бессмертные святые)... С одной стороны — на севере, точнее, в северной части неба расположена «родина» менквов — «Семиугольный-на-Семи-Цепях-Повисший-Город», упоминаемый в сказании «Женщина-богатырь»... и соотносимый с созвездием Северного Ковша; это место их исхода. Кроме того, семь цепей, удерживающих на небе Город за семь углов, сходятся в одну верхнюю точку — к «гвоздю Неба», т.е. Полярной звезде. С другой стороны — на юге или в южной части неба расположена Мортим-ма — страна, куда улетают птицы и, возможно, цель путешествия семи менквов. Путь в эту страну лежит через каменные ворота, верхний камень которых препятствует попаданию в Мортим-ма любого, кто не обладает достаточными способностями, сродни шаманским, чтобы со скоростью полета птицы преодолеть преграду из молниеносно падающего камня (острый как лезвие край неба). Такое препятствие на пути в страну Юга объясняет характер заповедной местности: это не просто реальные «теплые края», куда стремятся перелетные птицы в преддверии зимнего сезона. Это Иной мир, наполненный всякого рода богатствами и изобилием. Кроме того, это и область, связанная со смертью человека и, как следствие, с возможностью воскрешения и обретения бессмертия посредством тайных знаний».¹³

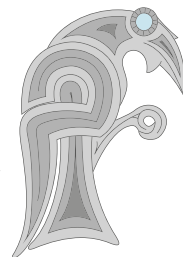
Тюрингия — «Земля Тюра»

О том, что именно Тюрингия должна рассматриваться как прародина германцев, говорят лингвистические факты: «...по «центральноевропейской гипотезе» германцы сформировались в Заксен-Анхальте, Тюрингии и западной Саксонии... Второй ар-

13 Тишков Ю.В. Святылище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси // Народы и религии Евразии. — 2015. — № 8. — С. 189–202. — <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatilische-sem-menkvov-v-mifologicheskikh-predstavleniyah-naroda-mansi>

гумент центральноевропейской гипотезы связан с существованием ряда эксклюзивных итало-германских изоглосс. Если прародина италийцев была в западной Германии... или на паннонской равнине... то германцы должны были находиться где-то поблизости, что исключает северную Германию, южную Скандинавию и Ютландию как место, где начали формироваться протогерманские инновации»¹⁴. «...И лексические, и грамматические, и фонологические соответствия свидетельствуют о длительных и тесных контактах, которые были прерваны в начале I тыс. до н.э. (возможно, после предполагаемого ухода италийских племен на Апеннинский полуостров, а возможно, после смены языка соседних с германцами италийцев на кельтский или германский) и возобновились только в эпоху Римской империи. Судя по семантике лексических соответствий, которые затрагивают не только общественно-юридическую терминологию, но и земледельческую и скотоводческую лексику, германский был соседом италийского еще до бронзового века, ср. особенно италийско-германские эксклюзивные лексические соответствия, которые могут восходить к каменному веку (ср. лат. *sparus*, *sparum* 'копье для охоты', *arcus* 'лук', герм. **speru-* 'копье', **arhwō-* 'стрела'). О существовании германо-италийского контакта в раннем бронзовом веке (т.е. в начале II тыс. до н.э.) свидетельствует общее германо-италийское название бронзы **ais-*.... Поскольку бронзовый век в области археологической культуры «Северного круга» (около 1800 г. до н.э.) начался позже, чем у носителей культуры, их юго-западных соседей (в северной Германии и Скандинавии не было собственных месторождений меди и олова), можно предположить, что общность обозначения бронзы в германском и италийском объясняется заимствованием этого слова (или, возможно, значения) из италийского в германский... Таким образом, поскольку германский имеет больше общих черт с осско-умбрским, чем с латино-фалиским, естественно предположение о том, что протоосско-умбрский дольше был соседом германского, чем протолатино-фалиский, т.е. что первыми италийцами в Италии были люди, говорящие на латино-фалиских языках (около 1300 г. до н.э.), а предки осков и умбров пришли на Аппенинский полуостров позднее (около 900 г. до н.э.)... С лингвистической точки зрения италийская прародина должна была находиться между кельтской и германской, поскольку больше всего об-

14 Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / отв. редактор Н.Н. Казанский. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 134.

щих инноваций у италийского с германским и кельтским... А германскую прародину следует искать между италийской и балтийской и рядом с финно-уграми. При этом у германского и италийского имеются исключительные общие грамматические и фонологические инновации, а общность германского и кельтского ограничивается словарным запасом, что может свидетельствовать о том, что кельто-германский контакт был более поздним и менее длительным, чем итало-германский контакт. Расположение италийского между германским и кельтским с одной стороны, и существование у германского инноваций, общих с балтийскими и финно-угорскими, с другой, предполагает распространение италийского на севере центральной Европы... Германцы могли называть венетами своих юго-западных и, частично, юго-восточных италийских соседей (возможно, часть носителей лужицкой культуры говорила на италийском языке...) во II тыс. до н.э. Не исключено, что таким было первоначально и их самоназвание. Затем часть венетов ушла к Адриатическому морю, сохранив свой язык, часть, вероятно, позже ушла на запад Франции, возможно, поменяв язык на кельтский, но сохранив самоназвание, а часть еще позже переняла германский язык и дала название вандилиям, а затем и западным славянам. Йордан уже, скорее всего, имеет в виду под венетами славян».¹⁵

Собственно, Тюрингия — это земля Тюра, место культа Ирминсула. По историческим источникам, спустившись на юг из восточного устья Эльбы, к 100 г. до н.э. Тюрингию заселило родственное свевам, хаттам и херускам (т.е. входящих в союз «герминонов», по Плинию) германское племя гермундуров (Hermunduri, Hermanduri, Hermunduli, Hermonduri, Hermonduli), изгнав отсюда кельтов и конкурентов из числа германцев (хаттов). Археологически гермундуры представлены «Großromstedter Kultur». В 3 г. н.э. маркоман Марбод объединил гермундуров, маркоманов, туронов, квадов, лангобардов и семнонов в одно государство, которое стало союзником Рима и выступило против восстания херуска Арминия (17 г. н.э.). В 19 г. н.э. именно князь гермундуров Вибиллий стал её правителем, свергнув преемника Марбода Катвалда (Катуальда) и изгнав других претендентов. В 50 г. н.э. Вигилий в союзе с частью квадов и племенем лугиев отразил попытку Катвалда, поддержанного квадами короля Ванния, вернуть себе

власть. Историк Корнелий Тацит (ум. 120 г. н.э.) писал о гермундурах: «...И та часть свебов, о которой я сейчас повею рассказ, также обитает на землях, простирающихся до самых глубин Германии. Ближе всего, — ибо я буду следовать вниз по Дунаю, как незадолго пред этим следовал по течению Рейна, — племя гермундуров, верное римлянам; по этой причине с ними одними из всех германцев торговля ведется не только на берегу, но и внутри страны, а также в самой цветущей колонии провинции Реции. Они повсюду свободно передвигаются, и мы не приставляем к ним стражи; и если другим племенам мы показываем лишь наше оружие и наши укрепленные лагеря, то для них, не проявляющих ни малейшей жадности, мы открыли наши дома и поместья. В краю гермундуров начинается Альбис (Эльба, — О.Г.), река знаменитая и некогда нам хорошо известная, а ныне мы знаем её только по имени» (Тацит, «Германия», 41). Но в 180 г. н.э. гермундуры союзе с маркоманами и квадами вели войну против Рима (т.н. «Маркоманские войны»). В IV-V вв. н. э. гермундуры с частью переселившихся сюда англов, варнов и собственно туронов (Тоурωνοι, Тоурωυοι) образовали этнополитическое единство под именем «тюринги» (Thoringi). Галло-римский епископ Клермона Сидоний Аполлинарий в своих сочинениях впервые упоминает это имя, говоря о 408 г. н.э., что тюринги входили в состав войска Атиллы во время его вторжения в Галлию. Еще в 800 г. закон тюрингов, записанный франконскими оккупантами, назывался «Lex Angliorum et Werinorum hoc est Thurororum».

Только в 531 г. Тюрингия была завоевана франками, которые передали своим союзникам саксам тюрингские земли к северу от реки Унструт, но земли к востоку от реки Заалы и к устью Майна вскоре заняли сначала авары (с которыми воюет в 562 и 566 гг. король франков Сигиберт I), а затем, в 631 г., — славяне из государства Само(-вита), взявшие под защиту часть тюрингов и язычников-саксов.

Для борьбы со славянами австразийские короли ставят в Тюрингии герцогов, а Пипин Короткий — графов. Назначенный Дагобертом I в 636 г. тюрингский герцог Радульф победоносно сражается со славянами, но поднимает восстание против юного короля Австразии Сигиберта III. Поход Сигиберта окончился поражением франков под стенами горного замка Радульфа на Унштруте (640 г.); франки должны были отступить, после чего Радульф уже как король Тюрингии, заключив союз со славянами-венетами и другими соседними народами, добился временной независимости Тюрингии

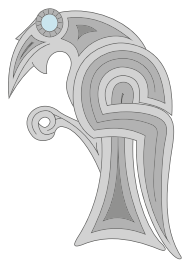
35...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

15 Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / отв. редактор Н.Н. Казанский. — СПб. : Нестор-История, 2011. — С. 148–149, 151, 152, 163.

от франков. После смерти славянского царя Само(-вита) в 658 г. часть славян под напором авар переселилась в Тюрингию, разнеся по ней сплошным слоем славянскую топонимию. Одну группу таких славян-переселенцев встретил на самых юго-западных окраинах Тюрингии в 736 г. монах-миссионер Стурми. Славяне «большим множеством» следовали по торговому тракту, ведущему из Тюрингии в Майнц. С ними был толмач из их собственного племени, помогавший при необходимости объясняться с местными. У переправы через реку Фульда славяне решили искупаться. Здесь и наткнулся на них Стурми, как раз свернувший на тракт. Осел, на котором ехал монах, задрожал, «испугавшись их голых тел». «...И сам муж Божий содрогнулся от их отвратительных запахов». Язычники, увидев его страх, стали насмехаться. Кое-кто даже «захотел причинить ему вред», но передумал. По словам автора «*Жития Стурми*», славяне «были Божественной силой удержаны и укрощены». Толмач даже любезно осведомился у Стурми, куда тот направляется, и миссионер разошелся со славянами миром. Также резкие характеристики давал славянам архиепископ Германии Бонифаций (ум. 753 г.), но они мало отличаются от его отзывов о закосневших в язычестве германцах. Упорный и смелый миссионер осуждал то «невежество», которое стояло на пути его служения. Франкский мажордом Карл Мартелл заключил какой-то договор со славянским племенем стодорян. Их вождь Драговит, позднее ставший верховным князем велетов, вступил с Карлом в союз и получил от него признание как самостоятельный правитель. Этот союз мог помочь в последней победоносной войне Карла с саксами в 738 г. — или, наоборот, был заключен уже после победы с новым соседом. В 748 г. Пипин Короткий, выступая в поход на саксов, обратился с предложением союза к независимым пока западным язычникам-фризам, жившим на границах Саксонии и Тюрингии, а также к соседним славянам — сербам. Сербские князья согласились и «единодушно» выставили в помощь франкам свои дружины. В 741–747 гг. славяне Франконии (т.е. Ост-Франкии как бывшей Тюрингии) уже были обложены ежегодной податью в пользу короны — такой же, как и сами жившие здесь восточные франки. Десятую часть этой подати Пипин и Карломан совместной грамотой отдали в пользу Вюрцбургской епархии. Архиепископ Бонифаций, в ведении которого оставались приграничные земли, колебался по поводу того, должно ли Церкви пользоваться податями с язычников. В 751 г. он обратился за разъяснениями к папе римскому Захарии. Тот

в письме от 4 ноября 751 г. отвечал своему легату: «...Поскольку о славянах, населяющих землю христиан, подобает ли брать с них подать, спросил ты, брат, — здесь совета не нужно, ибо суть дела очевидна. Ведь если будут жить без подати, то когда-нибудь начнут считать эту землю своей собственной. Если же станут платить подать, то будут знать, что у этой земли есть господин». Облагая славян налогами, франкские чиновники стали надеяться, что река Заале уже не полагает предел их власти. В 766 г. франкские войска переправились через Заале в северной Тюрингии у впадения правого притока, реки Ветау. Здесь находился сербский град, именуемый в латинских анналах Вейтахабург или Вейдахабург (позднее Веттабург). Франки разгромили славян и захватили их укрепление. Повод к войне неизвестен. Но битва в Вейтахабурге послужила началом нового этапа в отношениях франков с соседними славянами — экспансии на восток. Карл Великий отрезал Тюрингию от славян (ок. 804 г.), основав на Заале особую Тюрингенскую марку, и правители её при Людовике Немцеком (843–976 гг.) титуловались маркгерцогами (*duces Sorabici limitis*).¹⁶

Здесь, в Тюрингии, где берет своё начало река с явно славянским названием Верра (*Werra*), приток Везера, между долинами Хельмы (*Helme*) и реки Уншрута (*Unstrut*) в небольшом лесном горном массиве Кифхойзер (*Kyffhäuser*) к юго-востоку от Гарца в поселении Тилледе (*Tillede*) находился впервые упомянутый в 972 г. королевский двор, который посещался почти всеми немецкими королями вплоть до 1198 г. Для его защиты во времена императора Генриха IV (1056–1106) был построен замок Кифхаузен (*Reichsburg Kyffhausen*). По преданиям, в скале замка ждет своего часа Фридрих I Барбаросса (1152–1190). На юго-западной оконечности Кифхойзера между долинами Штайнтальебен (*Steinthaleben*) и Ротлебен (*Rottleben*) в 1865 г. была открыта живописная карстовая пещера, названная пещерой Барбароссы («*Barbarossahöhle*»).

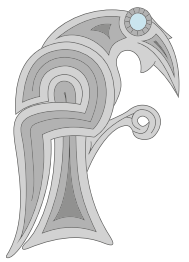
Видимо, для франко-саксонских завоевателей Тюрингии эта территория была настолько важна в своей сакральной функции, что именно здесь они основали свой королевский форпост на месте бывшей остготской резиденции Тилледе (т.е. первого Толедо), затем перешедшего именно под контроль славян. Сам Кифхаузен явно вызывает в памяти образ славянского (антского) князя Кия, основавшего на территориях экспансии славян в Центрально-Восточной Европе много-

¹⁶ Алексеев С.В. Славяне и Франкское королевство // http://www.istrus.ru/franskoe_korolevstvo.html

численные форпосты с названиями «Киев/Киевец».

«...Единичные славянские поселения действительно доходили до Рейна, следы чего сохранились в топонимике на «венд», правда, едва ли поддающейся точной датировке. К западу же от реки Заале, в Тюрингии и горах Гарц, славянские поселения известны с начала VIII века. Так, грамота об основании в Эрфурте монастыря Св. Петра сообщает о пяти основанных славянами уже в 706 году в округе этого города деревнях. Примечательно, что сами эти основанные славянами деревни в то же время носили немецкие названия: Тёттельштедт, Даберштедт, Тонндорф, Хохдорф и Некерода. В 740 году аббат Штурмий упоминает даже славян, купающихся в Фульде — реке, протекающей примерно в 20 км к западу от современных административных границ Тюрингии в феодативной земле Гессен. Многочисленные упоминания славянских поселений в западной и центральной Тюрингии VIII–IX вв. сохранились в грамотах фульдского и хердсфельдского монастырей. Подтверждает проживание славян в этих местах и хорошо известная здесь топонимика, включающая в себя компонент «венд» (нем. «славянин»), которым немцы отмечали славянские поселения по всей территории Германии. В отличие от собственно славянской топонимики, широкое распространение которой не выходит за междуречье Ильма и Заале, «вендская» топонимика имеет уже немецкое происхождение и указывает на то, что славяне жили тут сравнительно небольшими общинами, рассредоточено, среди преобладающего немецкого населения. Однако в то время как сами немцы на протяжении веков отличали этих проживавших рядом с ними славян от своих, археологии практически не удалось установить следов характерной для славян культуры к западу от реки Геры, на основании чего можно предположить значительную культурную интеграцию славянского населения западной Тюрингии при сохранении ими своего языка и самосознания. Ситуация эта очень схожа с современным положением дел у лужицких сербов, также полностью интегрированных в немецкое общество, двуязычных, но при этом ещё сохраняющих славянское самосознание и некоторые традиции. Схожая с западной Тюрингией картина наблюдается и в горах Гарц. Собственно славянская топонимика, как и археология, представлены в Гарце также очень слабо. В качестве примеров можно назвать имеющее славянскую этимологию поселение «Билен», находки славянской керамики в городе Вернигероде, предположительно древнеславянской гончарной мастерской в городе Винроде и смешан-

ные славяно-немецкие поселения в местечках Альтенроде и Бадерслебен. Кроме того, у подножия гарцких гор известно несколько «вендских» топонимов и одно смешанное славяно-немецкое поселение в королевской резиденции Тилледа... Одним из наиболее древних указаний на славянское заселение Гарца служит основание в 825 году монастыря Венденхузен (нем. «славянское поселение») в местечке, в настоящее время носящем название Тале. Возможно, окружавшие Гарц славянские поселения связаны с политикой Каролингов, начавших широкое хозяйственное освоение этих практически незаселённых до раннего средневековья гор и приглашавших для этого славян. Славянский язык сохранился в Гарце ещё в конце XIII века. В другом «Виндехаузене», у южного подножья гарцких гор, в построенной во второй половине XIII века церкви сохранилась деревянная скульптура Св. Марии с Иисусом, называвшаяся местным населением «Помайбог» и запечатлевшая, таким образом, широко распространённое у западных и не только славян христианское пожелание «помогай бог». По всей видимости, славянская община здесь была довольно значительной и состояла из нескольких деревень, так как название соседней с Виндехаузенем деревни «Билен» имеет славянскую этимологию. Факт славянского прошлого этого Винденхаузена привлёк широкое внимание уже в новое время, так что изображение скульптуры «Помайбога» даже попало на его современный герб. Память о контактах со славянскими соседями сохранилась в Гарце дольше их языка, что отразилось, к примеру, в гарцком народном предании о «венедианцах». Согласно этому преданию, в долину, расположенную у наивысшей точки Гарца, горы Брокен, регулярно приходил некий чужак, занимавшийся «вымыванием в реке жемчужин». Собрав достаточное их количество и произнеся особые слова, он чудесным образом перемещался в «Венецию». Заметив это, один из местных жителей решил последовать его примеру и, повторив слова «венедианца», вдруг сам очутился в «совсем чужом городе, в котором он не мог ничего понять». Там он снова встретил уже знакомого ему чужака, который, гостеприимно приняв его в своём сказочно богатом доме, помог незадачливому гарцкому путешественнику вернуться домой. Очевидно, что «Венеция» и «венедианцы» в этом предании являются позднейшим переосмыслением, «народной этимологией», возникшей во времена, когда славяне уже давным-давно растворились в общей массе немецкого населения. Как уже отмечалось, местные немцы называли славян «вендами», а в более ранние времена

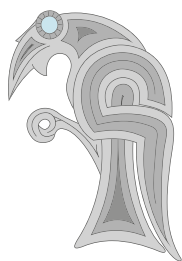

37...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

нередко и «венетами» или «винетами», как это следует из ранних упоминаний гарцких топонимов «Vinetha-husun» (936 г.), «Wened-husen» (1121 г.). Когда местное население окончательно забыло о былом присутствии славян в Гарце, их сохранившееся лишь в народных преданиях наименование «венедов» стало ассоциироваться с более известным, знакомым и понятным в новое время именем «венедианцев» (нем. Venediger)... В округе Халле, к востоку от Гарцких гор, славянская топонимика составляет около 50–60%. На юге центральной Тюрингии, в округах Рудольштадт, Арнштадт и Ильменау, её процент значительно ниже, но все равно ещё довольно высок – в пределах 6-22%, что при учете упоминания славянского населения почти в 60 различных населённых пунктах Тюрингии в письменных источниках, а также нередкого проживания тюрингских славян в деревнях с немецкими названиями позволяет прийти к выводу — центральная Германия заслуживает самого пристального внимания славистов...»¹⁷

Памятью взаимного общения и смешения славян и германцев в порубежье остались сравнительно поздние заимствования из германских языков в языках всех северных славян. Они весьма разнообразны по своему составу. Среди них — названия отдельных разновидностей посуды (деревянного питьевого сосуда, большого блюда), редких для славян животных (горностая и совсем экзотического льва), латуни и др.

Веселовский А.Н. в статье «*Онемеченное славянское поселение в Тироле*» передал следующую легенду о пребывании славян: «...Местность, в которой живут ныне онемеченные славяне Пустерталя, занимает около девяти квадратных миль с населением приблизительно в двадцать две тысячи. Славян заменила славяно-баварская помесь; в предании, записанном на разделе вод и народов, байваров и славян, последние представляются какими-то троглодитами, пещерными людьми, как бы попрятавшимися в скалы перед наплывом другой народности. В старые годы жили в Виндтале, в Берлоге антов (Antisches Loch), какие-то люди, редко или никогда не появлявшиеся в долине. Только однажды пришла оттуда девушка-красавица и нанялась в услужение в Преттау. Она была молчалива и никому ничего не говорила о своём роде-племени, говорила только, что в Преттау ей быть недолго, потому что, когда появится вооружённый всадник на белом коне, ей снова надо будет вернуться в свою берлогу. Так рассказывая,

она плакала. И действительно, как скоро появился всадник, девушка исчезла. Из берлоги и теперь ещё слышат детский плач, а на камнях кругом видели нередко пелёнки, сушившиеся на солнце. В песке у берлоги находят крошечные светло-жёлтые камешки, величиной с горошину и менее; им приписывают целебное свойство: вытягивать из глаз осколки дерева и сор, туда попавший. Говорят, что это окаменевшие слёзы антских людей».¹⁸

Само название «анты», перешедшее на определение части славян как в этом немецком предании, так и изначально, возможно, означает именно великанов, подобно древнеанглийскому ent, которое употреблялось наряду с eoten. Причём ent в «*Беовульфе*», а также в «*Руинах*» связывается с искусными изделиями – не только драгоценностями («*Beowulf*», 2717, 2774), но мечом (Beowulf, 1679) и шлемом (Beowulf, 2979), хотя иногда меч связывается с eoten (Beowulf, 1558, 2979), но чаще так называются чудища. Очевидно, что данные слова происходят из др.-сканд. «ётун», jötunn — «обжора» как определения вида великанов («турсов»), с некоторыми из которых германские боги находились не только в конфликте, но и в договорных, дружественных и даже родственных отношениях.

К слову, интересно, что если Б.А. Рыбаков и другие считали антов предками «полян», истолковывая название тех как «исполин, богатырь» (ср. «поляница» в жен. роде), то Д.Р.Р. Толкин изобразил «энтов» великанами-деревьями, этакими «древлянами» ;).¹⁹

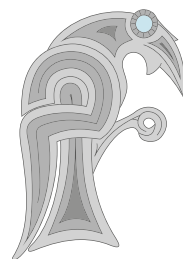
Интересно также сопоставить «столб Геркулеса» и «столб Трофония» с устанавливаемым на германских ярмарках в центре столбом, на который поднимали перчатку, по мнению исследователей, символизирующую правую руку Тюра. Ведь согласно «Эдде», спутанный ловушкой асов волк Фенрир, вскормленный ранее самим Тюром, откусил ему руку.

Продолжение следует...

¹⁸ Веселовский А.Н. Избранные труды и письма. — СПб. : Наука, 1999. — С. 95.

¹⁹ Aloslum (Порожин А.). Re: Мегалиты и курганы бронзового века в народных преданиях и легендах // <http://nap1000.livejournal.com/39582.html?thread=878750#t878750>

¹⁷ Пауль А. Славяне в центральной Германии // <http://perefomat.ru/2014/01/slavyane-v-germanii>

Василий Баринцев

(преподаватель древнеисландского языка в Школе Средневековых Искусств и Северной Академии)

Древнескандинавские музыкальные инструменты

О соотношении названий древнескандинавских музыкальных инструментов и реальных инструментов, соответствующих данным названиям

Суть в том, что у нас есть четыре древнескандинавских названия музыкальных инструментов:

- 1) harpa
- 2) gígja
- 3) fiðla
- 4) langharpa.

Следовательно, должно было быть четыре инструмента, которые отличались друга от друга самым очевидным образом. Вопрос лишь в том, как они выглядели. Я перечислил их в хронологической последовательности, то есть первый — самый древний, последний — самый поздний.

Далее — важный момент: способ звукоизвлечения не может влиять на названия инструмента. То есть из одного и того же инструмента, вероятно, можно было извлекать звук и пальцами, и плектром (медиатором), и смычком, в зависимости от задач исполнителя.

Теперь надо как-то это «распутать» и подобрать реальные, «предметные» соответствия данным названиям.

Название древнейшего из перечисленных здесь инструментов — harpa — отсылает нас ещё ко временам прагерманского языка, в котором оно выглядело как harpǫ.

Таким образом, это — название одного из древнейших германских музыкальных инструментов, известного уже в период формирования прагерманского языка. Известное нам название «арфа» через немецкое Harfe тоже происходит от этого прагерманского названия, однако это не должно вводить нас в заблуждение относительно внешнего вида данного инструмента. Ведь тот струнный щипковый музыкальный инструмент, который состоит из двух расположенных под углом рам,

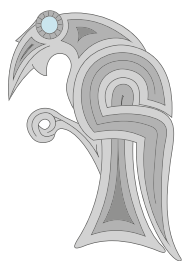
между которыми натянуто множество струн, использующийся в классической музыке, был изобретён лишь в XVIII столетии, в то время как само слово существовало уже задолго до того и было искусственно перенесено на новый инструмент. Иными словами, «арфа» — это древнегерманское название, и в строгом смысле оно может относиться только к тому инструменту, который был у древних германцев.

Венанций Фортунат в VI в. н. э. пишет: Romanusque lyra plaudat tibi, barbarus harpa, Graecus achilliaca, chrotta Britanna sanat. («Римлянин воздаст тебе хвалы на лире, варвар — на арфе, грек воспоёт тебя на Ахилловом инструменте, британец (или бретонец) — на ротте.») Под «варваром» подразумевается, несомненно, германец, и слово «harpa» здесь — это заимствование из какого-то германского языка, скорее всего франкского.

Но как выглядела арфа древних германцев и скандинавов? Это тоже известно совершенно определённо. Из найденных музыкальных инструментов данного типа древнейшим и лучше всего сохранившимся является инструмент из Троссингена.

И да, как и все германские арфы, он назван «лирой». Это объясняется тем, что когда к эпохе Романтизма повсеместно распространилась классическая арфа, а изначальный древнегерманский тип арфы был почти повсеместно забыт, произошло смещение терминов, и древняя арфа была названа «лирой», дабы не путать её с арфой современной. Но слово «лира» отсутствовало в германских языках до тех пор, пока не было позаимствовано из греческого в поздний период. Поэтому когда в скандинавских сагах мы встречаем упоминание арфы, то следует представлять себе инструмент, подобный лире из Троссингена.

39...

Инструмент из Троссингена, общий план и детали

И да, как и все германские арфы, он назван «лирой». Это объясняется тем, что когда к эпохе Романтизма повсеместно распространилась классическая арфа, а изначальный древнегерманский тип арфы был почти повсеместно забыт, произошло смещение терминов, и древняя арфа была названа «лирой», дабы не путать её с арфой современной. Но слово «лира» отсутствовало в германских языках до тех пор, пока не было позаимствовано из греческого в поздний период. Поэтому когда в скандинавских сагах мы встречаем упоминание арфы, то следует представлять себе инструмент, подобный лире из Троссингена.

При этом я ещё раз напоминаю, что способ звукоизвлечения не важен — звук может извлекаться пальцами, плектром или смычком, на название инструмента это не влияет. Смычок мог попасть к германцам во времена Великого переселения народов, которое началось ещё в IV веке н.э., и вполне естественно, что они стали использовать его для игры на знакомом им инструменте. Само собой, его название («харпа/арфа») от этого не меняется. Более поздние (фактически современные) названия для смычковой лиры — *taglharpa*, *strokharpa* — не встречаются в древних текстах, но подразумевают тот же самый инструмент.

Первое название отражает материал, использованный при его изготовлении, *tagl* — «конский хвост», так как и струны, и смычок зачастую делались из конского хвоста, хотя струны могли быть и жильные. Второе название обозначает способ игры на этом инструменте, оно является производным от глагола *strjúka* — «гладить; разглаживать; проводить касаясь; играть смычком». Дело в том, что

скандинавские языки имеют тенденцию распространять название «*harpa*» на все струнные музыкальные инструменты, добавляя к ним предшествующий корень, уточняющий смысл, как например в слове *nyckelharpa* — «клавишная арфа», которая ни к лире, ни к арфе не имеет никакого отношения.

Так что называть какой-то инструмент просто «*harpa*» было бы странно, тем более после появления классической арфы. И тем не менее именно *taglharpa* или *strokharpa* является прямым продолжением арфы древних германцев и скандинавов. Форма этого инструмента сохранилась почти неизменной — вытянутый корпус с «окном» посередине, через которое натянуты струны, коих может быть от двух до восьми, причём варианты с 2–4 струнами всегда смычковые, с 4–6 могут быть как смычковыми, так и щипковыми, а с 6–8 струнами — только щипковыми.

В целом очевидна историческая тенденция к уменьшению количества струн (2-струнный — финский йохикко, самый поздний тип) и вытеснению щипкового способа игры смычком (первый едва ли где-либо сохранялся даже в XVII веке). И тем не менее это не более чем многообразные варианты одного и того же инструмента — будь то германская лира из Троссингена, англосаксонская из Саттон-Ху, норвежская из Кравика, лирообразные гусли из Новгорода, эстонская тальхарпа или финский йохикко — и до XIV (а то и до XVII) столетия этот инструмент не имел никаких других названий, кроме «*harpa*».

В связи с этим прошу принять мою поправку, так как данный инструмент никогда не мог обозначаться термином *gígja*, поскольку это даже не вписывается хотя бы в логику

языка — называть инструмент другим названием только из-за того, что на нём играют смычком. Ближайшая аналогия — виуэла (viuela), испанский инструмент XV—XVI веков, на котором играли и смычком (viuela de arco), и щипком (viuela de mano).

И теперь я обязан перейти к следующему пункту ответить на вопрос — что же такое gíjja? Да это не что иное, как один из наиболее широко распространённых в Европе инструментов своего времени. В Западной Европе он был известен под названием ребек, на Руси — гудок, в Болгарии — гадулка, на Балканах — лира (да-да, опять это избитое греческое слово, которое прилипает к струнным инструментам почти любого типа).

Вне всяких сомнений, скандинавам, побывавшим, пожалуй, на всех европейских побережьях, был знаком этот инструмент. И да — это подтверждается находкой в Хейдабё: там обнаружен инструмент данного типа, на данный момент единственный в Скандинавии, и он датирован X веком. И не менее вероятно также то, что скандинавы должны были как-то называть его. Вероятно, к нему и относилось название gíjja. Подтверждением этого можно считать то, что ближайшие соседи скандинавов — немцы — тоже не знали слова «ребек», хотя сам инструмент у них, несомненно, был, но назвался он, вероятно, Geige. Так что всё-таки правы были составители древнеисландского словаря, указавшие, что gíjja — «возможно, ребек, старинная трёхструнная скрипка».

Ещё одно подтверждение мы можем найти в итальянском языке: гига (giga). *La giga è uno strumento musicale a corde suonate con un arco, della famiglia della ribeca, forse derivata dalla lira ad arco.* То есть, «Гига представляет собой струнный смычковый музыкальный инструмент из семейства «ребек», возможно, происходит от смычковой лиры», — но не от германской смычковой лиры!

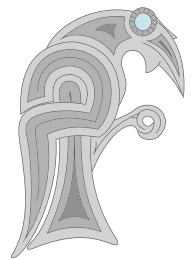
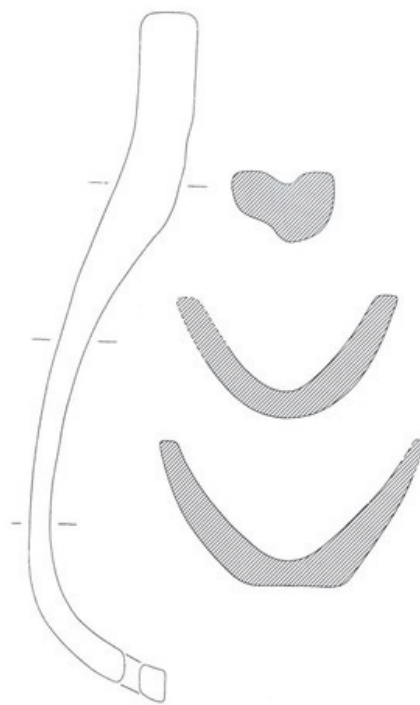
В итальянском значении это, скорее, что-то вроде калабрийской лиры.

Меня ввело в заблуждение это определение в англоязычной статье Википедии: «*The giga was a type of bowed lyre...*».

Но в соответствующей норвежской ста-

тье указано совсем другое: «*Rebec, et middelalderinstrument nært beslektet med gige*» — «Ребек, средневековый инструмент, тесно связанный с гигой». И ещё: «*Instrumentet hadde vanligvis hvelvet bunn*» — «Инструмент обычно имел сводчатое дно» — важная конструктивная особенность всех инструментов

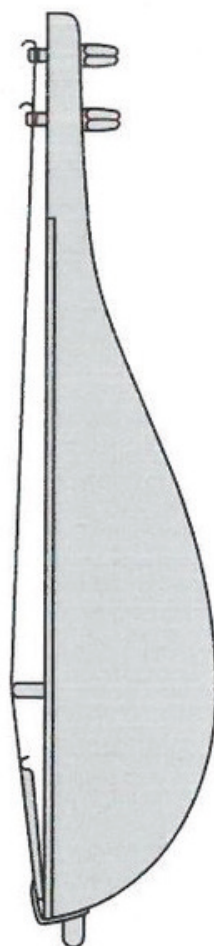
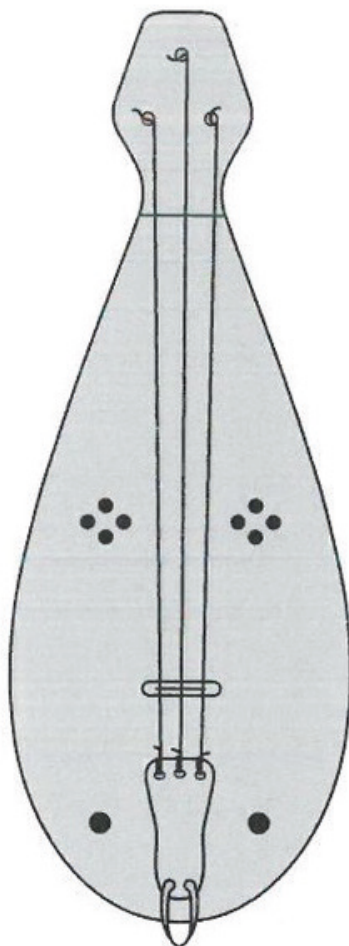

данного типа.

Если харпа отсылает нас к седой прагерманской древности, а игра на ней при помощи смычка — к эпохе Великого переселения народов, то гйгя — это уже «продукт» эпохи викингов, и его использование — прямое следствие интенсивных культурных контактов скандинавов с различными странами и регионами Европы. Если к X веку относится единственная обнаруженная в Скандинавии гйгя, то это даёт основание допустить, что данный инструмент тогда был уже там довольно известен и появился в Скандинавии гораздо раньше, может быть, и в IX веке. И ещё один момент — если харпа могла быть как щипковым, так и смычковым инструментом, то гйгя — только смычковым.

Для наглядности: изображения этого инструмента — фотография находки из Хейдабё и её современные реконструкции.

Следующий (третий) пункт — fíðla. Вот с этим инструментом нам поистине повезло, поскольку традиция его использования сохранялась в Исландии непрерывно до XIX века включительно. Но что это такое, в сущности?

В континентальных германских странах ребек назывался Geige (откуда скандинавское gígja), а другой смычковый инструмент — виела — назывался Fiedel (откуда скандинавское fíðla).

Виела! Иоанн де Грокейо, французский теоретик музыки конца XIII века, располагает виелу на самом верху выстраиваемой им иерархии музыкальных инструментов, как обычно сопровождая своё теоретическое суждение «философскими» аргументами:

«Среди всех рассмотренных нами струнных инструментов наиболее ценна виела. Ибо как разумная душа в силу присущей ей спо-

способности (*virtualiter*) содержит в себе другие естественные формы, [и как] четырехугольник [содержит в себе] треугольник, а большее число меньше, так и виела в силу присущей ей особенности (*virtualiter*) объемлет другие инструменты. И хотя некоторые другие инструменты в большей мере способствуют движениям человеческой души (как, например, на пирах, ристалищах и турнирах — тимпан и труба), все же именно на виеле различие всех музыкальных форм ощущается более тонко (*subtilius*). <...> Настоящий мастер исполнит на виеле любую музыку, песню и вообще любую музыкальную форму».

Скандинавы могли узнать об этом инструменте уже в X-XI веках. Как и гигья, фидла могла быть исключительно смычковой, а не щипковой. И если харпа — наследие прагерманской культуры, и её следует ассоциировать с Железным веком и героическими сказаниями, которые исполнялись под её аккомпанемент, а гигья — детище эпохи викингов, когда скандинавы активно контактировали с разными народами и заимствовали элементы культуры, в том числе и музыкальные инструменты, то фидла — это уже атрибут культуры Высокого Средневековья, когда скандинавская знать стала подражать европейским королям и феодалам, элемент придворной культуры, куртуазного стиля. Однако, подобно тому что, как пишет Р. Буайе в своей

книге «Средневековая Исландия»:

«Дух континентальной Европы того времени должен был казаться абсурдным нормальному исландцу: так и видишь те усилия, которые пришлось приложить в 1226 году переводчику романа о Тристане и Изольде, истинному норвежцу, чтобы заставить читателя поверить, что люди действительно могли умереть от любви».

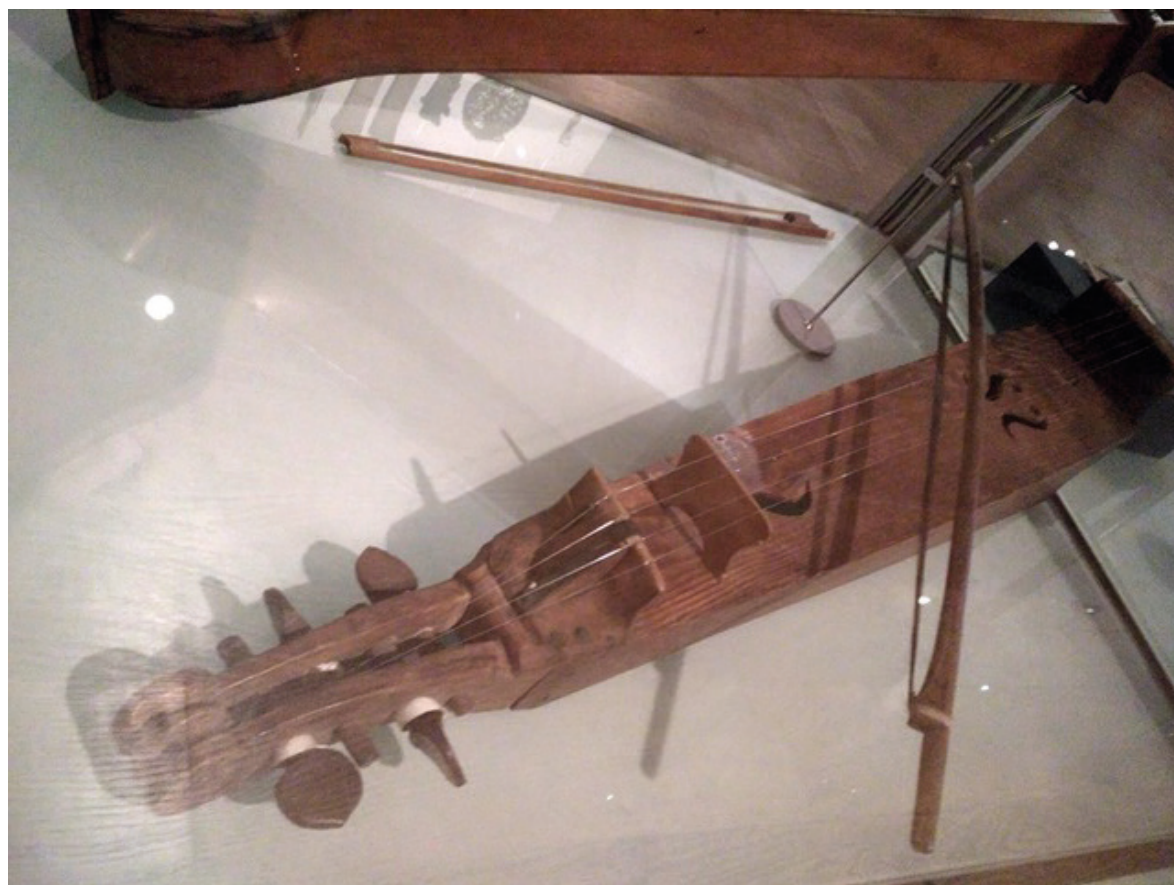
Фидла древнего скандинава существенно отличается от фидлы или фиделя/виелы [здорового человека] континентального европейца: попробуйте представить себе сурового северного скальда, исполняющего «любую музыкальную форму» на этом инструменте!

И, наконец, последний инструмент из четырёх. Langharpa. Он же langleikr. Он же langspil. Этот инструмент был распространён повсеместно в Северной Европе. Его современное научное название в англоязычной литературе — «(droned) fretted box zither», то есть что-то вроде «(бурдонная) ладовая коробочная цитра». Слово «бурдонная» я взял в скобки, поскольку бурдонные (не мелодические, монотонно звучащие) струны являются наименее обязательным компонентом этого инструмента, но в большинстве случаев они всё-таки имеются.

Обязательным является наличие ладов и форма продолговатой коробки. В основе

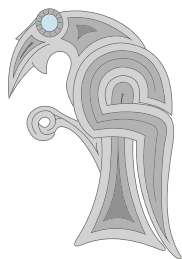
43...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

этого инструмента лежит монохорд (можно загуглить), известный со времён античности музыкальный инструмент, то есть мелодия извлекается всего лишь из одной струны, и самые примитивные варианты этого инструмента являются однострунными. Однако самые сложные разновидности могли насчитывать до 16 струн: 8 резонирующих (они натянуты под бурдонными и их не касаются ни смычком, ни плектром, ни пальцами, то есть они просто резонируют от монотонного звучания бурдонных), 4 бурдонные (монотонно звучащие) и две парные (удвоенные) мелодические струны, на которых играли аккордами. Вот некоторые примеры скандинавских инструментов данного типа: лангспил, лангелек, хаммел, псалмодикон.

Как и в случае с обычной древнегерманской харпой, способ игры на лангхарпе не важен — пальцы, плектр, молоточек или смычок — все варианты изначально в равной степени допустимы. Теперь, конечно, это уже не совсем так: в Швеции этот инструмент распался на смычковый и щипковый варианты, которые различаются и формой, и названием, в Норвегии сохранился только щипковый вариант, а в Исландии — о да, исландцы у нас как всегда главные традиционалисты — сохранились все способы игры на одном и том же инструменте (только вот беда — на нём там сейчас почти никто не играет).

Когда же у скандинавов появилась лангхарпа? Вероятно, вслед за фидлой, в XI-XII веках. И если харпа — отсылка к древнеуобщегерманскому наследию, гигья — детище эпохи викингов, фидла — атрибут куртуазной культуры Средневековья, то лангхарпа — продукт средневековой европейской учёности, книжной и церковной культуры. Наличие ладов свидетельствует о том, что его изобретатели и изготовители владели музыкальной теорией на приличном для того времени уровне.

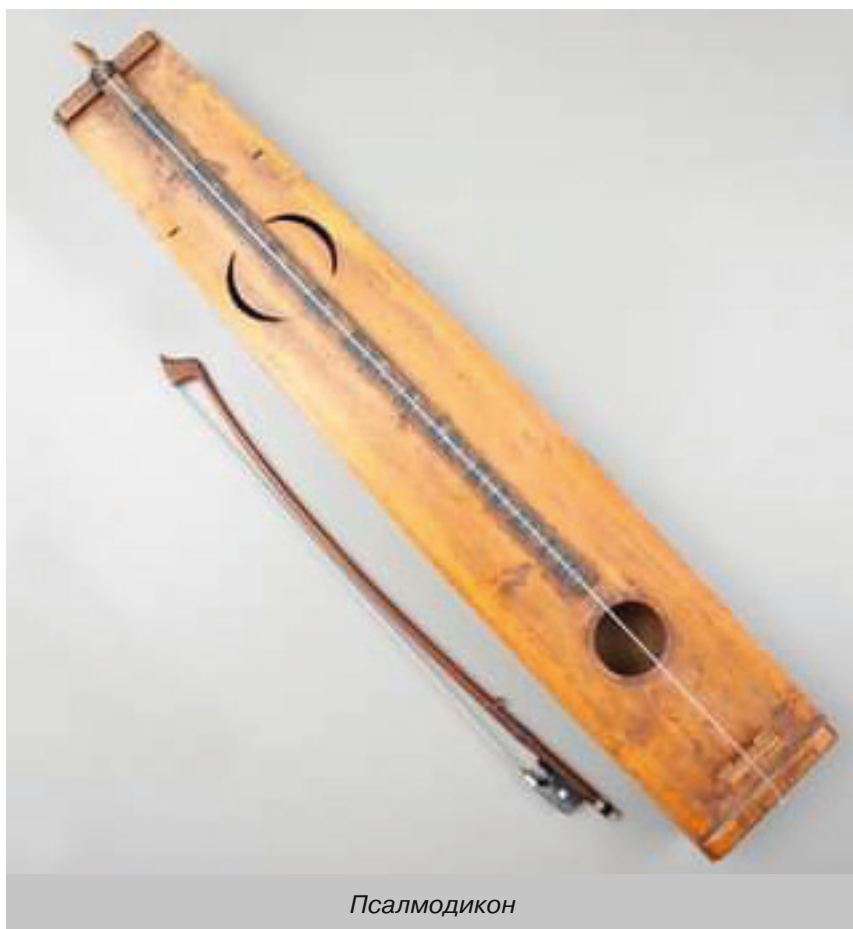
В статье о никельхарпе мы можем прочесть следующую цитату:

Шведский исследователь Уле Рудбек (1630–1702) описывает нюккельхарпу как один из тех инструментов, которые встречались еще «в давние времена»: «Наши отцы в большинстве своем умели играть на арфах [сутехарпах (лонгхарпах) и нюккельигах] в честь Бальдура в его храме — об этом рассказывается в стихах и песнях», — гласит «Atland» (1679–1702).

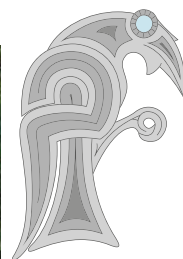
Так вот, если нюккельига — это нюккельхарпа, то лонгхарпа — это, несомненно, наша лангхарпа. Никельхарпа едва ли была изобретена на тот момент (XI-XII века), а вот лангхарпа уже начала распространяться по Северной Европе. Другое дело, что играли на ней, как вы можете догадаться, вовсе не «в честь Бальдра в его храме», а как раз таки наоборот — те, кто представлял христианскую культуру, вытеснявшую языческую. И тем не менее столь древнее распространение позволяет этому инструменту по праву считаться частью древнескандинавского культурного наследия.

Таким образом, если не в XI, то уж точно в XII век скандинавы вошли, имея набор из четырёх струнных смычковых инструментов: харпа, гигья, фидла и лангхарпа, причём первый и последний могли быть также щипковыми.

Через некоторое время к ним добавилась ещё никельхарпа, первое изображение ко-

Псалмодикон

Лангспил

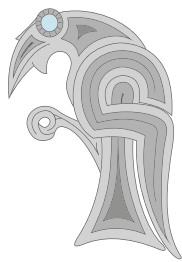
торой в Скандинавии относится к XIV веку — возможно, но это не точно, так как довольно сложно разобрать, что там за инструмент. Первое достоверное изображение этого инструмента датируется 1408 годом, но оно обнаружено в Италии, первые достоверные изображения в Дании и Швеции относятся к 1460–1525 годам, в Норвегии же этот инструмент, по-видимому, вовсе не использовался, тем более его не могло быть в Исландии и на Фарерах.

Но даже если в Скандинавии этот инструмент был известен в XIV, в XIII или даже в XII столетии — несомненно то, что инструмент этот по происхождению скорее немецкий, чем скандинавский, и принесли его в Скандинавию немцы, массово переселявшиеся туда с XIV века — об этом процессе я делал доклад на Скандинавских Чтениях. Известно немецкое название этого инструмента — Schlüsselfiedel — вероятно, первоначальное, так что его первым скандинавским названием (вторым после немецкого) стало, вероятно, slytilfiðla или lykilfiðla. О том, что этот инструмент долгое время считался более немецким, нежели скандинавским, ярко свидетельствует тот факт, что он упомянут в трактате *Theatrum Instrumentorum* немецкого органиста, композитора и музыкального теоретика Михаэля Преториуса (1571–1621). Там есть изображение и, что характерно, около 1680 года в Швеции в провинции Даларна был изготовлен инструмент, точь-в-точь повторяющий изображение из рукописи Преториуса, что несомненно свидетельствует о том, что даже тогда скандинавы при изготовлении

никельхарп больше ориентировались на немецкое влияние, нежели чем на собственную традицию, то есть они не воспринимали этот инструмент как свой собственный, местный.

Ну а что касается классической скрипки, столь часто используемой в скандинавской народной музыке, пусть даже и видоизменённой, декорированной в народном стиле, уменьшенной, с резонирующими струнами и своеобразной настройкой, то она и вовсе появилась в Скандинавии сравнительно недавно — едва ли раньше XVII века.

Излишне говорить о том, что она не имеет даже собственного скандинавского названия, так как все применяемые к ней в скандинавских странах названия являются поздними заимствованиями (тоже не ранее XVII века). Таким образом, повсеместное использование скрипок и никельхарп для исполнения датской, шведской и норвежской народной музыки является результатом позднего европейского влияния. Настоящими традиционными скандинавскими инструментами являются только харпа, гигья, фидла и лангхарпа. Увы, исполнителей, играющих на этих инструментах, во всей Скандинавии насчитываются в лучшем случае десятки, если не единицы, поэтому проиллюстрировать эти названиями конкретными примерами исполнения крайне затруднительно. И тем не менее некогда только они воплощали собой скандинавскую музыкальную культуру и вполне могли звучать ансамблем при дворе, допустим, знаменитого Харальда III Сурового, и уж тем более при Сверрире I Магнусе.

А. А. Хлевов

Тюри, Сигрид Гордая и матримониальные коллизии эпохи «смены вер»

Не вызывает сомнения, что матримониальные сюжеты оказывали решающее влияние на политическую, военную и социальную историю эпохи средневековья в неизмеримо большей степени, чем на историю античности или нового времени. Причина этого как в исключительной персонификации политических процессов периода феодальных отношений, так и в том, что варварские общества Европы оставили в наследство средневековой культуре неординарно высокую значимость женщин во всех сегментах повседневности. Как в германских, так и в славянских социумах и ранних государствах женщины сохраняли известную автономность в экономическом и социальном аспектах и, следовательно, продолжали оказывать существенное влияние на принятие решений и их реализацию — через связанных с ними мужчин или самостоятельно.

Особенно показателен в этом смысле период «второй волны политогенеза», пришедшейся на VIII–XI вв., когда в Восточной и Северной Европе возник ряд государств, имевших преимущественно «восточно-романскую» природу¹. Особенностью этой эпохи было взаимоналожение собственно политогенеза на смену вер, христианизацию, то есть кардинальная смена и социального, и духовно-нравственного континуума. Для «женского вопроса», в частности, это имело существенное значение, поскольку привычный для варварской Европы стандарт многожёнства и институт наложничества переживал единомоментный кризис. Если, скажем, для Харальда Прекрасноволосого присоединение Гюды (вдохновившей, согласно Снорри, его на объединение Норвегии) к компании прежних жён проблемой не являлось — как и для самой Гюды², то через сотню лет институт христианского брака серьёзно осложнил подоб-

ные процессы. Совместное сосуществование стойких и убеждённых язычников и ещё более горячих христианских неопитов растянулось на несколько поколений, и процесс смены вер был абсолютно нелинейным, а, скорее, возвратно-поступательным и многоэтапным. Женщины сыграли в нём заметную роль.

Весьма показательна коллизия, развернувшаяся в 995–1000 г. в пространстве Западной Балтики. Олав Трюггвасон высадился в Норвегии, Хакон ярл был обезглавлен собственным рабом, прельстившимся обещанной за это наградой, а его сын Эрленд собственноручно убит Олавом. Олав, не так давно перед прибытием в Норвегию крестившийся, насаждал новую веру столь жёстко, что создал мощную оппозицию в эмиграции. Что и привело в итоге к знаменитой «битве трёх королей» при Свёлде³. Однако непосредственной причиной выступления коалиции северных конунгов против Олава Норвежского явилась именно матримониальная коллизия, в которой оказались замешаны две знатные женщины. Сигрид, вдова конунга шведов Эйрика Победоносного и, предположительно, мать Олава Шведского (Шётконунга), получившая прозвище Гордой за твердый и неуступчивый характер, была завидной невестой. История сватовства Олава Трюггвасона к ней лаконично, но детально описана в соответствующей саге в Хеймскрингле⁴. При личной встрече в Конунгахелле между ними произошел конфликт: Олав заявил, что Сигрид обязательно должна креститься, на что та ответила категорическим отказом. Разъяренный Олав ударил её перчаткой по лицу; в ответ на это Сигрид сказала фразу, ставшую пророческой: «Это может привести к твоей смерти». Вскоре она вышла замуж за Свейна Вилобородого, конунга датчан, что заложило основу дружбы между Свейном, ее сыном Олавом Шведским и его союзником Эйриком ярлом, послужив

1 Лебедев 1985. С. 262–265, Лебедев 2005. С. 182–221; Хлевов 2013; Хлевов 2016.

2 Сага о Харальде Прекрасноволосом, XX–XXI.

3 Хлевов 2006. С. 69–79; Хлевов 2009. С. 98–135

4 Сага об Олаве сыне Трюггви, LX–LXI.

одним из толчков к летней кампании 1000 г., закончившейся битвой при Свёлде.

В то же время, по версии Хеймскринглы, князь славян-вендов Бурицлейв (Болеслав?), давний друг Олава Трюггвасона, у которого тот долго жил во времена, предшествовавшие его английской эпопее, женился на Тюри, сестре Свейна Вилобородого. Однако брак был неудачен — Бурицлейв был язычником, к тому же преклонных лет, Тюри — христианкой. После свадьбы она в течение недели не притрагивалась к еде и пище язычников, а затем сбежала в Данию со своим приемным отцом, бывшим при ней в качестве сопровождающего. Однако оставаться там она не могла, так как опасалась, что Свейн, обнаружив ее, немедленно выдаст Бурицлейву, и проследовала в Норвегию, где вскоре стала женой Олава Трюггвасона. В результате Олав попал в довольно щекотливое положение, ибо стал мужем сбежавшей жены своего давнего товарища и союзника. Тюри же изводила его жалобами на то, что в стране вендов остались принадлежащие ей по закону (!) владения, которые она хотела бы вернуть себе.⁵

Наиболее интересна в данном контексте именно фигура Тюри и связанная с ней коллизия. Согласно Снорри, датский конунг Свейн Вилобородый был во вполне детективном ключе захвачен йомсвикингами и удерживался в Йомсборге в стране вендов. Его принудили примириться с Бурицлейвом под угрозой выдачи вендам и мучительной гибели. Именно в подтверждение этого примирения Свейн и должен был жениться на дочери Бурицлейва Гуннхильд, а Бурицлейв — на сестре Свейна, Тюри (дочери Харальда Синезубого).⁶

Серьёзным вопросом является атрибуция персоны самого Бурицлейва. Механическое отождествление его с польским князем (королём) Болеславом Храбрым или с «гибридом» Болеслава и Мешко соблазнительно и стало общим местом в комментариях к переводам источников и аналитической литературе. Однако оно, сколь соблазнительно, столь и маловероятно. Прежде всего, персона Болеслава и его семейные связи, при всей их сложности, относительно неплохо известны. Среди его четырёх или даже пяти официальных супругов никакая датчанка Тюри не умещается: две мейсенские принцессы соседствовали с венгерской; дочь лужицкого князя, как и предполагаемая киевлянка Предслава — тоже не «датский вектор» политики. Этот ком-

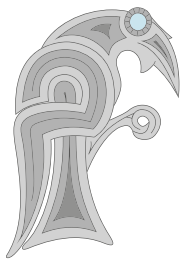
плекс связей — вполне польский феномен, Болеслав, каким он предстаёт в «несеверных» источниках — подлинный претендент на звание основоположника Польской державы, погружённый в континентальные контакты. Контроль первых польских королей над Балтийским побережьем, занятым многочисленными, воинственными и тесно связанными со скандинавами племенами, вряд ли мог быть ощутимым. К тому же реальный Болеслав был ровесником Олава и в тридцать с небольшим не мог казаться молодой жене стариком.

Логично предполагать, что информаторы Снорри не ошибались и не искажали реалии: под именем Бурицлейва выступает некий князь именно славян Поморья, земли которых непосредственно прилегали к владениям датчан. Этот вендский вождь (вполне вероятно, также носивший имя Болеслав-Бурицлейв, а, возможно, просто с ним отождествлённый) был достаточно силен для того, чтобы на равных общаться с конунгом данов и привечать на своей земле крайне своеобразное и специфичное сообщество йомсвикингов (гибрид классического лагеря викингов, Запорожской Сечи и современной ЧВК). Бурицлейв в данном случае выступает как вполне равновесный контрагент Швеции, Норвегии и Дании, равноправный участник «Балтийского концерта».

В этом контексте роль Тюри, персона которой крайне неудовлетворительно освещена источниками, приобретает особое значение. Выдача её замуж за языческого вождя датчанами — в обмен на дочь этого вождя — выглядит как вполне типичный матримониальный союз, даже, возможно, менее болезненный, чем аналогичные союзы между византийскими принцессами и лидерами кочевников или русскими князьями и половецкими ханами. Однако её бурная реакция на разницу вероисповеданий, острое осознание своей персональной судьбы и принятие непростого решения выглядят очень колоритно.

Бурицлейв, оставаясь последовательным язычником, не вызывает неприязни у Олава Трюггвасона. Очевидно, отсутствие территориальных разногласий и удалённость конунгов друг от друга являются залогом бесконфликтности. Но Тюри вносит в эту систему откровенную турбулентность.

С одной стороны, она олицетворяет собой совершенно новый для Северной Европы типаж «плачущей христианки» — жертвы политических обстоятельств и династических связей. С другой — её своеволие и сила духа

47...

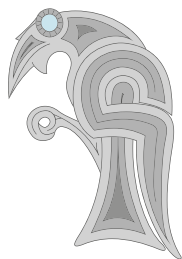
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

⁵ Хлевов 2009. С. 100–105.

⁶ Saga об Олаве сыне Трюггви, XCII; Губанов 2020. С. 9–11.

оказываются тем камнем, на который находит коса балтийской политики. Попытка датской княжны не отступить от своих принципов и, одновременно, не потерять своё вендское «вено», в конечном итоге втягивает Олава Трюггвасона в абсолютно губительную для него кампанию 1000-го года.

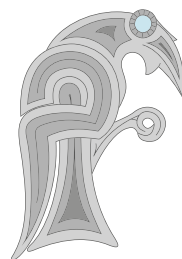
Выводы, извлекаемые из этой коллизии, достаточно очевидны.

Христианизация социальных и политических лидеров переходной эпохи была экспрессивной, но поверхностной. Жесточайшие репрессии по отношению к «собственным» язычникам сочетались с абсолютной индифферентностью к вопросам веры в союзных землях. Старая дружба Олава с Бурицлейвом безоговорочно пересиливает разногласия с ним в области вероисповедания.

Религиозные пристрастия статусных женщин были ничуть не менее внятными и отчётливыми, чем у мужчин. Их позиция оказывала решающее значение на ход истории: стойкое язычество Сигрид, как и христианские убеждения Тюри, запустили череду неразрешимых конфликтов. Женщины, чётко определившиеся в собственных вероисповедальных приоритетах, реализовывали классическую для Севера роль — роль подстрекательницы, первоисточника вражды, погубительницы героя. Нет сомнения, что списать эти сюжеты на долю литературного канона вряд ли возможно. Переломная эпоха становления раннехристианских государств Северной Европы до предела обнажала имеющую тысячелетние корни модель поведения свободной статусной женщины, добавляя к ней новые идейные импульсы, невозможные ещё два-три поколения назад.

Список источников и литературы:

1. Губанов И.Б. *Легенды о Харальде Синезубом, Свейне Вилобородом и Пальнатоки по Свену Аггесену, Саксону Грамматику, Адаму Бременскому и исландским сагам // Научный вестник Крыма. — № 6 (29) 2020. — С. 8-16.*
2. Лебедев Г.С. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005.*
3. Лебедев Г.С. *Эпоха викингов в Северной Европе. — Л., 1985.*
4. *Сага о Харальде Прекрасноволосом // Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980. — С. 42-67.*
5. *Сага об Олаве Трюггвасоне // Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980. — С. 97-167.*
6. Хлевов А.А. «Обыкновенное чудо»: цивилизация северных морей как культурный феномен // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — Т. 14. — Вып. 2. — СПб., 2013. — С. 257-269.*
7. Хлевов А.А. *Битва при Свёлъде: к вопросу о прогрессе тактики ведения морских сражений раннего средневековья // Скандинавские чтения 2004 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. — СПб.: Кунсткамера, 2006. — С. 69-79.*
8. Хлевов А.А. *Битва трех королей (1000 год) // Величайшие битвы средних веков: сборник / под ред. В. Гончарова. — М.: Яуза; Эксмо, 2009. — С. 98-135.*
9. Хлевов А.А. *Предвестники викингов: Северная Европа I-VIII вв. — СПб.: Евразия, 2016.*

Александр Северов

Жрец Тора и Похищение Рунического Камня

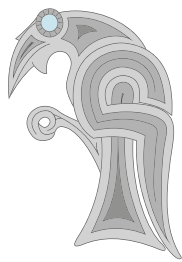
Статья первоначально была опубликована в паблике «Викинг»
https://vk.com/public_ivikingu

49...

На этот раз расскажу вам о двух камнях из Дании. Один, DR 230, расположен на острове Зеландия. Другой, DR 209, к западу от Зеландии, на острове Фюн. Если измерять расстояние между ними напрямик, то длина составит 122 км, большая часть из которых пролегает по морю. Если же представлять примерный морской маршрут, огибая все полуострова и проплывая все проливы, то путь составит порядка 200 км. Дорога не близкая. Однако оба камня связаны. На этот раз речь не идёт о забытых деяниях героев, кровавых расправах, мести и сживании со свету соседей. На этот раз я столкнулся с похищением! И похищением не простым. Был украден целый рунический камень!

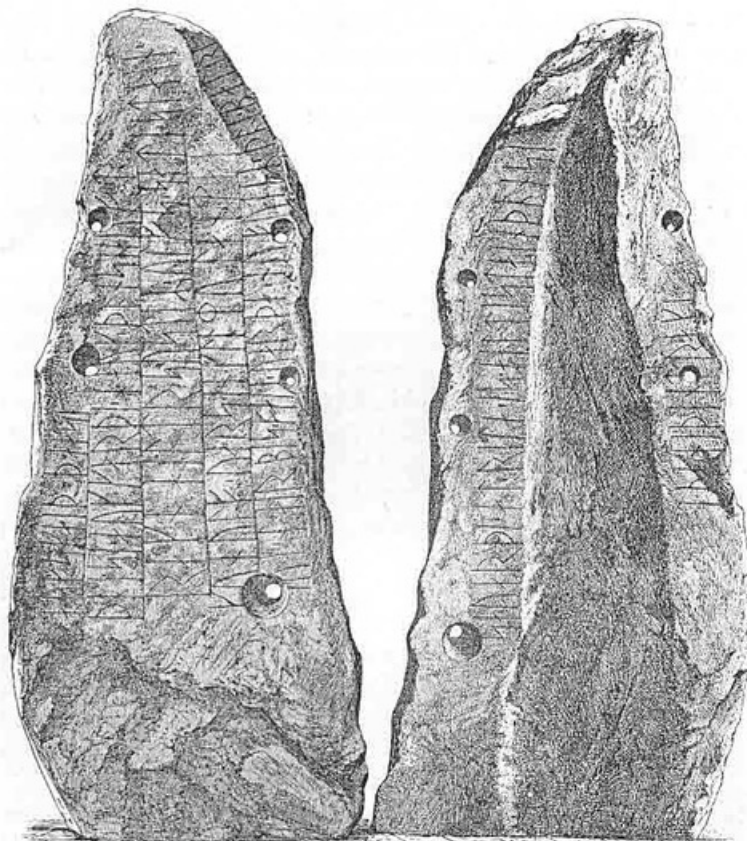
Мой интерес пробудило проклятье, запечатлённое на обоих камнях: «колдуном будет тот, кто навредит этому камню и утащит его». Проклятья за нанесение ущерба камню встречаются на территории Дании с определённой небольшой частотой на памятниках, начиная с V-VI вв. Также не является уникальной и угроза проклятья за кражу камня, что косвенно указывает на то, что камни воровали. Послушайте, но ведь украсть камень весом в тонну — это же не машину угнать! Как? Но главное, зачем?! Однако, похоже, это было достаточно обыденным делом. Поставили вы камень о ком-то из своих близких, потратили уйму средств, заодно продемонстрировали свой престиж и статус, а через пару лет его взял и укатил кто-то. Вот так запросто. Ну что ж, начну рассказ.

КРАЖА КАМНЯ, КУРГАН И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ

Камень из Трюггевælde (DR 230 (DK Sj 82) — Трюггевælde, Зеландия, Дания)

Надпись датирована концом IX века, камень является редким примером подлинно языческой скандинавской традиции вне всяких подозрений. Рунамастером, судя по особенностям стиля и речевым оборотам, являлся Соти.

...50

Латинская транслитерация:

raknhiltr ' sustiR ' ulfs ' sati ' stain

þnnsi ' auk ' karþi ' hauk ' þonsi auft

auk skaip ' þaisi

kunulf ' uar sin ' klomulan man

(s)un ' nairbis ' faiR ' uarþa ' nu futiR ' þoi batri

sa uarþi ' at (') rita ' is ailti stain þonsi

iþa hiþan traki

Перевод на Old Norse:

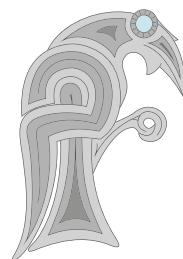
«Ragnhildr, systir Ulfs, setti stein þenna ok gerði haug þenna ept, ok skeið þessa, Gunnulf, ver sinn, glómulan mann, son Nerfis. Fáir verða nú foeddir þeim betri. Sá verði at ræta(?) er elti(?) stein þenna eða heðan dragi».

Перевод на английский:

«Ragnhildr, Ulfr's sister, placed this stone and made this mound, and this ship(-setting), in memory of her husband Gunnulfr, a clamorous man, Nerfir's son. Few will now be born better than him. A warlock(?) be he who damages(?) this stone or drags it (away) from here».

Русский текст:

«Рагнхильд, сестра Ульфа, разместила камень этот и сделала курган этот и корабль этот в память о Гуннульфе, муже её, громогласном человеке, сыне Нерфи. Редко ныне рождаются лучше его. Колдуном будет тот, кто навредит этому камню или уволочёт его отсюда».

51...

Из текста надписи следует, что некая Рагнхильд, сестра Ульфа, почтила память своего безвременно ушедшего мужа Гуннульфа. Упоминание о том, что она — сестра Ульфа, подразумевает, что этот Ульф пользовался авторитетом среди местных. И поскольку Рагнхильд — его сестра, то и её слово в сугубо патриархальном обществе викингов (в котором обычно муж владел женой почти как рабом или скотом) должно было пользоваться авторитетом, в качестве исключения, с поправкой на её родство и вытекающие положение и богатство. Исходя из описанных погребальных приготовлений (курган и корабль), Рагнхильд, Ульф и покойный Гуннульф были представителями очень богатой семьи. Также можно сказать, что Ульф являлся братом Рагнхильд через её мужа, покойного Гуннульфа. То есть, Ульф был братом Гуннульфа и, таким образом, приходился братом Рагнхильд. (Такого понятия, как деверь, викинги не знали, впрочем, как не знают их потомки и сегодня.) На связь Ульфа и Гуннульфа указывает общий компо-

нент в их именах, а именно — Ulf.

Традиция сохранять общий элемент в именах внутри одного рода была свойственна всем германцам с глубокой древности и уходит корнями в расцвет общинно-родовых отношений, когда степень идентичности элементов имён указывала на принадлежность к семье/роду. Например, имена первых Меровингов отмечены общим компонентом *hrodo/hlodo*, *hari* и *hildo*, значащим «битва»: Хлодион > Хильдерик > Хлодвиг, Хродехильда > Хлодомир, Хильдеберт, Хлотарь > Хариберт, Хродосвинда, Хродоберга и т.д. Или имена королей из династии Уэссекса выделяются элементом *ethel* «богатый, благородный»: Этельвульф > Этельстан, Этельбальд, Этельберт, Этельред, Этельсвита. Или же правители Восточной Англии из мерсийской династии использовали элемент *wulf* «волк»: Кенвульф, Кёлвульф и Беорнвульф.

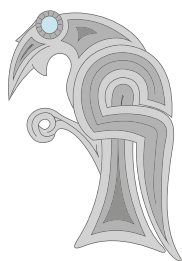
Таким образом, мы можем сделать вывод, что Рагнхильд вышла за муж за Гуннульфа,

СЕВЕРНЫЙ

ВЕТЕР

№37
2022

мужчину из какого-то очень знатного рода, и переехала жить в дом мужа, который он делил со своим братом Ульфом, на попечении которого Рагнхильд осталась, овдовев. К слову сказать, если бы Ульф не согласился взять на поруки вдову брата, тогда её участь была бы весьма незавидна: отправиться вместе с мужем в могилу или оказаться в рабстве. Но Ульф за неё поручился, и Рагнхильд не преминула об этом заявить в надписи.

Под колдуном в данном случае понимается не столько волшебник, сколько предатель. В английском переводе фраза *Sá verði at ræta(?) er elti(?)* с определённой степенью условности переведена как «A warlock(?) be he who damages(?)». Слово *warlock*, означающее «колдун» или «призыватель духов» (ср. Old Norse *varð-lokkur*), происходит от древнеанглийского «*wærlōga*», означающего «клятвы сложитель» или «клятвопреступник», и имеет слово антоним — «*wærgenga*» (клятвы последователь), когнаты которого встречаются во франкском (*wargengus*) и лангобардском (*waregang*) языках, которые часто рассматриваются как однокоренные ON слову *væringi* (от *vár* «клятва» или «верность» и *gengi* «последовать»), откуда часто выводят русское слово «варяги». Так или иначе, «колдун», он же «клятвопреступник», был персонажем отрицательным, и колдовство даже у язычников почётом не пользовалось, а клеймилось так же,

как и при христианах, поскольку подрывало влияние официальных жрецов, чей авторитет основывался на религиозной власти.

Надпись на камне прямо указывает на тот факт, что в придачу к камню был насыпан курган, вероятно, вмещавший в себя корабль. Данный тип захоронения в массовой культуре считается каноническим для эпохи викингов и связывается непосредственно с викингами. Окружённые ореолом легендарности, погребальные корабли часто находят в Норвегии. Однако в данном случае можно сказать, что корабельные погребения соотносятся не столько с викингами, сколько с родовой знатью. И я разделяю ту позицию, согласно которой погребения в кораблях являлись привилегией исключительно правителей.

Фраза «Редко ныне рождаются лучше его» свидетельствует о том, что народ Гуннульфа клонился к закату. По представлениям скандинавских язычников, если потомки не превосходили своих предков, это был однозначно плохой признак, предвещавший очевидный исход — исчезновение всего рода. Таким образом, сам собой навязывается вывод, что к моменту гибели Гуннульфа клан одряхлел, его люди теряли силу и влияние, уступая земли конкурентам. Не мудрено, что Гуннульф был убит врагами.

...52

ЖРЕЦ ТОРА, ТЕЙН И ДРОТТИ

Камень из Главендрупа (DR 209 (DK Fyn 26) — Главендруп, Фюн, Дания)

Ещё один яркий пример подлинно языческой культуры Скандинавии, созданный в конце IX века. Камень стоит в кромлехе на небольшом кургане. Автор камня — рунамастер Сотти. Более того, камень связан с той же семьёй, что и камень DR 230.

Латинская транслитерация:

raknhiltr 'sa ti 'stain þonsi 'auft ala 'saulua kuþa uia l(i)þs haiþuiarþan þia kn

*ala 'suniR 'karþu kubl 'þausi 'aft 'faþur sin 'auk 'hons 'kuna 'auft uar 'sin 'in 'suti 'raist 'run aR
'þasi 'aft 'trutin 'sin þur 'uiki 'þasi 'runaR*

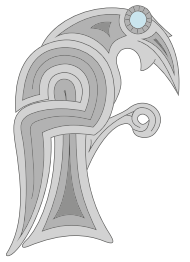
at 'rita 'sa 'uarþi 'is 'stain þansi ailti 'iþa aft 'onon 'traki

Перевод на Old Norse:

«*Ragnhildr setti stein þenna ept Alla Sólva, goða véa, liðs heiðverðan þegn. Alla synir gerðu kuml þessi ept fôður sinn ok hans kona ept ver sinn. En Sóti reist rúnar þessar ept dróttin sinn. Þórr vígi þessar rúnar. At ræta(?) sá verði er stein þenna ælti(?) eða ept annan dragi*».

Перевод на английский:

«*Ragnhildr placed this stone in memory of Alli the Pale, priest of the sanctuary, honourable þegn of the retinue. Alli's sons made this monument in memory of their father, and his wife in memory of her husband. And Sóti carved these runes in memory of his lord. Þórr hallow these runes. A warlock be he who damages(?) this stone or drags it (to stand) in memory of another*».

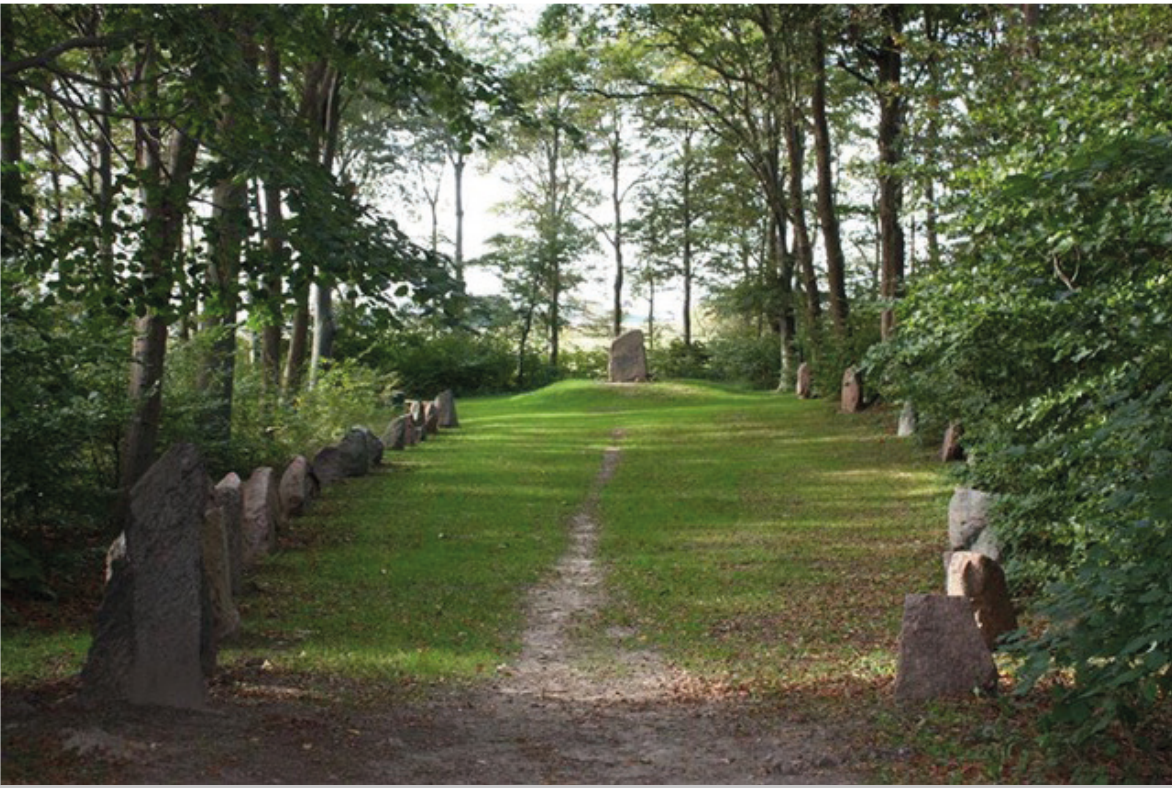

53...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

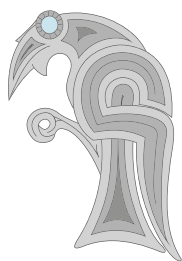
Общий план места.

Камень при свете дня.

Русский текст:

«Рагнхильд разместила камень этот в память об Атли Бледном, добром жреце из святилища, благородном тейне из свиты. Атли сыновья сделали вежу эту об отце своём и его жена в память о муже своём. А Соти вырезал руны эти в память о хозяине своём. Тор да освятит руны эти. Колдуном будет тот, кто навредит камню этому или утащит его для памяти об ином».

Камень при свете дня.

Камень при свете ночи.

Камень при свете ночи.

...54

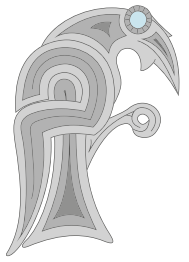
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Судя по всему, камень DR 209 был поставлен позднее, чем камень DR 230. Со времени смерти Гуннульфа прошло уже достаточно времени, чтобы Рагнхильд состоялась в обществе как личность, которую привыкли рассматривать вне контекста её родственных связей с местными авторитетами. Она не упомянута ни как жена Гуннульфа, ни как сестра Ульфа.

При этом она первая в числе спонсоров камня в память о некоем Атли Бледном. Сыновья и жена Атли идут в списке после Рагнхильд, и их имена не называются, что странно, ведь Атли был жрецом, тейном и господином, иными словами — очень могущественным человеком. Странно, что его семья осталась на втором плане и померкла в тени Рагнхильд.

Рунамастер Соти был рабом Атли Бледного, что засвидетельствовано в такой фразе: «En Sóti reist rúnar þessar ept dróttin sinn» (*А Соти вырезал руны эти в память о хозяине своём*). Слово dróttin означает не что иное, как «хозяин» или «господин». Английский эквивалент этого слова — «лорд». Противопоставление dróttin (господин) и þræll (раб) достаточно часто. Например, цитата из исландского перевода Писания: «Drottinn sagði við Ísraelsmenn: «Þá skalt þú ekkert verk vinna og ekki sonur þinn eða dóttir þín, þræll þinn eða ambátt þín eða skepnur þínar» — «Сказал Господь Израилитянам: «Не делай никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой» (Исход 20:10)».

Статус местного дроттина обеспечивал Атли его титул тейна — дружинника из свиты, как правило, конунга, реже ярла. Атли представлял власть своего конунга в том месте, где было его святилище. Об истории Дании конца IX века известно мало. Однако по косвенным свидетельствам из хроник других народов можно с определённой уверенностью утверждать, что даны в ту эпоху враждовали друг с другом. Отдельные кланы боролись за власть над окрестными землями, активно шёл процесс выстраивания вертикали власти. Старые общинно-родовые отношения, тесно связанные с языческими культами, отживали своё, их вытесняла новая общественная структура, построенная вокруг религиозной христианской общины. К столкновению приходили локальные лидеры, чьи власть и влияние были непоколебимы в течение нескольких столетий, и до того разрозненные, а ныне объединившиеся группы ярлов и магнатов средней руки, угнетаемых языческими конунгами, которых чаще всего поддерживали франки и христианские миссионеры. Об этом можно судить, полагаясь на Фульдские анналы и записи Адама Бременского.

Совмещение статусов жреца и тейна указывает на то, что Атли обладал как религиозной, так и светской властью в регионе. Об этом же говорит и фраза: «*Тор да освятит руны эти*». Воззвание к Тору позволяет нам допустить, что Атли был жрецом Тора. Кроме того, как говорилось выше, Атли был одним из наместников какого-то из конунгов, правивших и ведущих борьбу за власть в Дании в конце IX века. Однако, конец IX века — это время, когда в землях данов повсеместно усиливалось влияние христианства, что, безусловно, подрывало религиозный аспект власти Атли. А значит, падал и его авторитет.

Это заставляло его искать себе союзников. В похожем положении оказалась и вдова Гуннульфа Рагнхильд.

Получив богатое наследство, Рагнхильд оставалась уязвимой даже несмотря на заступничество брата её мужа — Ульфа. Клан её мужа, Гуннульфа, очевидно, был связан с Атли Бледным. Я бы даже допустил, что Гуннульф и был тем локальным конунгом, чьим тейном являлся Атли Бледный. Тем более что корабельные погребения, в котором был похоронен Гуннульф, по распространённой версии, полагались именно представителям королевского рода. Во всяком случае, это объясняет, почему Рагнхильд, вдова Гуннульфа, фигурирует на камне прежде родственников Атли, как если бы она занимала главенствующую позицию покровителя. Её большое внимание к смерти Атли объясняется, как я уже говорил выше, тем, что она, как и усопший Атли, нуждалась в надёжном союзнике, поскольку её позиции, как женщины в патриархальном обществе язычников, были шатки. Кроме того, её положение усугублялось тем, что она заняла положение во власти, на которую, разумеется, претендовали мужчины.

И вот, намечается естественный союз: Атли Бледный был жрецом, чьи позиции как религиозного лидера дрогнули под натиском христианства; Рагнхильд была вдовой местного конунга Гуннульфа, и её позиции были очень шатки в условиях языческого патриархата. Я почти уверен, что Атли Бледный, используя своё влияние языческого жреца на круги языческой знати, помогал Рагнхильд сохранить её власть в обмен на её помощь в вооружённой борьбе с христианами. Однако прочность этого альянса не означала прочности власти. Скорее всего, сразу после смерти Атли период власти Рагнхильд завершился.

GRAND THEFT STONE

Итак, вернусь к краже!

Атли Бледный был хозяином рунамастера Соти, камни работы которого удалены друг от друга примерно на 122 км. На обоих камнях фигурирует имя одной и той же женщины — Рагнхильд. Поскольку Соти был рабом Атли (ремесленники часто бывали рабами в Скандинавии), он не имел права перемещаться самостоятельно. Соответственно, обязательным условием появления обоих камней являлось нахождение в этой же области самого жреца Тора Атли Бледного. Но жрец Атли также являлся и тейном, предположительно Гуннульфа, мужа Рагнхильд, вероятно, мест-

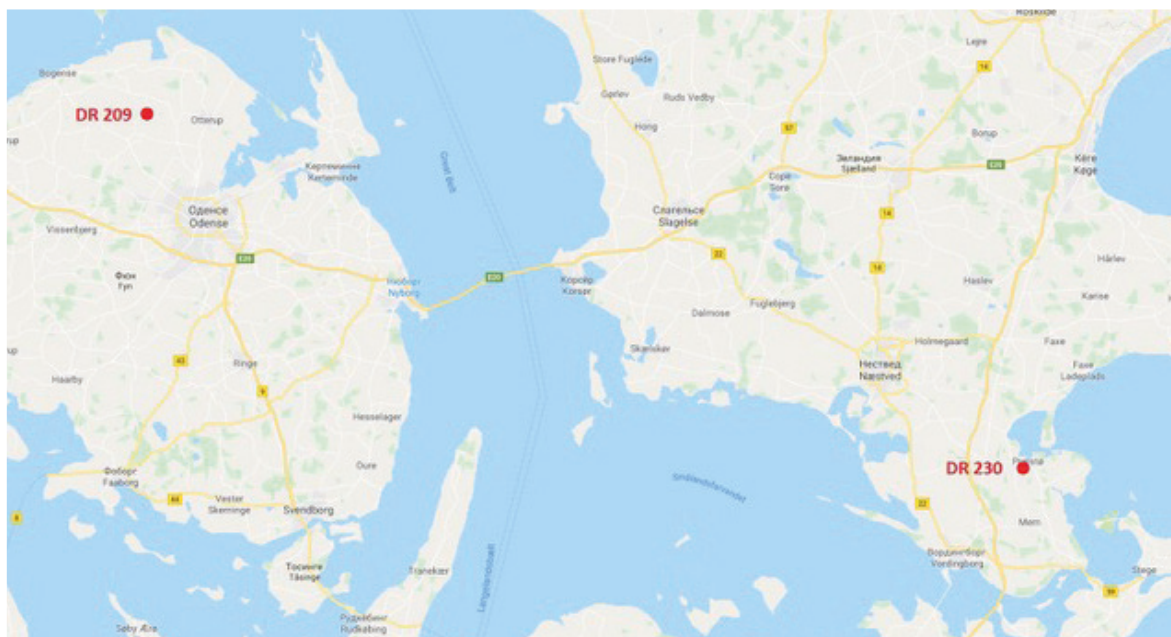
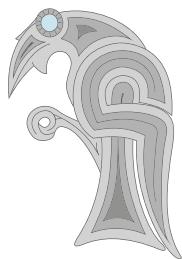
55...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37

2022

Карта с расположением камней. Расстояние между ними по прямой ~122 км. Если пытаться проложить маршрут по воде, то выходит все 200 км.

ного правителя на острове Фюн. Если так, то и сам Атли вряд ли мог покинуть остров без своего повелителя. Кроме того, как жрец он был привязан к святилищу, которое находится на острове Фюн — камень в память об Атли расположен на маленьком кургане и возвышается над кромлехом в форме разомкнутого овала, который, вероятно, и был святилищем.

На камне присутствует надпись:

«Тор да освятит руны эти. Колдуном будет тот, кто навредит камню этому или утащит его для памяти об ином».

На первый взгляд кажется очевидным, что сбить чужие имена и выбить вместо них собственные было бы гораздо дешевле, даже с учётом всех расходов на транспортировку, чем заказать изготовление памятника с нуля. Но разве имеет смысл задумываться о цене, если раб — рунных дел мастер? Сомнительно. Действительно, не всё так просто.

На другом камне, что на острове Зеландия (DR 230), просверлены отверстия. В самих отверстиях нет ничего уникального. Если поставить ровно опиленную палку торцом на камень, предварительно подсыпав под неё песок в качестве абразива, и начать её раскручивать взад-вперёд при достаточном давлении, то сверление отверстия в таком камне потребует 1–2 дня и 2–3 срубленных молодых деревьев, чьи стволы будут стёрты в труху о песок. Этот метод известен с верхнего палеолита.

Тем не менее сверление рунических камней — довольно редкое явление. Однако в данном случае скорее всего, что эти отверстия

предназначались для перевозки. Отверстия просверлены поверх рунической надписи, т.е. были сделаны уже после изготовления памятника. Соответственно, его пытались перевезти уже после установки рядом с курганом и погребальным кораблём, упомянутыми в тексте камня. Отсюда отважусь предположить, что камень всё же был украден. Вряд ли поминальный камень о конунге могли бы поставить вдали от его вотчины. А вотчина, как показывает камень DR 209, располагалась на острове Фюн, в 122 км западнее расположения камня DR 230.

И тогда становится ясно, зачем были нужны эти отверстия. Камень стоял на кургане, значит, его нужно было как-то спустить. Допустим, это можно было бы сделать, просто его свалив. Но проплыть с камнем по морю почти 200 км — это уже испытание. Груз нужно было хорошенько закрепить, надёжно привязав его к палубе. В противном случае скользящий из-за морской качки по сырым корабельным доскам камень однозначно стал бы причиной тяжёлых травм среди членов команды и, быть может, повредил бы корпус судна, что привело бы к его гибели. Поэтому я снова скажу, что камень из Трюггевælde (DR 230) был украден с острова Фюн.

Но зачем? Каковы мотивы? В конце IX века, когда были созданы эти камни, Данию разрывали на части войны. С одной стороны, смуту вносило разложение общинно-родового строя, которое усилилось под натиском христианства. С другой стороны, конец IX века в истории Дании отмечен вторжением из Швеции конунга, известного как Олаф Груда

Похищенный камень DR 230.

Развалин, что лишь разожгло междоусобицы. Соответственно, я полагаю, что Гуннульф пал жертвой тех междоусобиц, пытаясь отстоять свои права на власть на Фюне и, быть может, распространив её за пределы острова. Я думаю, что он был убит выходцами с Зеландии, которые, дождавшись смерти Атли Бледного, жреца Тора и очень влиятельного тейна бывшего конунга

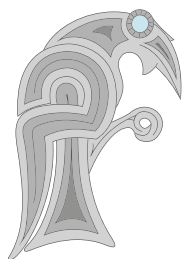
Камень на кургане DR 209.

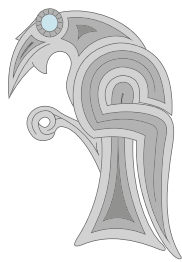
Гуннульфа, вторглись на Фюн, сместили Рагнхильд (возможно, не без участия местных) и сделали то, чего она опасалась с самого начала и от чего заклинала всех — навредили этому камню, просверлив его, и уволокли. И тем самым просто выразили своё пренебрежение к угрозе: «Колдуном будет тот, кто навредит этому камню или уволочёт его отсюда».

Кто бы ни похитил тот камень, он ясно дал понять, что не боится этого шаманства и глубоко презирает все вербальные угрозы, особенно оставленные на камне рабом покойного жреца, который был тейном слабого конунга, и который сам был ничтожен, раз пошёл в услужение к вдове этого самого конунга, хотя будь она порядочной женой — разделила бы участь мужа.

Поминальный камень о Гуннульфе был украден с острова Фюн и поставлен на родине захватчиков — острове Зеландия, и, надо полагать, стал посмешищем для местных и символом унижения соседей, их полного краха и, соответственно, был трофеем, привезённым с войны — явление достаточно распространённое в истории. Камень же в память о жреце Тора Атли Бледном трогать не стали. Может быть, завоеватели испугались гнева Тора, поскольку камень гласит, что бог-громовержец освятил руны. Но, скорее всего, как мне кажется, не имеет смысла тратить силы на глумление над памятью о каком-то тейне, если вы уже глумитесь над его повелителем. Тейн же будет унижен тем, что не смог защитить господина. Ведь он же продолжает жить после смерти, не так ли? =)

В оформлении статьи использована иллюстрация художника Aldraw.

Алексей Глазачев

Кузнечное ремесло и тролльши

Фото: Алексей Глазачев.

Одним из наименее исследованных текстов Северной Традиции является вторая часть Младшей Эдды исландского скальда Снорри Стурлсона, а именно «Язык поэзии», *Skáldskaparmál*.

«Язык поэзии» был написан приблизительно в 1220 году и представляет собой диалог между богом моря Эгиром и богом поэзии Браги. В этой части Младшей Эдды вводится понятие кеннинг, после чего Браги дает сис-

тематизированный перечень кеннингов для Богов, существ, людей, мест и вещей. Затем Браги переходит к обсуждению деталей поэзии и конкретных хейти.

Одним из наиболее интересных в данном контексте разделов «Языка поэзии» или «Речей скальдов» (в другом переводе), на мой взгляд, является *Trollkvenna*, что можно перевести как тролльши, троллихи, жены троллей, женщины-тролли. *Trollkvenna* приводит об-

...58

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

ширный перечень имен троллей.

Любопытно, что исследователь Лейф Эйнарсон в своей работе «Перековка кузнеца»¹ указывает, что как минимум часть этих имен связана с кузнечным ремеслом.

Рассмотрим этот момент более подробно и вспомним 40 строку «Прорицания Вёльвы»:

*Сидела старуха
в Железном Лесу
и породила там
Фенрира род;
из этого рода
станет один
мерзостный тролль
похитителем солнца.*

Перевод А.И. Корсуна

Л. Эйнарсон отмечает, что «мифологический топоним «Железный лес», *Járnviðr*, является важной частью общескандинавской концепции работы с болотным железом, а также частью исключительно местной традиции выплавки болотного железа и других видов ремесленной и торговой деятельности на юге полуострова Ютландия вокруг Хедебю».

Кроме того, «Железный лес связан с его обитательницами женского пола, которые создают и воспитывают разрушительных существ, чудовищ, троллей».

Итак, *Trollkvenna* предлагает следующий набор имён:

*Öflugbarða and Járnglumra,
Ímgerðr, Áma
and Járnvíðja,
Margerðr, Atla,
Eisurfála,
Leikn, Munnharpa
and Myrkriða.*

При этом в некоторых версиях перечня имен *Myrkriða* заменена на *Munnriða*.

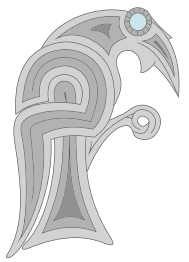
Öflugbarða (Флюгбарна). Существует по крайней мере три различных варианта трактовки этого имени. Во-первых, это название может отражать общий антагонизм между гигантами и богами. Во-вторых, название может относиться к типичному скандинавскому боевому топору. В-третьих, название

может относиться к топорам, которые использовались в качестве инструментов. Первым компонентом имени *Öflugbarða* является прилагательное *öflugr*, означающее «сильный», «могучий», а второй компонент, *barða*, может соответствовать прилагательной форме глагола *berja*, «бить, наносить удары, поражать» (Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *berja*). Если это так, то Флюгбарна может означать «сильно избитая [Тором]». Это могло бы послужить подходящим именем для тролльши, учитывая склонность Тора бить всех подряд своим молотом. Таким образом, вполне возможно, что *Öflugbarða* отражает общий антагонизм между богами и великанами, троллями.

Кроме того, *barða* может быть существительным женского рода, относящимся к боевому топору или инструменту, используемому в качестве молотка, киянки в плотницком деле или дубинки для оглушения рыбы (Fritzner 1954: s.v. *barða*; Cleasby-Vigfusson 1957: *barða*; Motz 1981: 500; de Vries 1977: *barða*).

Orchard предполагает, что *Öflugbarða* может переводиться как «могучий боец» (Orchard 2002: 278), однако более литературный перевод звучит как «могучий топор, который используется для ударов, как дубинкой/молотком». Эти определения ясно указывают на два типа топоров: боевой топор и топор, используемый в качестве инструмента для разных задач. В «Речах скальдов» даётся пояснение, как скальды должны относиться к оружию, и ясно дается понять, что имена тролльш могут использоваться для обозначения топоров. В этом объяснении также проводится различие между топорами для войны, ассоциирующимися с кровью или костями, и топорами для работы, ассоциирующимися с деревом и лесом: «Мечи называются огнями Одина, а топоры люди называют именами тролльш и ссылаются на них в терминах крови или ран, леса или дерева» (Faulkes 2001:118). Меч — это оружие, специально предназначенное для убийства людей, и «Речи скальдов» дают немного вариантов того, как его можно называть поэтически. Однако топор может быть как оружием, так и инструментом, в зависимости от того, как он сделан и используется. Рекомендации «Речей скальдов», по-видимому, отражают это различие между мечом и топором, а также подтверждают, что имена тролльш могут использоваться для обозначения топоров.

Járnglumra (Ярнглумра) состоит из существительного среднего рода *járn*, «железо», и глагола *glumra*, «шуметь», «гремять» (Fritzner 1954: s.v. *glumra*; Cleasby-Vigfusson

59...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

¹ «Re-forging the smith: an interdisciplinary study of smithing motifs in Völuspá and Völundarkviða», Leif Einarson University of Western Ontario 2011

1957: s.v. *glumra*) или «кричать, реветь, отдаваться эхом» (de Vries 1977: s.v. *glumra*). Таким образом, *Járnglumra* может переводиться как «Железный грохот» или «Железный шум», или «Гремящая железом».

Ímgerðr и *Eisurfála* (Имгерд и Эйсурфала) загадочны, но, похоже, имеют некоторое сходство. Первый элемент *Ím* может иметь связь с существительным среднего рода *Ím*, «пыль, пепел, угли, сажа» (Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *Ím*; Motz 1981: 505). *Gerð* часто является именем богини или женщины (Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *gerð*), достаточно вспомнить поездку Скирнира и сватовство Фрейра к великанше Герд. (*Skirnismál*, Старшая Эдда). Моц, однако, указывает, что *gerð* также имеет индоевропейские корни в словах, которые означают «заключать», «ограждать», как в существительном мужского рода *garðr*, «ограждение», например *Miðgarðr* — Мидгард (1981: 500). Сравните это с русским *огород*, *город*, *ограда*.

Eisur можно интерпретировать как множественное число существительного женского рода *eisa*, «тлеющие угли, пепел, огонь» (Fritzner 1954: s.v. *eisa*; Cleasby-Vigfusson 1974: s.v. *eisa*; Motz 1981: 505; *eisa*). Так же глагол *eisa* означает «бросаться, осыпать тлеющие угли, действовать стремительно» (Motz 1981: 503). *Fála* используется как обозначение тролльши самой по себе (Fritzner 1954: s.v. *fála*), великанши, ведьмы, а так же энергичной или грубой женщины (Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *fála*). Motz предполагает, что *fála* также имеет индоевропейские корни в глаголах, означающих «покрывать», «прятать», «хоронить». Motz классифицирует *Eisurfála* как синоним словам, которые обозначают скорость или движение, в том числе *brana*, «мчаться, продвигаться со скоростью огня», и *geysa*, «яростно мчаться, фонтанировать» (1981: 503), отсюда и слово *гейзер*. В эту категорию Motz также относит имена *Myrkriða* и *Munnriða*, в которых в качестве вторых компонентов используется глагол *riða*, «ездить верхом». Опираясь на альтернативное значение *fála*, «скрывать», Motz также классифицирует *Eisurfála* с *Ímgerðr* как имена, которые «характеризуют тролльш как тайных существ, скрытых от глаз людей накидками, капюшонами или стенами и заборами их жилищ» (1981: 500). *Ímgerðr* можно интерпретировать как «ограждение пепла / тлеющих углей» и может быть отсылкой к кузнице или печи. Аналогичным образом имя *Eisurfála* можно интерпретировать как «сокрытие тлеющих углей / огня», что также может указывать на кузницу или печь. Однако нет никаких других доказательств, подтверждающих эту ин-

терпретацию окончательно. В отличие от поэтических категорий для топора, меча, щита и т.д. в «Речах скальдов» нет таких категорий для печей и кузниц.

Áma может быть связано с прилагательным *ámr*, «черный, отвратительный» (Motz 1981: 503). Cleasby-Vigfusson предполагает, что здесь может идти речь о покраснении и воспалении кожи из-за бактериальной инфекции *streptococcus*, состояние, известное сейчас как рожистое воспаление (Cleasby-Vigfusson 1957: *Ama*) от *ámusótt* «рожа» (блезнь).

Margerðr и *Atla* (Маргерд и Атла), по-видимому, не содержат элементов, связанных с металлообработкой, металлом или огнем (Fritzner 1954: s.v. *mara*; Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *mara*; de Vries 1977: s.v. *atla*). Motz предполагает, что *Margerðr* может означать в вольном переводе «Кошмариха», как например в современном английском *nightmare* — ночной кошмар. Motz предполагает, что *Atla* может означать «свирепая, сварливая» (1981: 500).

Leikn (Лейкн) используется как имя женщины-людоеда, тролльши или колдуньи, и при этом это слово имеет общую связь с *leikr*, существительным мужского рода, означающим «игра, заклинание» (Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *leikr*; de Vries 1977: s.v. *leikr*). Motz также предлагает дополнительное значение — существительное женского рода *leika*, «товарищ по играм». (1981: 504).

Munnharpa (Мунхарпа) переводится как «арфа во рту», «арфа рта» или «судорога рта».

При этом Эйнарсон не упоминает, что в современном норвежском слово *munnharpe* переводится как варган. Варган — один из древнейших музыкальных инструментов, имеющих множество других названий, таких как комус, хомус, кобыз, дрымба. Неизвестно, где, кем и когда был сделан первый варган, но известно, что варганы изготавливались из дерева, кости, а позднее из металла. Поэтому имя Мунхарпа также имеет связь с металлообработкой. В этой связи любопытно вспомнить мнение антрополога С.В. Дробышевского, что тролли в европейском фольклоре могут быть связаны с неандертальцами, и развить эту мысль в том ключе, что тролли умели играть на варгане, а возможно, даже создали этот инструмент и принесли в мир людей. Соответственно, вольным переводом эту тролльшу можно назвать Варганихой.

Munnriða, в свою очередь, может переводиться как «бег рта», «бегущий рот», «холодная лихорадка во рту» (Fritzner 1954: s.v. *riða*;

Cleasby-Vigfusson 1957: s.v. *ríða*; Motz 1981: 502-3). Сравните это с русским выражением «язык без костей». Можно предположить, что с этим именем связана речь, пение.

При этом версия *Trollkvenna*, в которой за *Munnharpa* следует *Munnríða*, выглядит, на мой взгляд, более логичной, отражая связь между игрой на варгане и пением, возможно, даже горловым.

Для *Myrkríða* О.А. Смирницкая предлагает следующий перевод: (32) «ночная всадница», к *myrkr* «темный, сумрачный» и *ríða* «ехать верхом»; ср. Hrbl 20. *Miclar manvélar / ec hafða við myrcríðor* «Немало тешился я с ночными всадницами». Я бы предложил ещё вариант «сумрачная наездница».

Список имен загадочный и наводит на размышления. Связь между Железным лесом и живущими в нём троллихами достаточно очевидна в имени Флугбарна: топоры использовались для рубки деревьев и колки дров, а эта древесина, в свою очередь, использовалась для топки печей и кузниц (имена Имгерр и Эйсурфала).

Подводя итог, можно сказать, что из одиннадцати имен, представленных в этой строфе *Trollkvenna*, пять из них в той или иной мере связаны с металлом, огнём, железом, металлообработкой или заготовкой дров для топки печей и кузниц.

Список источников информации:

1. Смирницкая О.А. Имена великанш в «Эдде» и туле Источник: Мифологема женщины – судьбы у древних кельтов и германцев (сборник). – М.: «Индрик», 2005 (стр. 62–77).

2. Дробышевский С.В. Достающее звено. Книга 1 Обезьяны и все-все-все М.: «Corpus», 2021.

3. Cleasby-Vigfusson = Cleasby, Richard and Gudbrand Vigfusson, 1957 [1874]: *An Icelandic-English Dictionary, initiated by Richard Cleasby. Subs.*

4. de Vries, Jan 1952: *Bemerkungen zur Wielandsage. In: Edda, Skalden, Saga. Festschrift zum 70. Geburtstag von Felix Genzmer. Ed. H. Schneider. Heidelberg: C. Winter. Pp. 173–99.*

5. de Vries, Jan, 1977 [1962]: *Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E. J. Brill.*

6. Faulkes, Anthony trans. & ed., 2001a: *Edda. London: J. M. Dent.*

7. Faulkes, Anthony trans. & ed., 2001b: *Three Icelandic Outlaw Sagas: The Saga of Gisli, The Saga of Grettir, The Saga of Hord. London: Everyman.*

8. Fritzner, Johan, 1954 [1867]: *Ordbog over det gamle norske sprog I–IV. Oslo: Kristiania.*

9. Motz, Lotte, 1977: *The Craftsman in the Mound, In: Folklore. 88. 1. Pp. 46–60.*

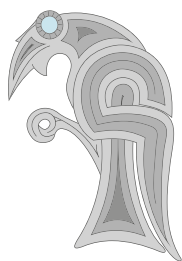
10. Motz, Lotte, 1981: *Giantesses and their Names. In: Frühmittelalterliche Studien 15. Pp. 495–511.*

11. Motz, Lotte, 1983: *The Wise One of the Mountain: Form, Function, and Significance of the Subterranean Smith: A Study in Folklore. Göppingen: Kümmerle Verlag.*

12. Motz, Lotte, 1993: *The host of Dvalinn: Thoughts on Some Dwarf-names in Old Icelandic. In: Collegium Medievale 1. Pp. 81–96.*

13. Orchard, Andy, 2002: *Cassell's Dictionary of Norse Myth and Legend. Croydon, Surrey: Bookmarque.*

61...

Алексей Глазачев

Масло троллей

Порой, гуляя по лесу и наслаждаясь природой, можно встретить довольно странную, на первый взгляд, желтую или ярко-оранжевую полупрозрачную слизь, свисающую с ветвей и стволов деревьев. Иногда по незнанию ее принимают за смолу или нечто иное, но на самом деле это гриб.

На ощупь гриб воспринимается как холодец или кусочек мармелада. Текстура желеобразная, мягкая, но плотная. Собственно, за эти качества гриб и получил свое русскоязычное название — дрожалка оранжевая. На латыни этот гриб называется *Tremella mesenterica*, где тремелла восходит к словам «дрожь», «тремор», а мезентерика, вероятно, от того, что плодовое тело гриба кому-то весьма отдаленно напомнило брыжейку кишки (фасция и желтые жиры на ней).

Гриб достаточно распространен в странах Северной Европы, в России, странах Азии. Дрожалка оранжевая встречается на ветвях и стволах сухих деревьях, на тех местах, где ещё осталась кора и на живых деревьях, пораженных трутовиком. Плодоносит практически весь сезон, но проще всего её найти ранней весной или поздней осенью, когда нет листвы. Дрожалка любит сырость, стойко переносит ночные заморозки, но жары и солнца совершенно не выносит. Практически как тролль!

На самом деле гриб растет не на самой древесине, а на другом грибе, как правило, на трутовике, потому дрожалка — это не просто паразит, а суперпаразит.

Любопытно, что в фольклоре стран Северной Европы этот гриб имеет куда более интересные названия:

Fairy butter — масло феиры в Великобритании и Ирландии;

Menyn Tylna Têg — волшебное масло феиры в Уэльсе, выходящее с больших глубин в полостях известняковых пород при добыче свинцовой руды в шахтах;

Troll smör — масло троллей в Швеции. В канун Мидсаммера (летнего солнцестояния) в Швеции жгли костры из девяти пород

Фото дрожалки, Москва, январь 2022.
Фото: Алексей Глазачев

деревьев. Масло троллей также бросали в общий огонь, чтобы защититься от сил зла.

Помимо этого гриб кидали в костёр в лесу, чтобы тролль не учуял человека, для той же цели кожу натирали свежими грибами. Кроме того, существовала примета: если дрожалка выросла возле входной двери, значит, на хозяев дома навели порчу.

Гриб дрожалка — съедобный, используется в основном в свежем виде, добавляется в салаты из свежих овощей, хорошо сочетается с кисло-сладкими соусами. Я ел его в сыром виде, только что срезанный с дерева. Сложно сказать, что гриб обладает какими-то выдающимися вкусовыми качествами, скорее, он безвкусный, как пресное желе, но при этом не портит вкус блюда, служит, скорее, украшением. Из свежих или высушенных плодовых тел варят питательные бульоны.

Известно медицинское применение дрожалки в средневековой Англии (натирание свежим

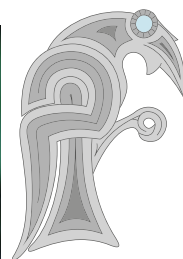

Фото дрожалки, Подмосковьe, май 2022.

Фото: <https://vk.com/olgareynardine>

плодовым телом) для заживления кожных язв и иных кожных заболеваний.

Считается, что дрожалка оранжевая оказывает общеукрепляющее действие, помогает для лечения легочных заболеваний, бронхита, а также при параличе, воспалении глаз и как успокоительное средство.

Сейчас некоторые грибники даже варят из дрожалки...джем. Приведу рецепт, вдруг кому-то пригодится: дрожалка, сахар по вкусу и немного сока лимона. Всё немного проварить. Получается что-то типа кисло-сладкого желе. По отзывам, вкусно. Но я не пробовал).

Источники информации:

1. *Folklore & Nature: Fairy butter* by Kelly Brenner, December 23, 2020.
2. *Hawkshead: the northernmost parish of Lancashire* by Henry Swainson, 1865.
3. *The fairy mythology*, by Thomas Keightley, 1828.
4. *The fungal pharmacy: The complete guide to medicinal mushrooms and lichens of North America* by Robert Rogers. 2011.

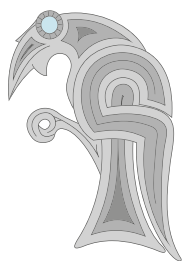
Фото дрожалки, Подмосковьe, май 2022.

Фото: <https://vk.com/olgareynardine>

63...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Андерс Калифф
и Терье Эстигор

Оборотни, воители и зимние жертвоприношения: Исследования Чивика и индоевропейская космология на материале Скандинавии Бронзового века.

Перевод: Ulfr Gunnarsson

https://vk.com/svart_ulfr, <https://svart-ulfr.livejournal.com>

«Легендарную «волчью рубашку», которая позволяла превратиться в зверя, называли «úlfahamr», а самого оборотня именовали обычно «варг». Сейчас в Скандинавии используется общий термин «vargúlf», который включает и тех, кто умеет превращаться в медведей. Пожалуй, мало кто из оборотней удостоился такой славы, как люди-медведи, известные обыкновенно как «берсерки» (или «берсеркеры»). Свитой из двенадцати берсерков народная молва награждала величайших владык прошлого, таких, как датский конунг Хрольф Краки, его противник Адильс и легендарный Харальд Прекрасноволосый. В бою берсерки были подвержены приступам бешенства (*furor bersericus*), называемым «берсеркерганг»: они выли, как дикие звери, изо рта у них шла пена, и они способны были прокусить стальную оковку щита. В эти мгновения они были, согласно народному мнению, неуязвимы для огня и железа и производили ужасное опустошение в рядах врагов».

Монтегю Саммерс

«Вервольф в фольклоре и легендах» (2003 [1933]: 242–43).

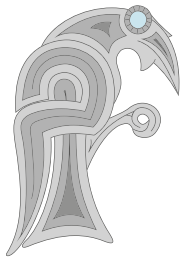
Κόρυος — объединение юных воинов

Мотив объединений юных воинов, часто несколько маргинальных, живущих вне общины и в то же время являющихся ее частью, характерен для многих индоевропейских народов. На какое-то время их отправляли прочь из общины охотиться и совершать набеги на другие поселения, но в «свободное время» они защищали своих односельчан. Эти юноши отождествляли себя с волками и собаками, символизировавшими беззаконие, разврат, боевое неистовство и саму Смерть. В то же время их идентификация с этими животными подчеркивает лиминальность, тонкую грань между неуязвимостью и смертью, между юностью и зрелостью. Отличительной чертой этих сообществ были инициации, в ходе которых молодых людей на какое-то время оправляли жить вне социума и его правил, нередко вынуждая жить так, как это было бы решительно невозможно в «нормальной» жизни. Не менее важно и то, что участники этих банд связывали – и идентифицировали – себя с определенными животными, в особенности с волками и собаками.

Связь между волками, собаками и юношескими военными отрядами четко прослеживается в более поздней сравнительной индоевропейской мифологии. Речь идет о воинских объединениях, в которых состояли в течение нескольких лет неженатые юноши, прежде чем, пройдя через инициатические обряды, они не становились их полноправными участниками. Эти обряды, в ходе которых мальчики жили в дикой природе, действуя подобно волкам и собакам, подробно описаны в текстах о греческих, латинских, германских, кельтских, иранских мужских союзах, и нет сомнений, что они имеют общее протоиндоевропейское происхождение. Римляне называли их «luperci» или «suodales», что тождественно греческому «kouros» и «ephebes», кельтскому «fian», индийскому «vrātyas» или «maruts» и германскому «jungmannschaft» или «männerbünde». Последний термин, хотя и самый известный (e.g. West 2007:448–451; Mallory 2007:93–94), имеет, однако же, дурную славу из-за своей тесной связи с идеологией и прославлением индоевропейского — так называемого «арийского» — наследия в Германии. Сторонниками этой идеи были австрийский филолог Отто Хёфлер (1934) и шведский историк религии Стиг Викандер.

Меж тем совершенно очевидно, что злоупотребление и использование этого термина в XX-веке не имеет ничего общего с доисторическими обществами более чем трехтысячелетней давности. Реконструированное протоиндоевропейское слово для обозначения такого рода группы молодых воинов, как упоминалось ранее, *kóryos, приблизительно определяемое как «банда» или «военный отряд». Оно происходит от протоиндоевропейского существительного *kóro-

означающего «разрез, деление». Его эквивалент можно отыскать в древнеперсидском «kāra», что означает «люди» или «войско», в литовском «kāras» — «война» или «армия», а также в кельтском *koγyos, древнегреческом koíranos, германском *harjaz, и древнеисландском herjan (Mallory & Adams 2006:278–284; Kroonen 2013:212).

Подобные воинские отряды, вероятно, сыграли важную роль в индоевропейской экспансии на Индийский полуостров во втором тысячелетии до нашей эры. Ригведа и другие письменные источники утверждают, что этот процесс был весьма кровопролитным. Такие же отряды, вероятно, шли в авангарде основных сил и на других направлениях, достигнув в свой черед Европы и заложив основы развития европейского общества Бронзового века.

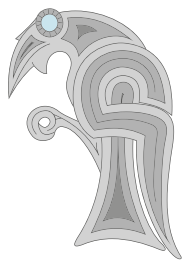
Эта версия обретает все больше сторонников, особенно после анализа а-ДНК, который демонстрирует относительно внезапное и массовое вторжение новых групп, в которых преобладали мужчины (e.g. Kristiansen et al. 2017; Sjögren et al. 2020). Однако в европейском контексте нам не хватает письменных свидетельств той эпохи, когда происходили эти процессы; они появляются лишь спустя несколько тысяч лет.

Различные индоевропейские традиции при всех своих различиях имеют и явное сходство: мальчикам-подросткам, обычно из знатных семей, разрешалось проводить несколько лет в особых группах и вести себя как собаки или волки. Эти ватаги состояли из подростков предположительно в возрасте от 8–12 до 18–19 лет, которые вместе проходили инициацию и становились полноправными членами общины. Иными словами, мальчики одновременно становились мужчинами и воинами. В ходе пребывания в этих группах мальчикам и юношам разрешалось вести себя совершенно неприемлемым в нормальном обществе образом. Речь идет о поведении, которое считалось аморальным или даже преступным, например, воровство, набеги или же насилие над женщинами. Характерный пример — угон скота из соседних племен, считавшийся особой доблестью в индоевропейских скотоводческих обществах. Такое поведение допускалось и даже поощрялось среди членов этих воинских отрядов до тех пор, пока разрушительные и злонамеренные действия не были направлены против соплеменников.

Их жизнь была сосредоточена на воинской подготовке, охоте и набегах на вражеские поселения, а также на изучении героического эпоса и легенд о деяниях героев прошлого. Лидер группы определялся с помощью игры в кости, результат которой мыслился как божий промысел. Другие члены группы клялись умереть и убивать за него. Таким образом, по мнению Брауна и Энтони, эти отряды могли функционировать тремя способами: 1) как организация, мобильная группа, эффективная в бою, 2) как инструмент внешней территориальной экспансии и 3) как инструмент регулирования в обществе, ориентированном главным образом на потребление (McCone 1987:107–108; Mallory 2007:93-94; Brown & Anthony 2019:111–117).

65...

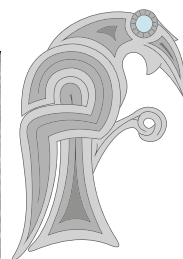

«Согласно ведическим, кельтским и латинским источникам, индоевропейские юношеские боевые отряды состояли из подростков (достигших половой зрелости, но еще несовершеннолетних), отпрысков знатных семей. Их отослали жить в «дикую природу» за пределы их собственной общины в течение нескольких лет, когда они считались «безземельными», не имели социально признанных прав на землю, на которой они жили, и не имели никакого имущества, кроме оружия... Они ассоциировались со смертью, возможно, потому, что отождествляли себя с собаками, а собака была общепризнанным символом смерти... Они брали собачьи или волчьи имена, носили определенную одежду, использовали соответствующие символы из германских, латинских, ведических, иранских, кельтских и греческих культур» (Anthony & Brown 2017:135; ср. 2019:110–117).

Судя по всему, на протяжении европейского Железного века такие отряды молодых воинов постепенно включались в состав дружин все более набирающих вес военачальников и королей (Bremmer & Horsfall 1987:39–42; Kershaw 2000:134). В то время как задачи воинских отрядов изменились, их роль как важного этапа инициации для молодых воинов из определенных социальных групп, возможно, осталась прежней. Как минимум, это актуально для Северной Европы: есть свидетельства о том, что в кажущихся традиционными индоевропейских отрядах воины находились на службе у определенных вождей или королей. В этом контексте можно рассмотреть и скандинавские предания о берсерках и ульфхеднарах, которые мы встречаем в древних сагах.

Обратившись к древним индоевропейским мифам, мы увидим, что волки связывались с определенными воинскими сообществами, представители которых в ходе инициации ритуально «превращались» в волков (или собак). Этот мотив был развит в Европе Железного века, и в частности, в области германского влияния (McCone 1987:101–154). В скандинавских сагах упоминаются берсерки и ульфхеднары — избранные воины, связанные особыми узлами, которые приводили в ужас противника. Сохранилось предание, что у Харальда Прекрасноволосого был отряд ульфхеднаров (букв. «люди в волчьих шкурах»), о которых упоминают Сага о людях

из Лососей Долины, Песнь о Харальде и Сага о Вёльсунгах. В целом эти легенды похожи на европейские предания об оборотнях. Ульфхеднары, в целом, были похожи на берсерков, разве что носили волчи, а не медвежьих шкуры; считалось, что они призывают дух волка, чтобы стать непобедимыми (Woodward 1979).

Эти воины были нечувствительны к боли и безжалостны в бою, словно дикие звери. Ульфхеднары и берсерки были тесно связаны со скандинавским богом Одином. Эта связь прекрасно прослеживается по археологическим находкам в Скандинавии периода Железного века и эпохи Венделя — в частности, по многочисленным изображениям воинов-зверей. С поздней, христианской точки зрения, такие превращения «людей в волков» в языческих культурах связывались с Дьяволом. Это согласуется с не менее распространенным отождествлением Дьявола и Одина, которое четко прослеживается в позднейшей нордической традиции.

В северной мифологии упоминаются три особенно злобных волка: Фенрир и его отпрыски — Скёлль и Хати. Именно эта парочка, согласно легенде, поглотит в ходе Рагнарека Луну и Солнце. Но кроме них есть еще Гери и Фреки, верные спутники самого Одина. Иными словами, волки олицетворяли как хаос и разрушение, так и храбрость, верность, защиту и мудрость. Тем не менее представления о волках в Северной Европе было в целом неоднозначным. Помимо прочего, волки служили ездовыми животными для опасных и вредоносных существ — например, троллей. Именно здесь мы можем найти корни скандинавской веры в оборотней, зафиксированной в более поздних легендах.

Считалось, что некоторые люди способны претерпевать метаморфозы и становиться зверями или некими гибридами между животным и человеком. В то же время считалось, что определенные характеристики животных могут быть связаны с конкретными людьми. Последнее могло выражаться и через их имена; древнескандинавская ономастика четко фиксирует такие связи. Например, «конь Гуннара» на руническом камне из Рёка — вероятно, кеннинг «волка»: ведь в «Песне о Хюндле» вёльва (ведьма) Хюндла едет верхом на волке, равно как и великанша Хюрроккин, участница похорон Бальдра. Ульф, Вольф или Вульф — частые мужские имена у германоязычных народов; они также составляют центральный компонент других германских имен: Вольфганг, Адольф (Athalwolf), Рудольф (Hrodulf), Ульфбьёрн и т. д. Это отражает тесную связь между человеком и зверем, в данном случае — волками и конкретными мужчинами в германских обществах.

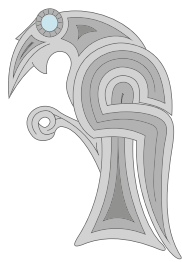
Говоря о берсерках, нужно вспомнить о состоянии «берсеркерганга», особой одержимости. Любопытно, что эта ярость, охватывавшая берсерков перед сражением, описывается как нечто

67...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

зловещее и, следовательно, в какой-то мере негативное. По общему мнению, такое поведение выходило за рамки общепринятых норм и правил.

Существует четкая связь между изменением формы и превращением в берсерка: когда их охватывает ярость, они не становятся животными как таковыми, а начинают вести себя как животные (Kuusela 2012: 337). Таким образом, существует поразительное сходство между тем, как описываются в сагах берсерки, и ватагами беззаконных юнцов, известных почти всем индоевропейским народам. Мы имеем дело с особыми воинскими отрядами, подчинявшимися собственным законам и правилам, чье поведение и способы ведения боя зачастую противоречат всем общепринятым нормам поведения. Эти традиции явно сыграли большую роль в формировании поздних народных верований, особенно скандинавских историй об оборотнях.

Оборотни в скандинавской народной традиции и их происхождение

В скандинавских мифах часто упоминается, как некоторые люди — и боги — претерпевают метаморфозы и даже превращаются в зверей. Так, богиня Фрейя может превращаться в сокола, а Локи вообще способен обернуться практически во все, что угодно. Однако больше всего такие превращения связывались с Одином, признанным мастером этого искусства, способным с легкостью переходить из своего обычного тела в тело животного, рыбы, птицы или змеи. На самом деле слово «оборотень» или «меняющий шкуры» происходит от латинского *versipellis* — «человек-волк». Таким образом, в основе этих шаманских представлений лежит вера в оборотней и умение людей становиться зверями, и наоборот.

Примеров таких трансформаций в древних сагах великое множество: начать с того, что само слово, обозначающее чье-то земное тело — *хам* — дословно означает «кожа» или «скорлупа». Однокоренное слово «*hamingja*», в свою очередь, связано с существом, известным как *фюльгья*, что означает «сопровождать». *Фюльгья* — это особый дух, связанный с семьей или отдельным человеком, который мог появляться в образе какого-то зверя. Это животное являло себя сразу после рождения ребенка и перед смертью, когда покидало владельца незадолго до наступления его физической гибели. В сагах *фюльгья* может принимать облик всевозможных животных: мышей, собак, лис, кошек, хищных птиц. По-видимому, этот сопровождающий человека дух отражал характер человека, которого он представлял, подобно тотемному животному. У мужчин, которых считали сильными лидерами, *фюльгья* часто воплощалась в могучих зверей, таких, как медведь или волк, раскрывая истинную силу и характер своего владельца (Jennbert 2006: 137, Oestigaard & Kaliff 2020).

Вера в *фюльгью* и ее способность появляться в виде животного, а также представление о том, что люди могут физически превращаться в зверей, долгое время сохранялись в скандинавском фольклоре, в некоторых областях даже до начала XX века. В частности, необычайно сильна в скандинавских странах вера в вервольфов, сохранившаяся в древней и самобытной форме, которая несколько отличается от континентальных европейских представлений, связанных с оборотнями. Это относится как к содержанию легенд, так и к терминологии. (Odstedt 1943; cf. Kuusela 2012:336–38)

Древнескандинавское слово, обозначающее волка — *úlfr* — происходит от древнегерманского **wulfaz* и, в свою очередь, от индоевропейского **wĺkʷos*. В современном шведском, норвежском и датском ему соответствует слово «*ulv*». Однако есть некоторая сложность. Еще одно слово, обозначающее волка, «*vargr*» (по-шведски *varg*), имеет более зловещее значение, чем «*ulv*». Поэтому некоторые материалы, записанные на скандинавских языках, и особенно на шведском, довольно сложно перевести на английский язык. Оба эти слова в современном языке более или менее синонимичны и обозначают «волка», но прежде имело место принципиальное различие. Хотя оба эти слова относятся к одному и тому же зверю, слово «*варг*» подчеркивает его опасный, преступный или зловещий характер. (см. Hellquist 1922, слова «*varg*» и «*ulv*») Шведское слово «*manvarg*» (буквально «человек-волк») использовалось почти как синоним «*варульва*» («вервольфа») в особенно зловещих легендах.

Шведское слово «*варг*» (от германского **warga-* и древнескандинавского *vargr*) связано с нарушением законов, преступниками и злом. Можно вспомнить практику использования слова «*варг*» для обозначения преступников и лиц, находящихся «вне закона». Само слово *vargr* происходит от реконструированного протогерманского **wargaz*, которое, в свою очередь, образова-

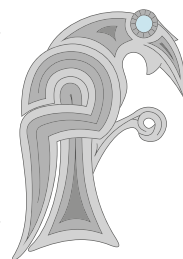
но от аналогично реконструированного протоиндоевропейского корня *werg^h-. Это слово может означать «разрушение», а точнее, «скручивание», «сужение» или «удушение». Таким образом, слово «волк», в конечном счете, происходит от протоиндоевропейской основы, обозначающий «удушение» (Kuusela 2012:340); этот момент можно соотнести с человеческими жертвоприношениями и некоторыми археологическими находками.

Историк религии Питер Джексон Рова (Jackson Rova 2021) весьма интересно трактует в этом ключе так называемых «болотных людей» из Южной Скандинавии. Некоторые из этих несчастных, в частности, знаменитый «толлундский человек», имеют явные следы удушения перед погружением в водоем — и неясно, было ли это казнью преступника или человеческим жертвоприношением. Удушение может быть связано с первоначальным значением слова *warga* — «удушение как наказание». Такого рода жертвоприношения зафиксированы в этнографических источниках как часть культа плодородия и урожая, но даже за этими ритуалами скрываются волки и оборотни.

Неоднозначность слова «варг» также содержит ключ к пониманию древнескандинавской идиомы «*varg í véit*», означающей «убийца или преступник в святилище». Здесь слово «варг» указывает на особо гнусный характер преступления, за которое человек объявлен вне закона. Веум — это дательный падеж слова, обозначающего «святилище», а позже и «церковь». Первоначальное значение этого термина относится к лицу, совершившему преступление в священном месте, что еще больше усугубляет его злодеяние. Чтобы завершить это небольшое этимологическое исследование, охарактеризуем варга как «человека, объявленного вне закона и вынужденного скитаться вдали от людей». Очевидно, что эта концепция хорошо подходит и для описания вышеупомянутых банд молодых воинов, известных многим индоевропейским народам.

Уппсальский университет, сборник материалов по археологии № 75 (2022).

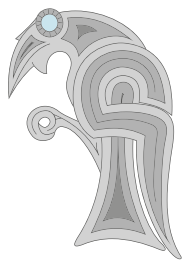
69...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

A Book of Troth

Глава XII

Лестница бытия

Эдред Торссон
Перевод: Дмитрий Даммер

Мы продолжаем печать перевода исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29–36 номерах «Северного ветра».

То, что богов и богинь множество, доказывает тот факт, что и людей, мужчин и женщин, столь же много, и все они разные. Поэтому вполне логично, что есть несколько типов богов и несколько типов людей, и эти типы соответствуют друг другу. Каждый из них, различаясь сущностно, преследует свои особенные цели. Чтобы все трудились вместе на общее благо и были уверены в достижении собственных целей, боги работают в гармоничной взаимосвязи, важной для их бытия и выживания. Связь эта базируется на древней идее классификации богов по различным качествам на три класса. Система эта столь же стара, как и наш язык, в ней выделяется *высокое-высшее-наивысшее* и *хорошее-лучшее-наилучшее* из всех вещей.

Люди, как и боги, тоже делятся в соответствии с этой иерархией. Чтобы знание было получено, чтобы война была выиграна, чтобы семя было посеяно, выращено и сжато, мы должны работать сообща. Различные уровни и особенные черты каждого бога легко увидеть, если мы поймем, что мир богов отражает на ином уровне мир человеческий и что перед каждым человеком тоже стоит своя особенная задача. Сегодня наш мир страдает от проклятия безликости — все одно и ничто, и каждый — никто.

Божества в троте делятся на три группы по трем критериям: власти, силе и производительности. Власть — это то, что позволяет отличать верное и истинное и эффективно работать с этими вещами, достигая поставленных целей. Сила — физическая сила для достижения цели, а также та, что необходима для защиты целого от разрушения силами, чуждыми этим целям. Производительность (созидание) — способность обеспечивать целое всем необходимым для достижения поставленных целей, продлевая его существование.

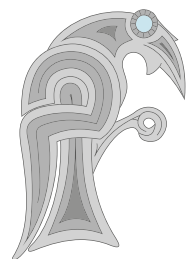
Качества эти должны быть упорядочены следующим образом: власть должна управлять силой, а созидание служить интересам целого под контролем власти. Король руководит войном, а фермер или рабочий трудится на общее благо. Если этот баланс рушится, происходит катастрофа. Это не «естественные законы» как таковые, а, скорее, законы божественного порядка, законы богов, управляющие сознанием человечества. Они были переданы человечеству вместе с тройным даром Одина — Вили — Ве (Младшая Эдда, глава 9) и вместе с созданием человечества Одином или Ригом.

В троте боги Тиу и Один покровительствуют высшим силам сознания. Тунар — бог физической силы, а ваны, в особенности Фрейя и Фрей, — это божества производительных сил природы.

В рамках общества данные силы нужно развивать, усиливать и оценивать по достоинству и тому, как они соотносятся друг с другом в земном мире. Но те же самые силы и то, как они классифицированы, нужно различать в каждом мужчине и женщине. В каждом из нас есть что-то от могучего мага, воина и фермера. Каждый сбалансирован таким образом, что находится в том или другом лагере, и здесь водительство богов становится жизненно важным фактором.

Возвращаясь к этим традиционным вечным ценностям, практик не только возвращается к здоровому и полноценному бытию, но помогает вернуть баланс всему окружающему миру.

Продолжение следует...

Йоханна Харзардоухтир,
заместитель верховного годи
Перевод: Настасья Сысоева

Храм *Ásatrúarfélagið* проект мечты

Архитектор Магнус Йенссон — один из частых гостей на Стороне Выступа (название улицы, *Síðumúli 15* — адрес в Рейкьявике, по которому располагается офис, арендованный *Ásatrúarfélagið* для проведения собраний). Придя туда однажды, он настолько органично вписался, что остался на долгое время, подобно домашнему коту принес с собой улыбку, мир и уютную близость. Высокий и немного похожий на индейца, с чёрными волосами, собранными в хвост на затылке, он всех тепло приветствует, всегда вежливый и любезный. Приятно, что именно такой человек проектирует наш храм, которого, затаив дыхание, ждут все язычники.

Магнус родился в Рейкьявике в 1972 году, в 2004 году окончил колледж архитектуры и градостроительства по специальности архитектор и с тех пор работает в этой области как самозанятый. Совершенно естественно и уместно, что именно Магнус взялся за этот проект.

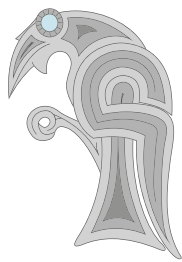
«Впервые я услышал об этом в новостях. Сообщалось, что общине был выделен земельный участок в Тайной Топи (*Leynimýri* — район на юго-востоке Склона Кальдеры, *Öskjuhlíð*, в Рейкьявике). Тогда я не смог усидеть на месте. Я сам — язычник, и известие о строи-

тельстве храма вызвало во мне сильнейший эмоциональный отклик и интерес. Я хотел быть причастным к этому и позвонил Хильмару Ёрну, верховному годи. Вскоре после этого я уже присутствовал на собрании, где делился идеями о возведении языческой святыни с другими членами сообщества. Помимо выбора оптимального расположения здания на местности, я взял на себя анализ технических требований, что стало хорошей подготовкой для моей будущей деятельности на этом поприще.

Незадолго до банковского кризиса, в 2008 году был объявлен конкурс на проектирование храма, и я был одним из приглашённых к участию. У меня были несколько особенные условия, так как я состоял в *Ásatrúarfélagið* и уже принимал участие в подготовительных собраниях, поэтому мне было необходимо обратиться в Ассоциацию Архитекторов за допуском к состязанию. Когда же он был получен, я наконец смог воплотить в чертежах все свои идеи.

Я питаю сильные чувства к язычеству и прочёл кипу литературы о воссоздании древних обрядов. В них есть эстетика, которая хорошо гармонирует и с современностью. Я по натуре немного реконструктор, и потому

71...

Исландия эпохи заселения кажется мне более эстетичной, чем в наши дни. Человечество словно утратило какую-то мощную силу, присутствующую предкам, силу характера. Именно её я хотел найти и воссоздать.

Сначала я немного переживал из-за того, что представители Асатру, возможно, хотели бы видеть храм в каком-нибудь «стиле викингов», но очень обрадовался, обнаружив, что это не так. Намерения перенести былые времена на тысячу лет вперёд у них тоже не было, а вот моя концепция храма вне времени, но с современными технологиями пришлась всем по душе».

Вневременный и экологичный

Магнус живёт на Возвышении Ровного Холма (Réttarholtshæð, деревня на Северо-западе Исландии), и потому связь с природой имеет для него огромное значение, как и для большинства язычников. Она наполняет энергией на весь день, стоит только провести некоторое время наедине с собой, созерцая зелёные просторы, раскинувшиеся до самого горизонта.

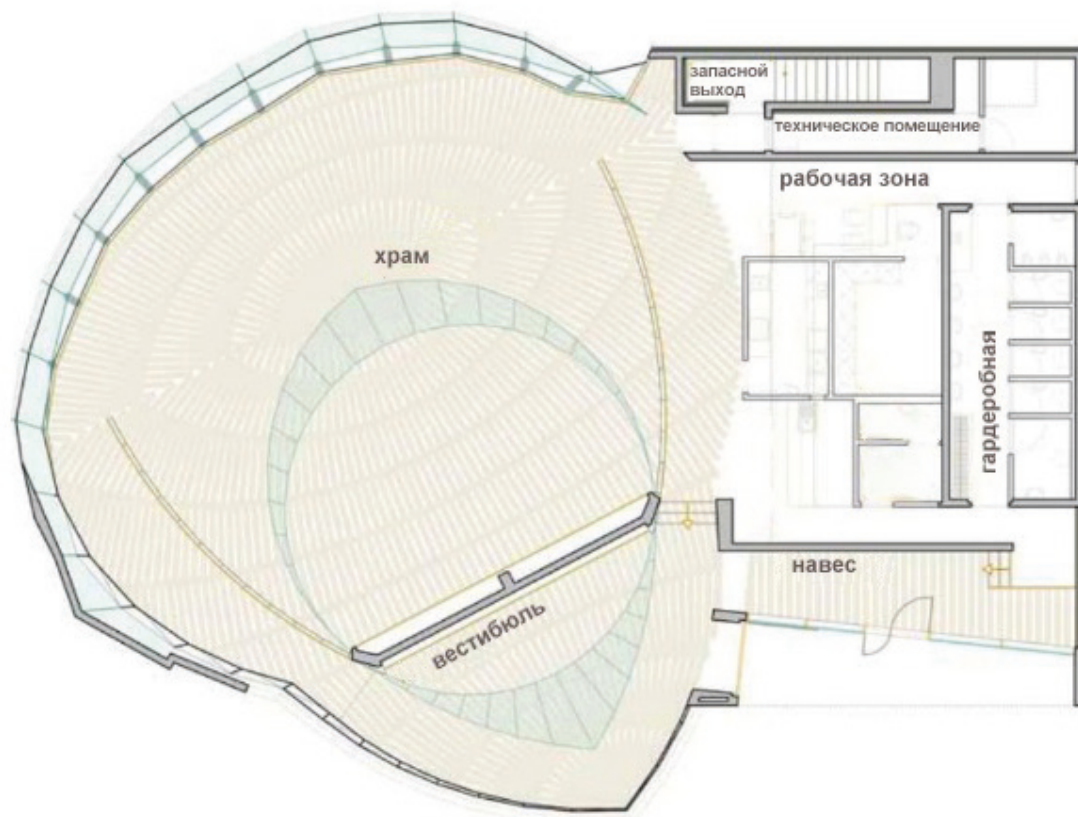
«Храм будет вневременным и экологичным зданием, где технологические инновации сочетаются с первозданной мощью природы, которая и послужила для меня источником вдохновения. Ключевым элементом дизайна стало движение солнца. Будучи важным составляющим в языческих церемониях, оно

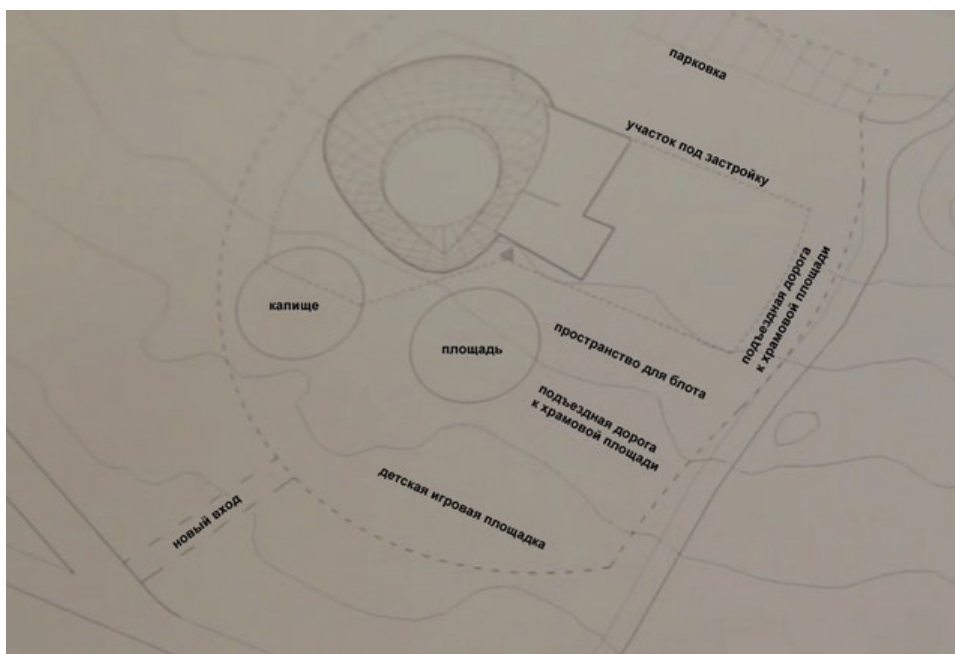
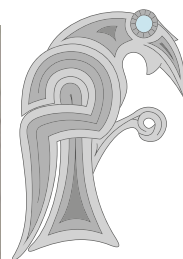
окажет сильное влияние и на внешний вид святыни. Блики света и тени покроют стены храма сакральными узорами, тем самым принося эту связь с природой.

Более экологичными станут и материалы, используемые для строительства. Например, бетона задействуют относительно немного. Большая часть здания будет построена из исландской древесины. Насколько это возможно, найдётся применение и плоской скале, расположенной на выделенном земельном участке. Сама земля тоже послужит стройматериалом, поскольку крыша и перила на балконах второго яруса храма будут покрыты дёрном. Что касается дизайна интерьера, планируется использование овечьей шерсти натуральных оттенков для обивки стульев и боковых стенок, а также в качестве звукоизоляции.

Повсеместно встречающееся в природе золотое сечение, которое так хорошо воспринимается человеческим глазом, наложит свой отпечаток на внешний вид храмового потолка. Треугольные своды, равномерно распределив свой вес между опорами, явят собой прочную и красивую единую конструкцию.

Весьма сложно спроектировать на склоне большое здание, особенно круглой или восьмиугольной формы. Оно должно вписаться в великолепное окружение и гармонизировать с ландшафтом с любой точки обзора. Но когда это удаётся, испытываешь небывалое облегчение».

Проект мечты

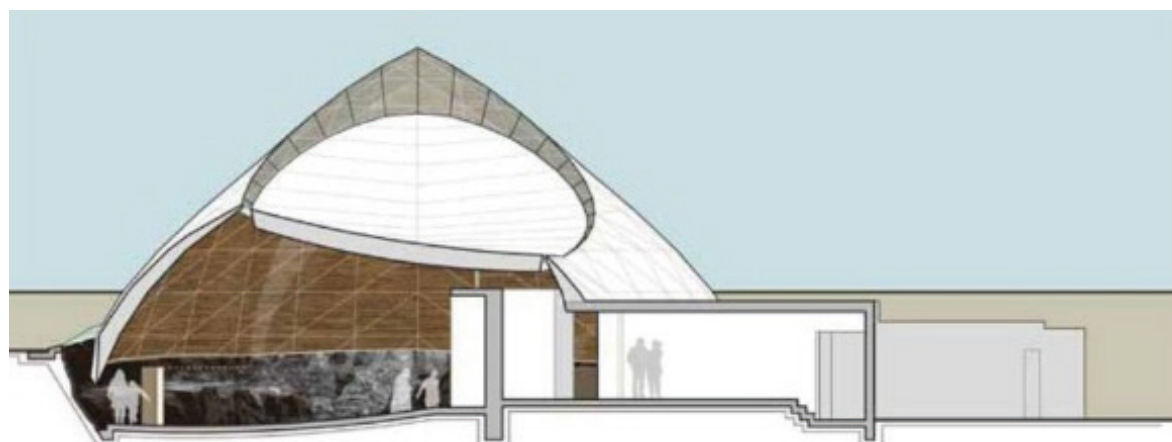
Со Склона Кальдеры открывается прекрасная панорама. Храм мирно и надёжно покоится на склоне холма, олицетворяя всепоглощающую силу природы, из которой он словно вырастает. Магнус приложил множество усилий, чтобы спроектировать сооружение, которое впишется как в ландшафт, так и в языческую семиотику, и, судя по положительной реакции общественности, ему это удалось. Человеческому разуму свойственно интерпретировать увиденное, и на ум приходит множество образов. Некоторые люди в форме здания видят женскую грудь, другие — лодку или корабль викингов, а кому-то это напоминает глаз. Что же предстаёт перед самим Магнусом?

«Это проект мечты, независимо от того, думаете ли вы о нём с точки зрения дизайна или творчества. В моём представлении храм похож на каплю, выступающую из земли, может быть, на женскую грудь или на рыбу, вылезшую из моря», — говорит Магнус и улыбается.

«Храм Асатру в Исландии привлёк к себе большое внимание как на родине, так и за

рубежом, и конечно же, интерес вызвало не только само строение, но и личность архитектора. Иностранные СМИ по всему миру связывались со мной и просили дать интервью для радио, телевидения или газет, и я рад этому. Очень хорошо, что храм получил положительный отклик в мире. Люди разные, и здорово, что каждый видит в нём свой собственный образ.

Понимание того, что именно я хотел бы воплотить, пришло ко мне очень быстро, и это большая удача. Проектирование храма стало для меня своеобразным вызовом, но это всегда было очень весело. Я с удовольствием следовал к намеченной цели. Бывали времена, когда я не видел никаких путей к реализации задуманного, но сейчас я понимаю, что так бывает, невозможно контролировать весь процесс, на всё требуется время. Иногда много времени проходит в ожидании и бумажной работе, прежде чем проект будет закончен. Я очень жду, когда храм будет сдан в эксплуатацию. Уверен, что буду одним из тех, кто часто и с удовольствием посещает это место», — говорит в конце Магнус Йенссон.

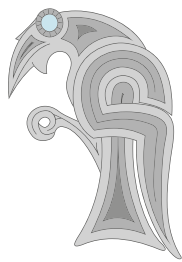

73...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Эльдар Хейде
Перевод: Анна Блейз

Священные острова и Иные миры: по ту сторону вод

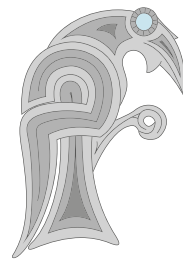
Введение

В этой статье я попытаюсь продемонстрировать связь между священными островами и представлениями об Ином мире по ту сторону вод. На мой взгляд, священные острова потому и священны, что находятся за морем. Чтобы добраться до них, необходимо пересечь водную преграду, и в этом отношении священные острова подобны потустороннему миру, который нередко помещается «за водой» (будь то по горизонтали или по вертикали). По-видимому, с этим же связан и пограничный характер некоторых островов: они подобны потустороннему миру, но все же принадлежат миру земному. Занимая промежуточное положение, они представляют идеальные точки контакта между двумя мирами. Кроме

того, я рассматриваю острова, отличающиеся «повышенной лиминальностью» (достижимые для пешехода и, следовательно, в некотором роде составляющие часть материка), и острова, которые время от времени погружаются под воду или показываются из-под воды лишь изредка. Я поддерживаю гипотезу Хольмберга (Харвы) [1], согласно которой представления о нижнем, подземном потустороннем мире восходят, главным образом, к наблюдениям за перевернутыми отражениями в стоячей воде. К этой версии я добавляю уточнение, состоящее в том, что подобные отражения включают в себя образы суши, чем, возможно, и объясняется, что путешественник между мирами (в большинстве сюжетов) попадает на сушу независимо от того, проник ли он в Иной мир через расселину в земле или посредством погружения в воду. И, наконец, я рассматриваю острова, лиминальность которых связана в основном с удаленностью от берега (то есть от человеческого общества), и сравниваю их с проходами в Иной мир, расположенными в общедоступных местах. Моя статья — это попытка хотя бы отчасти понять логику, стоящую за основными точками взаимодействия между земным и потусторонним миром и, в особенности за теми из них, которые отделены от суши водной преградой. При этом я вовсе не утверждаю, что все мировоззрение, в рамках которого существуют такие точки, подчинено единой и последовательной логической системе. Но данные, на которые я опираюсь, свидетельствуют о том, что скандинавские боги, в особенности Один, пересекают водные преграды гораздо чаще, чем до сих пор отмечали другие исследователи.

Я использую преимущественно древнескандинавские источники, но обращаюсь и к материалам из других скандинавских культур, а также соседних с ними культур Северо-Западной Европы. Полагаю, что это вполне допустимо, поскольку большинство североевропейских этнических групп обитали в этом регионе (пусть и в различных его областях) по меньшей мере два тысячелетия, а, скорее всего, и гораздо дольше, и много контактировали между собой в ходе истории. Поэтому мы вправе ожидать значительного сходства между присущими этим народам

представлениями, в особенности наиболее общими и базовыми [2]. В частности, представление о водной преграде между земным и потусторонним мирами кажется более или менее универсальным. Среди прочего, я пользовался сведениями из саг о древних временах, несмотря на их позднее происхождение, потому что сами мотивы, связанные с путешествиями в Иной мир, распространены чрезвычайно широко, а, следовательно, относятся к более древнему пласту. Кроме того, объяснять мотив путешествия в мир богов через воду влиянием христианских идей было бы большой натяжкой. И, наконец, я использую фольклорные и другие поздние материалы, хотя такой подход и может показаться спорным: дело в том, что и в них, по-видимому, сохранились древние представления, относящиеся к исследуемым темам. Хороший тому пример — исландский мотив прыжка в воду как способа попасть в волшебную страну; некоторые мотивы, встречающиеся в фольклоре XIX века, близки мотивам саг, записанных в XIII столетии [3].

Рассматривать символику воды в целом я не намерен: речь пойдет лишь о мотиве воды как преграды между земным и потусторонним мирами и о непосредственно связанных с ним вопросах. Тему святости и священных мест в общем виде я также не затрагиваю, ограничиваясь вопросом о значении священных островов. Термин «священный остров» я употребляю в широком смысле: «остров, обладающий особым статусом». В случаях, когда отсутствуют определения «средневековый», «древний» и им подобные, во всех отсылках подразумевается традиция XVIII–XIX веков.

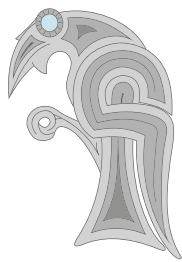
Иной мир по ту сторону вод

Что такое остров? Очевидный ответ — «участок суши, окруженный водой». Но этим современным представлением об островах мы во многом обязаны географическим картам: мы привычно смотрим на мир сверху вниз, тогда как в древние времена подобный ракурс был скорее исключением из правила, доступным лишь в гористых местностях. Поэтому в культурном контексте понятие острова следует интерпретировать в горизонтальной перспективе, с точки зрения человека, глядящего на остров с берега. В таком ракурсе остров — это место по ту сторону воды. Иными словами, большинство людей смотрят на остров со стороны и представляют его, по существу, как такое место, путь к которому лежит через воду. Разумеется, по ту сторону воды находятся не только острова, но и, во многих случаях, материковые побережья. Но важно то, что добраться до острова можно только по воде. Поэтому я придерживаюсь мнения, что в культурном контексте первое и главное определение острова — это «место по ту сторону вод».

Можно предположить, что такая точка зрения помогает лучше понять суть священных островов, так как во многих традициях по ту сторону вод располагается загробный мир. В дохристианской Скандинавии считалось, что большинство умерших отправляются в Хель — безрадостное, но не грозящее муками место, расположенное на севере, под землей и по ту сторону реки Гьёлль [4]. Представление о том, что мир мертвых или один из загробных миров находится за рекой (нередко подземной), которую умершим приходится пересечь по пути из мира живых, известно по всей Северной Европе и у большинства других народов мира. Широко распространена была и вера в то, что умершие отправляются в страну за морем (или другим большим водоемом). В Северо-Западной Европе это представление встречается на территории Нидерландов (в области с кельтским или франкским населением) уже в начале VI века н.э. Византийский историк Прокопий Кесарийский сообщает, что жители этой местности переправляют души умерших на какой-то дальний остров [5]. В «Беовульфе» тело покойного короля Скильда (отца Беовульфа) возлагают в ладью, которая уносит его за море. По скандинавским представлениям, попасть в Хель тоже, по-видимому, можно было морским путем. Когда умирает бог Бальдр, его тело кладут на корабль, принадлежавший ему при жизни; затем этот корабль спускают на воду и поджигают, а позже выясняется, что Бальдр теперь пребывает в Хель [6]. «...невозможно избавиться от впечатления, что этот корабль и должен был доставить Бальдра в Хель», — отмечает Скъёдт [7]. Схожую погребальную ладью описывает арабский путешественник X века Ахмад ибн Фадлан, видевший ее у русов (скандинавских викингов) на Волге [8]. Известные по археологическим находкам североевропейские погребения в ладьях, относящиеся к железному веку [9], по-видимому, также отражают веру в то, что умерший мог достичь мира мертвых по воде.

Схожие идеи, вероятно, стоят и за такими явлениями, как кладбищенские островки и кладбища, отделенные водной преградой. В Северной Норвегии сохранилось необычайно много захоронений железного века на необитаемых островках [10]; в тот же период и в эпоху викингов кладбища довольно часто отделялись от поселений водными потоками [11]. Вероятную параллель составляют могильные курганы той же эпохи, обнесенные рвами. Такие сооружения были

75...

распространены довольно широко; хороший тому пример — курганы в Борре (Вестфолл, юго-восток Норвегии) [12]. Время от времени, в зависимости от погоды, эти рвы наполнялись водой, и курган превращался в остров — еще один вариант островного царства мертвых. Анализ пылицы, обнаруженной при раскопках, показывает, что в некоторых таких рвах произрастали водяные растения [13]. Тот факт, что в большинстве случаев ров не был наполнен водой постоянно, не опровергает нашей интерпретации. Можно возразить, что ров был нужен лишь для того, чтобы курган выглядел выше и внушительнее, а землю, извлеченную из канавы, удобно было использовать как строительный материал для кургана. Но если так, то этой земли все равно было недостаточно; почему же строители не срывали внешний край рва, а привозили остатки необходимого материала из других мест? И если ров был лишь побочным следствием лени, то почему в некоторых случаях строители оставляли четыре «мостика» через ров, ориентированные в точности по четырем сторонам света? [14] Напрашивается естественный вывод, что эти рвы сооружали преднамеренно. Археологи, по-видимому, придерживаются той же точки зрения [15]. Самое подробное и четкое объяснение «кладбищенским островам» (разного типа) дает Нордберг [16]; письменные древнескандинавские источники и археологические данные свидетельствуют, что граница между миром мертвых и могилой в восприятии людей была размытой. В некотором смысле могила сама по себе олицетворяла мир мертвых. И если так, то могила, отгороженная водой, могла символизировать загробный мир по ту сторону вод.

Сохранилось также множество примеров и свидетельств того, что за морем помещались страна богов и связанные с ней обиталища мертвых. Согласно древнескандинавским источникам, большинство воинов, павших в сражениях, в особенности герои и короли, отправлялись после смерти в чертог Одина, Вальгаллу, или в чертог Фрейи, Фолькванг, о котором почти ничего не известно [17]. Сведений о дороге в Вальгаллу древнескандинавские источники не содержат [18], но согласно «Деяниям данов» — латинском сочинении Саксона Грамматика, написанном на рубеже XII–XIII вв., в обитель Одина из мира смертных можно попасть, перелетев через море по воздуху [19].

Подтверждение этому находится и в рассказе Ибн Фадлана. Умерший человек, о котором тот пишет, по всей вероятности, отправляется в Вальгаллу, потому что место его назначения описывается как «рай» и потому что сам он — один из «главарей»; и для того, чтобы он смог туда добраться, тело умершего помещают на корабль и сжигают вместе с кораблем.

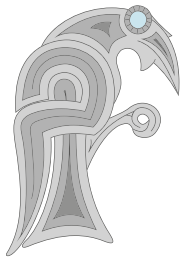
О том, что чертог Одина стоит за морем, также свидетельствует прозаический пролог к «Речам Гримнира», где речь идет о двух маленьких братьях: мальчики отправились рыбачить и попали в бурю; лодка их разбилась о берег, и там, на берегу, их подобрала Один и его жена Фригг, принявшие облик простых смертных, старика и старухи.

Свидетельство Саксона Грамматика переключается и со строфой 49 «Второй Песни о Хельги убийце Хундинга», в которой сказано, что погибшему герою Хельги предстоит ехать по «небесным мостам» (*vindhjals brúar*; вероятно, вариант Биврёста, радужного моста, известного по другим источникам); путь до Вальгаллы, расположенной к западу от этого моста, очень долг. Следовательно, Вальгалла находится где-то над западным океаном — с учетом того, что Хельги пускается в путь из Скандинавии.

Мотив путешествия в Вальгаллу через море, по-видимому, присутствует и в прозаическом тексте «О смерти Синфьётли», входящем в состав «Старшей Эдды»: некий таинственный лодочник берется перевезти тело героя Синфьётли через фьорд — и оба они тотчас исчезают. По всей вероятности, лодочник увозит его в Вальгаллу, потому что Синфьётли был великим героем и в стихотворении «Речи Эйрика» (X век) он упоминается как один из обитателей Вальгаллы [20]. Скьёдт полагает, что этот лодочник — «ипостась Одина, который забирает «домой», в Вальгаллу, одного из своих любимцев» [21].

Указание на то, что боги живут за морем, обнаруживается и в поздней «Саге о Гаутреке»: Старкад встречает Одина и остальных богов на одном из островов Хёрдаланда (Западная Норвегия). Примечательно, что на эту встречу Старкад отправляется на веслах не с материка, а с другого острова, на котором он дождался попутного ветра, — значит ли это, что обычный путь к богам лежит через море? Вспоминается эпизод из «Саги о йомсвикингах», в котором ярл Хакон отправляется на остров (Примсигнд или Примсигд), чтобы воззвать к своим богиням-покровительницам — Торгерд Невесте Хельги и ее сестре Ирпе — и принести им жертвы.

Кроме того, в нескольких случаях отмечается, что водная преграда отделяет великанов от богов, а люди в этих случаях обитают по ту же сторону воды, что и боги. В эддической «Песни о Харбарде» страна великанов отделена от мира богов и людей проливом, но в одном месте он

настолько узок, что можно перейти его по бревну, перекинутому через воду (строфа 56). В «Речах Вафтруднира» (строфы 15–16) и, вероятно, в мифе о путешествии Тора к великану Гейррёду, ту же функцию выполняет река. Древнескандинавский миф о корабле Нагльфар тоже подразумевает, что из мира великанов в мир богов (и людей?) можно добраться морем [22].

В некоторых источниках легендарные острова мертвых отождествляются с реальными островами. Остров, о котором пишет Прокопий, называется Бриттия — и это не что иное, как Британия. Изложенное у него поверье сохранялось на континенте до недавних времен; а островом мертвых считался один из островов у побережья Финистера (Бретань) или какой-то другой реальный остров в той же области [23]. В валлийской традиции прослеживаются связи между правителем острова блаженных (куда отправлялись после смерти избранные души) и островом Мэн [24]. В древнескандинавской традиции морской великан (бог) Эгир/Хлер ассоциировался с островом Лесё (Hlésey, «остров Хлера») в проливе Каттегат [25], а его жена Ран считалась правительницей королевства утопленников [26].

Жилища богов тоже соотносились с реальными островами. Пример тому — знаменитый рассказ Тацита о Нертус, богине, которой в эпоху Римской империи поклонялись в Северной Германии или в Южной Скандинавии: по словам Тацита, богиня живет в роще на некоем вполне реальном (и, по-видимому, необитаемом) острове посреди океана (in insula Oceani) [27].

Представления о Вальгалле как обители избранных мертвецов тесно связаны с образами заморской Страны Блаженных, подобной раю и населенной богами или волшебным народом. Такие образы известны из античной литературы, а в ирландских источниках, начиная с раннего Средневековья и далее, встречается множество рассказов об этой стране, лежащей где-то в водах западного океана, — стране, которая фигурирует под именами Тир-на-Ног, Тир-фо-Тун, Маг Мелл и так далее [28]. В средневековой Англии бытовали схожие легенды об Авалоне [29].

Свидетельства подобных представлений, отчасти приведенные выше, обнаруживаются и в средневековой Скандинавии: известно много указаний на то, что и жилище Одина, и места собраний богов, и страна великанов находятся за морем (или за рекой). Мотив, часто встречающийся в позднесредневековых скандинавских балладах, — герой привозит чудесную невесту с острова или из заморской страны, иногда населенной великанами (йотунами) или альвами. По-видимому, впервые этот мотив зафиксирован в рукописной версии датской баллады «Юный Свейдаль» (строфы 17–18), относящейся к XVI веку и известной во многих более поздних вариантах (также под названиями «Юный Свендаль» и в шведских версиях — «Герцог Сильвердаль», «Юный Сведендаль»). Не исключено, что упомянутый мотив восходит к дохристианской традиции, потому что сюжет «Юного Свейдаля» основан на древнескандинавских эддических песнях «Заклинания Гроа» (первая часть баллады) и «Речи Многомудрого» (заключительная часть), а по меньшей мере вторая из этих песней не уступает возрастом другим эддическим текстам [30]. Мотив путешествия за океан в поисках невесты обнаруживается и в саамской мифологической поэме «Сын солнца», восходящей, по-видимому, к средневековым и дохристианским корням [31].

В саамском и норвежском фольклоре ярко выражены представления о том, что страна волшебного народа (норв. hulderfolket, «сокрытый народ»; сев.-саам. mearraháldit «волшебный народ моря») — это, среди прочего, изобильная и счастливая земля за морем, путь к которой ведет через туманы или шторма [32]. В исландской и датской традициях фигурируют схожие острова, лежащие за стеной тумана [33]. Тот же мотив тумана встречается и в ирландских преданиях о стране Тир-на-Ног [34].

Я стараюсь показать, что вопрос не в том, идет ли речь об острове или о материке. Вопрос в другом: по ту сторону воды или по эту? С этой точки зрения священный остров можно рассматривать как один из вариантов, в которых проявляется более широкое понятие — «сверхъестественное место по ту сторону воды». Но при этом священные острова все же принадлежат земному миру и доступны для смертных. Следовательно, они занимают промежуточное положение, представляя собой пограничные, лиминальные места — идеальные точки контакта с потусторонним миром. К этому тезису я еще вернусь.

Потусторонние миры под водой

Первый вопрос: почему потусторонний мир помещается под водой? Одна из важных причин, несомненно, в том, что смерть мыслится как великая преграда; подобным же образом, как преграды, воспринимаются реки, озера и моря. Далее, смерть представляется как переход в некое иное место, которое мы не знаем (или знаем плохо). Соответственно, смерть подразумевает путешествие к новому местообитанию, а сопряженная с ней неизвестность естественным

образом наводит на мысль, что это путешествие будет трудным и полным препятствий — например, таких, как переправа через реки или моря. В более общем виде потусторонний мир можно определить как «нечто, выходящее за обычные для нас пределы досягаемости», и само это определение подразумевает препятствия. Но некоторые варианты верований нуждаются в дополнительных пояснениях: почему Иной мир может располагаться не только по ту сторону водной преграды, но и под водой?

В исландском фольклоре люди нередко попадают в мир альвов (эльфов, волшебного народа), нырнув в озеро, пруд или море [35]. Впервые этот мотив зафиксирован в XIII веке, в «Пряди о Торстейне Мощь Хуторов» [36], сочинитель которой, очевидно, заимствовал его из средневекового варианта позднейших сказок [37]. Схожие фольклорные мотивы встречаются по всей Северо-Западной Европе [38]. В кельтских средневековых источниках и более позднем фольклоре загробный мир или мир фейри может помещаться и на дне западного океана, и на дне озер, и на озерных или морских островах [39]. Так же обстоит дело и в славянском фольклоре: царство мертвых находится на дне моря или в некоем влажном нижнем мире, путь в который лежит через озеро [40]. В «Беовульфе» чудовищный Грендель и его мать живут на дне болота, и когда Беовульф, покончив с Гренделем, отправляется убить и его мать, ему приходится нырнуть в это болото, которое оказывается очень глубоким и описывается, фактически, как океан (1492–1494). В исландской «Саге о Греттире» великан живет в пещере за водопадом, и добраться туда можно только через озеро, в которое падает вода. В «Саге о Кетиле Лососе» тролльчиха уходит вброд в открытое море, чтобы попасть на trollaping, «тинг троллей» [41].

Жилища некоторых скандинавских богов тоже, по-видимому, находятся в море или на болотах: богиня Сага и Один вместе пируют в чертоге Сёкквабекк, что значит «погруженная скамья», и над головами у них плещутся волны [42], а жена Одина, Фригг, живет в чертоге Фенсалир, что значит «болотные палаты» [43]. И в Старшей, и в Младшей Эдде упоминается, что боги под предводительством Одина нередко пируют в доме великана Эгира — мужа Ран, повелительницы мира утопленников [44].

Южные саамы верили, что их умершие предки обитают внутри священных гор, которые назывались саайве или аймоэ. У северных саамов этим же словом (в форме сайва) обозначаются места жертвоприношений и священные озера, зачастую круглые, не имеющие притоков и, согласно поверьям, связанные вертикальным ходом с такими же озерами в нижнем мире [45]. Скорее всего, это и есть первоначальное значение, так как, по мнению большинства исследователей, саайве/сайва — заимствованное слово, восходящее к протоскандинавскому *saiwa-z, «море» [46]. Такая интерпретация согласуется и с тем, что нойды, саамские шаманы, при путешествиях в загробный мир чаще всего использовали рыбу как вместилище для своей души [47], и с тем, что сами эти путешествия назывались «нырками» [48]. Комплекс саайве/сайва позволяет предположить: в период бытования протоскандинавского языка (римский железный век) скандинавы верили, что предки обитают внутри подводной горы или такой горы, путь к которой лежит через воду. Это поверье, в свою очередь, может коррелировать со сведениями из гораздо более поздней исландской «Саги о людях с Песчаного берега»: утонувшего человека, Торстейна, видят сидящим в горе предков [49]. Такие горы в средневековой Исландии считались обителями мертвых, наподобие саамских саайве или аймоэ [50]. Нашим современникам это может показаться странным, но известно множество примеров того, что в один и тот же потусторонний мир (или в одно и то же место потустороннего мира) можно прийти разными путями и, в том числе, по суше — даже тогда, когда путь, казалось бы, лежит через воду.

Кроме того, примеры из исландских саг свидетельствуют о том, что утопленники не всегда отправлялись во владения Ран или не оставались в них навсегда. Последней версии, судя по всему, придерживался Эгиль Скаллаgrimссон — автор поэмы «Утрата сыновей» (X век), которую он сочинил в скорби по своему утонувшему сыну Бодвару. Эгиль утверждает, что Бодвара забрала Ран [51], но винит в гибели сына также и Одина [52] и, по-видимому, верит, что Бодвар теперь живет среди богов [53]. Если так, то прийти в обитель богов можно посредством вертикального движения через воду.

Этот же мотив обнаруживается и в двух сагах. Самый наглядный из всех примеров мы находим в «Саге об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце Берсерков» (XIV век): потерпев поражение в морской битве, герой Асмунд прыгает за борт, после чего сам Один пронзает его копьем. Корабль Асмунда уходит на дно, и в саге особо подчеркивается, что ни сам корабль, ни его груз найти не удалось. Упоминание о том, что Один пронзил Асмунда копьем, по-видимому, означает, что Асмунд был принят в число избранных воинов Одина [54], а в сочетании с прыжком за борт и исчезновением корабля этот мотив указывает, что Асмунд достиг загробного мира (чертога

Одина), пройдя через воду по вертикали. Весьма уместно и то, что это произошло неподалеку от острова Лесё (Хлёсей).

Вероятно, тот же мотив содержится в «Отрывке о древних конунгах» — сохранившемся фрагменте утраченной «Саги о Скьёльдунгах» (рубеж XII–XIII вв.). Легендарный шведский конунг Ивар Широкие Объятия, по преданию, завоевавший большую часть Северной Европы и умерший, предположительно, около 700 года, представлен в этой саге воспитанником некоего Хёрда (под этим именем, вероятно, скрывается сам Один [55]). Однажды, накануне очередного морского сражения, Хёрд оскорбляет уже состарившегося к тому времени Ивара и приглашает его померяться силами. Ивар в ярости прыгает за борт, а Хёрд тут же бросается в море со скалы — и оба пропадают бесследно. Этот эпизод тоже можно рассматривать как один из случаев, когда Один забирает своего избранника в Вальгаллу, — опять-таки, посредством прыжка в воду.

Не исключено, что схожие верования связывались и с озером Оденшён (Odensjön) в Скании (Южная Швеция), названном, по-видимому, в честь бога Одина (при условии, что этот топоним подлиннен [56]). Это озеро находится в кратерообразной впадине посреди плоской равнины, не имеет притоков и в старину считалось бездонным [57]. Иными словами, оно относится к тому же типу озер, что и саамские сайвы, и, более того, очень похоже на одну из них по всем параметрам, а именно — на озеро Пакасайво в Северной Финляндии. Поэтому есть основания предполагать, что Оденшён считалось одним из входов в обитель Одина.

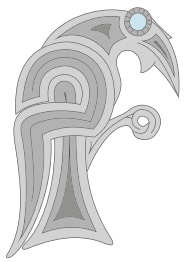
Обрядовая деятельность, связанная с ручьями, источниками, прудами, болотами и так далее, — еще один возможный признак веры в то, что достичь потустороннего мира можно через воду. Самые яркие тому свидетельства — жертвоприношения в подобных местах, совершавшиеся на протяжении тысячелетий [58]. По-видимому, жертвенные дары оставляли у водоемов потому, что вода ассоциировалась с переходом в мир богов, духов или потусторонних сил. Наскальные рисунки, по крайней мере в Северо-Западной Европе, тоже связаны с морем, водой, ручьями, болотами и так далее [59]. И это тоже может объясняться представлением о путешествии в потусторонний мир через воду.

Горизонтальные и вертикальные переходы, по-видимому, понимались как варианты одного и того же пути. Они нередко выступают как взаимозаменяемые в вариантах одних и тех же или схожих между собой сюжетов и, как правило, приводят в страну одного и того же типа. В одной саамской легенде в мир волшебного народа, скрытый на дне морском, ведет горизонтальный путь по морю: мальчик на лодке проходит через туманы и попадает в волшебную страну. Подняв голову, он видит, что с туманного «потолка» свешиваются рыболовные лески с крючками, — это люди наверху удят рыбу (заменяющую овец обитателям подводной страны). При этом в волшебном мире сухо, как на земле [60].

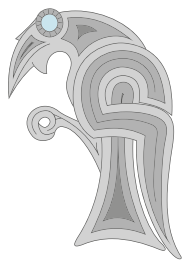
Тот факт, что вертикальные переходы функционально тождественны горизонтальным, подтверждается и тем, что с вертикальными переходами тоже часто ассоциируется туман. Саксон Грамматик (рубеж XII–XIII веков) повествует о том, как героя Хадинга однажды провели в подземный мир, похожий сразу на несколько скандинавских вариантов потустороннего мира. По дороге туда Хадинг проходит сквозь туман, а затем пересекает реку [61]. Схожий мотив обнаруживается в «Пряди о Торстейне Мошь Хуторов» (XIII век): чтобы попасть в страну альвов, герой ныряет в реку и, погружаясь на дно, проходит сквозь туман [62]. Тот же мотив характерен и для многочисленных исландских сказок начала XIX века о путешествиях в мир альвов [63]. При горизонтальных переходах по воде туман необходим: он скрывает местонахождение иномирного острова или страны. Ту же маскирующую функцию туман иногда выполняет и в сюжетах о путешествиях в потусторонний мир по суше [64]. Но в описаниях вертикального перехода никакой практической роли туман не играет. Единственное возможное объяснение заключается в том, что этот мотив заимствован из описаний горизонтальных переходов, а из этого следует, что вертикальные и горизонтальные переходы на самом деле представлялись как взаимозаменяемые.

Различия между потусторонними мирами

На этом месте у читателя может возникнуть возражение, сводящееся к тому, что я неправомерно упрощаю представления о потустороннем мире, игнорируя различия между разными его формами. Но в действительности я вовсе не утверждаю, что все эти формы одинаковы. Существенных различий между ними немало. Например, страны волшебного народа, эльфов, богов и так далее в фольклорных традициях обычно не изображаются как загробные миры — или, по крайней мере, это не главная их особенность. Но в контексте моего исследования это неважно: я рассматриваю только вопросы, связанные с водной преградой между земным миром и потусторонним, не принимая во внимание, к какому типу относится этот потусторонний мир.

79...

Несмотря на вышесказанное, в большинстве традиций не проводится четкого и строгого разграничения между загробным миром и другими потусторонними мирами. Яснее всего, пожалуй, это видно на примере ирландской традиции [65]. Здесь страна фейри (Тир-на-Ног и т.д.) и мир мертвых зачастую располагаются в одних и тех же местах и описываются схожим образом. Более того, избранные могут отправляться после смерти в мир фейри или в заморскую Страну Блаженных. Последнее, как мы видели, отчасти верно и для древнескандинавской традиции, где мир богов не воспринимается по преимуществу как загробный, но все же избранные воины и герои после смерти переходят в обители Одина или Фрейи. У южных саамов саайве/ааймоз отождествлялись с предками, но по описаниям эти предки мало чем отличаются от альвов или фейри [66]. То же самое относится к святым горам предков, культ которых бытовал в средневековой Исландии. Хольмберг (Харва) отмечает, что в финской традиции волшебный народ (*de underjordiska*, то есть «подземные жители») «очень тесно связан с душами мертвых» и что у финно-угорских народов России две эти группы во многих случаях тождественны [67].

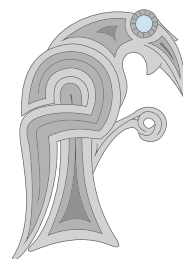
Отражения в воде и среда контактов с перевернутым потусторонним миром

Как можно объяснить вертикальный путь в потусторонний мир через воду? Этот вопрос — лишь часть другого, более масштабного: почему в большинстве традиций потусторонний мир помещается внизу, под земным? Нередко это объясняют тем, что большинство народов хоронят умерших в земле, в результате чего возникает представление о подземном потустороннем мире. Но вопрос о том, почему путь в этот подземный мир лежит через воду, остается без ответа. К тому же, как указывает Хольмберг (Харва) [68], это не объясняет, почему даже те народы, которые не предают умерших земле, помещают потусторонний мир под землей — как, например, сибирские эвенки, оставляющие мертвых на площадках высоко над землей и считающие, что хоронить их грешно. Кроме того, Хольмберг (Харва) отмечает, что в фольклоре и мифологии потусторонний мир располагается, как правило, вовсе не на той же глубине, на которой лежат умершие в могилах [69]. Он указывает, что во многих культурах потусторонний мир представляется перевернутым по отношению к нашему: верх там находится внизу, реки текут вспять, люди ходят задом наперед, все они левши, носят одежду шиворот-навыворот и так далее. Подобные представления, согласно Хольмбергу, встречаются почти по всей северной Евразии. В некоторых областях даже считалось, что солнце в Ином мире движется справа налево, а в Швеции (на острове Готланд), у саамов и ненцев (северо-западная часть России) — что обитатели потустороннего мира ходят вверх ногами, соединяясь при этом подошвами с людьми, живущими «по эту сторону». Хольмберг приходит к выводу, что представления о таком потустороннем мире возникли под влиянием зеркальных отражений, которые можно наблюдать в озерах и прудах в безветренные дни. Иной мир не просто перевернут вверх тормашками: правая и левая стороны в нем тоже меняются местами [70].

Хольмберг (Харва) опирался в своей работе на теории культурной эволюции, отвергнутые современными исследователями, но опыт соприкосновения с перевернутым миром, который можно наблюдать в отражении на воде, разделяют люди всех времен и народов, независимо ни от каких теорий и культур. Поэтому предложенное объяснение тоже не зависит от эволюционистских воззрений; более того, Карл Линней (на которого ссылается Хольмберг) выдвинул его еще в 1745 году, задолго до изобретения эволюционизма [71]. Лично я полагаю, что отрицать правоту Хольмберга (Харвы) довольно трудно: основной источник представлений о нижнем потустороннем мире — отражения в воде. Это представление старо как мир — но обновляется снова и снова с каждым новым поколением, наблюдающим эти отражения.

Гипотеза об отражениях в воде объясняет, среди прочего, веру в то, что нижний потусторонний мир находится под водой. Во многом она объясняет и более общее представление об Ином мире, расположенном по ту сторону вод, — даже в горизонтальной плоскости, потому что, как мы видели, вертикальные и горизонтальные переходы через воду во многих традициях взаимозаменяемы. Кроме того, опыт горизонтальных путешествий через реки, озера и моря ассоциируется с понятием смерти — так же, как и путешествие по суше в дальние края.

Если мы примем гипотезу об отражениях в воде, то придется предположить, что вода служит главной средой контактов с потусторонним миром. Так это или нет, судить нелегко, но, по крайней мере, подобные представления распространены достаточно широко по всему миру (как отмечали многие исследователи [72]): люди попадают в потусторонний мир, прыгнув в колодец, пруд, озеро, море или прорубь, а духи или обитатели Иного мира теми же путями проникают в земной мир. Однако не менее распространены представления и о том, что путь в Иной мир

лежит через расселины, пещеры, ямы и норы, ущелья, кратеры вулканов [73], двери, открывающиеся в скалах [74], или проходы внутри могил [75]. Верования того и другого типа обычно сосуществуют в одной и той же культуре; здесь можно усмотреть противоречие упомянутой гипотезе — но, на мой взгляд, никакого противоречия нет. Колодец — это тоже яма в земле, пусть и заполненная водой. Большое озеро или море воспринимаются иначе, но все же и это — потенциальные проходы под землю. Актуальными проходами они становятся тогда, когда в них ныряют, а в некоторых случаях путь в потусторонний мир через воду открывает водоворот [76] — тоже своего рода провал или даже вертикальный проход в воде. И, что еще более важно, даже в небольшой лужице, окруженной высокими деревьями или горами, можно «буквально» заглянуть в такой проход и увидеть всю глубину потустороннего мира (даже если сама лужица — всего в сантиметр глубиной). Для того, кто просто смотрит в озеро, проход не открывается, но все же создается впечатление, что мы заглядываем в потусторонний мир непосредственно; и сам этот мир, как правило, оказывается одинаковым, независимо от того, проникли в него через воду или сухим путем. Это не какая-нибудь страна рыб, водорослей и русалок — и именно поэтому я часто употребляю неуклюжие выражения, наподобие «потусторонний мир, достижимый путем вертикального перехода через воду», вместо того, чтобы сказать попросту «подводный мир». Все дело в том, что в отражении мы видим сушу — точно такую же, как та земля, на которой мы стоим, только перевернутую. Поэтому «Иной мир по ту сторону вод» — гораздо более точное описание, чем «подводный мир». И даже в случаях, когда островной потусторонний мир всплывает перед путешественником из морских волн, он оказывается совершенно сухим, как обычная земля. Из-за этого существенно сглаживаются различия между двумя вероятными (основными) источниками представлений о потустороннем мире — отражением в воде и могилкой, выкопанной в земле. Отражение в воде, так сказать, включает в себя землю.

Стоит отметить, что потусторонний мир существовал не только для людей, но и для богов — и боги попадали туда теми же путями, что и смертные. Скандинавский бог Бальдр после смерти перешел в ту же страну мертвых, что и большинство людей, и тем же путем, каким туда отправляли некоторых умерших, — на корабле. Бог Хермод, предпринявший путешествие в Хель, чтобы попытаться вернуть Бальдра, ехал таким же путем, каким, согласно традиции, движутся души умерших — вниз и через реку. Тор встретил великанш на острове Лесё, который, по-видимому, считался местом, где люди могут входить в контакт с потусторонним миром (см. ниже). Один ищет доступ к сверхъестественным силам через источник [77], и так далее. Одним словом, я не вижу здесь никакого противоречия.

Острова с «повышенной лиминальностью»

Независимо от того, примем ли мы гипотезу об отражениях в воде как источнике представлений о нижнем потустороннем мире, Иной мир по ту сторону вод, по-видимому, остается одинаковым, в каком бы направлении он ни находился — в горизонтальном или вертикальном. Судя по всему, вода в обоих случаях исполняет одну и ту же функцию преграды или границы; только это и важно. И это может пролить свет на некоторые особые разновидности островов. Как уже отмечалось, острова в целом — естественные области контактов с Иным миром, потому что они, в известном смысле, располагаются «по ту сторону», оставаясь при этом элементами посюстороннего мира. Но некоторые острова отличаются, так сказать, повышенной лиминальностью.

Иногда лиминальность усиливается за счет других обстоятельств. Например, на некоторых островах имеются выходы в потусторонний мир — в пещерах, ущельях и т.п. Пример тому — остров Гудфьеллёя на озере Тунншёэн в Трёнделаге (Центральная Норвегия); южные саамы знали его под названием «Тьоэкере» [78]. Этот остров представляет собой гору, разделенную надвое узкой глубокой расселиной на вершине; в прошлом верили, что разлом проходит через всю гору насквозь, до самого дна озера (на 400 метров в глубину) [79]. Саамы почитали этот остров как священный и совершали жертвоприношения в расселине, жертвуя северных оленей богу острова. Еще один пример — островок на озере Инари (Эйджих — на инари-саамском, Уконсаари — на финском [80]) в Финской Лапландии: на нем имеется жертвенная пещера [81]. Преданий о том, что расселина и пещера в этих случаях считались выходами в потусторонний мир, я не знаю, но резонно предположить, что так оно и было, поскольку в этих местах оставляли жертвы.

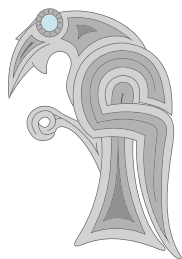
Другие подобные традиции известны в Эстонии [82] и Ирландии [83]: посреди моря/озера/болота находится остров, а на острове — пещера или иное отверстие в земле, которое и служит проходом в потусторонний мир. Тот же мотив присутствует и в исландской «Саге о Барде Асе Снежной Горы» (XIV век), хотя в этом случае потусторонний мир оказывается всего лишь

81...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

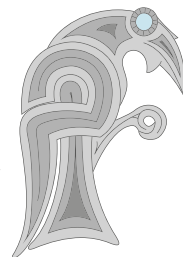
загробным жилищем злого конунга Ракнара и его дружины. Схожие верования могли связываться с островами в регионе Сальтен (Северная Норвегия), которые на древнескандинавском языке назывались Годейяр («острова богов»). На них стояло несколько больших могильных курганов, а в эпоху христианизации эта местность оставалась одним из главных оплотов язычества в Северной Норвегии [84]. Между этими островами проходит Сальстраумен — самое большое приливно-отливное течение в мире. Но почему острова Годейяр были посвящены богам, и почему языческий культ на них был столь силен? Возможно, потому, что они ассоциировались с водоротами как проходами в потусторонний мир. Но, возможно, здесь сыграло роль и само их островное положение, как и в других случаях. Любой проход в потусторонний мир — это лиминальное место, а если он вдобавок находится на острове или поблизости от него, лиминальность удваивается.

Другой тип островов, наделенных особым статусом, связан с повышенной лиминальностью самого острова. Можно выделить две разновидности таких островов: первая — остров, до которого можно добраться пешком, а вторая — остров, временами уходящий под воду, а временами показывающийся над водой. Об островах первого рода пишет Манкер в своей книге о священных (жертвенных) местах саамов [85]. Он отмечает, что на удивление многие священные островки отделены от материка такими мелкими проливами, что до них можно дойти вброд. Я бы добавил, что к некоторым таким островкам ведут подводные хребты. Можно было бы подумать, что эти островки выбирались именно потому, что лежали в пределах досягаемости: на них можно было попасть без лодки. Но, во-первых, еще проще было бы выбрать какое-нибудь место на большой земле, а во-вторых, имеются недвусмысленные свидетельства (от 1727 года и более поздние) того, что предпочтение, наоборот, отдавалось труднодоступным местам [86]. Возможное объяснение заключается в том, что острова, доступные пешеходу, воспринимались как «в высшей степени лиминальные», занимающие промежуточное положение во всех смыслах. Они окружены водой, как и положено островам, но при этом находятся в пешей доступности, а значит, принадлежат к большой земле. Из-за этой двойственности они могли восприниматься как места, расположенные на самой границе между мирами, а значит, лучше всего подходящие для контактов с потусторонним миром.

Все примеры, которые приводит Манкер, относятся к озерным островам. В результате послеледникового поднятия береговая линия Скандинавии существенно изменилась с дохристианских времен, поэтому идентифицировать упоминаемые в древних источниках острова в большинстве случаев непросто. Но одним из возможных примеров может служить Хелигён, «священный остров» у юго-восточного побережья Готланда, потому что здесь послеледниковое поднятие было совсем незначительным. Поперек пролива, отделяющего Хелигён от основного массива суши, тянется «мост» в виде длинной отмели — песчаного подводного хребта (норв. val, от др.-сканд. vaðill). В прошлом такой же подводный хребет, возможно, соединял с материком «священный остров» Хельгё на озере Хельгашён в Смоланде (Южная Швеция). Хильтен-Каваллиус упоминает его как «каменный мост или брод», прозываемый «Святым мостом» [87]. Так что же — мост или брод? Возможно, именно брод, то есть подводный хребет, а слово «мост» Хильтен-Каваллиус употребил лишь из-за расхожего названия. Еще один потенциальный пример — Хельгёйа, «священный остров» (др.-сканд. Eyin Helga) на озере Мьёса (Восточная Норвегия), крупнейшем озере страны. По-видимому, ферма Хофвин (др.-сканд., совр. Ховинсхольм) на этом острове в дохристианские времена была религиозным центром: ее название означает «поле у святилища». Ферма расположена на южной оконечности острова напротив еще одного островка (под названием Хольмен, собственно «островок»), который, похоже, обладал особым статусом в дохристианский период; на нем сохранились по крайней мере один крупный могильный холм (35 м в диаметре, 6 м высотой) и остатки оборонительной конструкции. От острова Хельгёйа он отделен проливом, через который в весенние месяцы нередко можно переправиться вброд.

Многие из таких островов, отделенных мелководными проливами, можно объединить в подтип: острова, которые становятся досягаемыми для пешехода лишь иногда: в определенное время года (Хольмен у побережья Хельгёйа, Хельгё в Смоланде?), в периоды антициклонов (Хелигён у побережья Готланда?) или во время отлива. (На Балтийском море нет приливов и отливов, но под влиянием ветра и перемен атмосферного давления возникают значительные флуктуации.)

Пример острова, до которого можно добраться вброд при отливе, встречается в «Саге о Барде Асе Снежной Горы». Героя Геста с его людьми посылают из Трондхейма (Норвегия) убить чудовищного живого мертвеца, который обитает в могильном кургане в окрестностях Хеллуланда

(вероятно, древнее название острова Баффинова Земля в арктической части Канады). Уже на месте обнаруживается, что курган стоит на островке, к которому ведет узкий хребет (риф), показывающийся из-под воды только при отливе. Гест и его люди пробивают ход в курган, и Геста спускают внутрь на веревке. Там он убивает могильного жителя, но люди не могут вернуться на большую землю: поднимается буря, и риф скрывается из виду в бушующих волнах. Тут на сцену выходит священник, участвующий в походе: он заставляя море расступиться (уже не в первый раз на протяжении саги) и спасает своих спутников.

Расположение этого входа в потусторонний мир представляется лиминальным в двух отношениях: он находится на краю света (в самой отдаленной точке известного мира) и на островке, лишь временами доступном вброд. Морская буря, отрезающая путь на материк, по всей видимости, представляется как гнев потусторонних сил, что лишним раз подтверждает общую интерпретацию: островок расположен прямо на границе между мирами и может переходить с «этой стороны» на «ту» и обратно не только в топографическом смысле, но и в отношении властвующих над ним сил. Можно было бы возразить, что ценность этой саги как источника невысока: она была сложена поздно, содержит много фантастических элементов и испытала сильное влияние христианства (важные роли в ней отведены священнику и королю Олаву Святому). Однако мотив, о котором идет речь, не имеет отношения к христианству: по всей вероятности, он относится к дохристианской традиции, хотя и переосмыслен в христианском контексте [88].

Не исключено, что могильные курганы, окруженные рвами, тоже следует понимать как подобные островки с повышенной лиминальностью. Во многих случаях ров заполнялся водой во время сильных ливней и/или весеннего таяния снегов, а в сухие сезоны вода из него, как правило, уходила. Поэтому такие конструкции тоже могли восприниматься как символически переходящие «туда и обратно» между мирами.

Еще один тип островов с повышенной лиминальностью — участки суши, время от времени полностью скрывающиеся под водой. Так обстоит дело со многими священными «островками» (местами жертвоприношений) на озерах в Стране саамов — по существу, это просто большие камни, уходящие под воду при половодье. Особый статус этих мест тоже, по-видимому, проистекает из их подчеркнутой лиминальности. Такие островки «лиминальнее» обычных: иногда они скрываются под водой и переходят в потусторонний мир полностью, а иногда показываются вновь и становятся достигаемыми. Здесь можно провести параллель с тем обстоятельством, что на скальные рисунки нередко располагались в таких местах, где их скрывают от глаз проточная вода, морские волны или приливы [89] (таковы, например, на скальные изображения на берегах Онежского озера, не испытавших послеледникового поднятия). У северных саамов островки-камни зачастую считались жилищами халдитов (*háldit*, волшебного народа, эльфов) [90]. Им сродни морские острова, населенные волшебным народом: хульдрами (*hulderfolket*) в норвежском фольклоре, морскими халдитами (*mearraháldit*) — в саамском. Самые знаменитые из таких легендарных островов в норвежской традиции — Утрёст и Сандфлеса [91]. Оба они, как и большинство других им подобных, находятся в открытом море, но некоторые расположены у берегов или даже во фьордах [92]. Большую часть времени они скрыты под волнами, но иногда поднимаются над водой и становятся видны, или же их случайно находят рыбаки, пройдя через туман или шторм. Некоторые — немногие — из таких островов существуют в действительности, но большинство — лишь в народном воображении. С этими норвежскими легендами схожи некоторые вариации ирландских преданий о Тир-на-Ногге и так далее. Во всех подобных легендах мы снова наблюдаем, как здешний и потусторонний миры встречаются друг с другом на островах, лиминальность которых подчеркнута тем, что сама поверхность воды вокруг них периодически переходит с «этой» стороны на «ту» и обратно. Один из вероятных ранних примеров таких легенд встречается в прологе к «Саге о гутах» [93].

Далекie острова

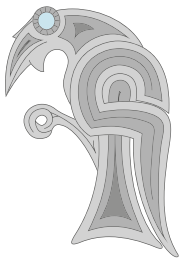
Острова наподобие Утрёста типологически близки таким островам, которые не погружаются под воду, но, как и он, располагаются вдали от крупных массивов суши. Хорошие тому примеры — острова Лесё (др.-сканд. Хлёсей) между Ютландией и Швецией и Самсё (др.-сканд. Самсей) между Ютландией и Зеландией. С экономической точки зрения значимость их была невелика, но в древнескандинавской поэзии [94] и сагах о древних временах [95] им отводится важное место. (Впрочем, Самсей был достаточно важен стратегически.) Согласно эддическим песням «Перебранка Локи» и «Песнь о Харбарде», эти острова посещали боги Тор и Один, а с островом Хлёсей ассоциировался великан Эгир/Хлер. Это примечательно, поскольку география мифологического мира отличается от земной: боги и великаны обычно не странствуют

83...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

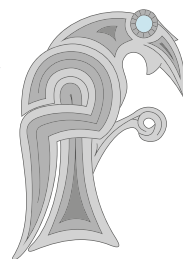

по миру смертных, но острова Лесё и Самсё — явное исключение из правила. Следовательно, они воспринимались как места, где обычный человеческий мир встречается с мифологическим. По-видимому, именно так относился к острову Лесё и Снорри: в обрамляющем повествовании «Языка поэзии» боги, великаны и альвы собираются на пир на острове Лесё. Две саги о древних временах тоже содержат свидетельства того, что Лесё считался местом встречи различных миров. В «Саге о Хрольве Пешеходе» приводится фантастический рассказ о берсерке Гримере, который вырос на острове Лесё; полагали, что его мать была морской тролльшей (sjóúgr), а самого его младенцем нашли в море рядом с вехой, отмечающей границу прилива (возможно, она тоже считалась границей между мирами?) Морское сражение, упомянутое в «Саге об Эгиле Одноруком», — еще один пример того, что Один мог переходить в мир людей на острове Хлэсей. В «Саге о Хервёре и Хейдрекке» на острове Самсей происходит иного рода встреча с потусторонним миром — так называемый хаугброт (haugbrot), «ограбление могильного кургана». Хаугброты часто описываются в древнескандинавских источниках, особенно в сагах о древних временах [96], но эпизод из «Саге о Хервёре...» уникален в том отношении, что могильные жители не сопротивляются, а, наоборот, помогают герою — точнее, героине: они — ее предки, и курган раскрывается перед ней добровольно (его не приходится раскапывать). Согласно «Саге о Рагнаре Меховые Штаны», в языческие времена на острове Самсё было святилище с деревянным идолом.

Мотив отдаленного острова как места встречи с потусторонним миром обнаруживается также в «Саге о Кетиле Лососе»: герой в одиночку и не в сезон отправляется рыбачить на остров Скрова (Северная Норвегия), расположенный таким же образом, как Лесё и Самсё: между материком и Лофотенским архипелагом, но довольно далеко от них обоих. Здесь он встречает женщину-тролля, которая рассказывает ему о событиях в мире троллей. Такой же, по существу, мотив широко распространен в норвежском и саамском фольклоре: герой сталкивается с кем-либо из волшебного народа, посещая изолированный остров не в сезон для сезонной рыбалки [97]. Тот же мотив встречается и в исландском фольклоре, где он связан с островом Селей у восточного побережья Исландии, недалеко от залива Рейдарфьордюр [98]. Эти случаи схожи с вышеприведенными, в которых встречи с богами и другими иномирными существами происходят на островах, хотя в последних примерах острова или места встречи не всегда труднодоступны в силу удаленности.

Возвращаясь к островам типа Лесё и Самсё, можно сказать, что их лиминальность подчеркивается сочетанием островного мотива с мотивом удаленности от материка. Лесё находится далеко в открытом море, так же как и ирландский Тир-на-Ног в большинстве сказаний. Норвежские острова волшебного народа тоже, как правило, располагаются далеко от берега, а в названиях многих из них входят префиксы Ut-, Ytter— или Aud— — «Внешний» или «Безлюдный»: Утрёст (Ut-Røst), Иттер-Склинна (Ytter-Sklinna), Эудер (Audvær) и т.д. [99]. Самсё формально находится не в открытом море, но на практике это небольшой остров, расположенный достаточно далеко и от побережья Ютландии, и от всех более крупных островов в его окрестностях.

Мотив встречи с волшебным народом (или иными обитателями потустороннего мира) на отдаленном острове, посещенном не в сезон, эквивалентен мотиву несвоевременного посещения летнего дома в горах (по крайней мере, в скандинавском фольклоре) [100]. Как можно объяснить такой параллелизм? Этот вопрос — часть другого вопроса, более масштабного: почему удаленность подразумевает лиминальность? Снова и снова мы сталкиваемся с примерами того, что для перехода в потусторонний мир требуется либо далекое путешествие по горизонтали, либо короткий прыжок по вертикали через какой-нибудь близлежащий вход [101]. На первый взгляд, эти способы представляются совершенно разными, но, возможно, между ними больше общего, чем кажется. Потусторонний мир лежит за пределами доступных для нас (обычным путем) областей. По горизонтали мы можем переместиться достаточно далеко, поэтому для того, чтобы достичь потустороннего мира, приходится двигаться долго, особенно если физическая удаленность — единственная преграда между этим миром и тем. Но при движении вниз по вертикали нам доступны лишь очень короткие перемещения. Поэтому даже в случаях, когда вертикальные проходы в потусторонний мир находятся в обжитом пространстве — например, прямо посреди двора (в колодце, в могильном холме), — относительное расстояние между мирами все равно оказывается огромным. Но и в том, и в другом случае суть в том, чтобы выйти за пределы той территории, которая нам доступна в обычных условиях. И острова, предназначенные для сезонной рыбалки, и летние дома в горах отмечают дальние рубежи территории, освоенной людьми. А поскольку потусторонний мир можно определить как «мир за (известными человеку) пределами», такие места характеризуются лиминальностью: они расположены на границе. В дохристианской Финляндии все места, которые считались «пюхя» (pyhä), т.е. «священными»,

были в то же время и веками, отмечающими границы [102]. Такие места могли даже переходить с этой стороны на ту и обратно в течение года: с окончанием сезона люди покидали их, на смену людям приходил волшебный народ или иные потусторонние силы, а на следующий год люди возвращались вновь. Иными словами, эти места периодически «погружались», подобно некоторым разновидностям островов с «повышенной лиминальностью».

Острова, предназначенные для сезонной рыбалки, — такие как Лесё, Скрова и другие, — лиминальны и как, собственно, острова, и как места, удаленные от постоянного человеческого жилья. Вдобавок, эти острова становились обитаемыми лишь время от времени, переходя в течение года из земного мира в потусторонний и обратно. Вероятно, именно этим объясняются поверья, связанные с островами наподобие Хельгё(на), «священного острова» (в наши дни более известного под названием Стурьонгфрун) у побережья Хельсингленда (Северная Швеция). Бринк отмечает, что этот остров лежит далеко от берега, и предполагает, что когда-то он почитался как место контактов с богами и/или как жилище предков [103]. Мне это кажется вполне правдоподобным, и я хотел бы добавить, что в прошлом Хельгё(н) становился обитаемым лишь периодически, в рыболовный сезон. Что касается предков, то, если Бринк прав, Стурьонгфрун можно поставить в один ряд с островами у побережья Финистера, островом Мэн, островом Британия и Лесё, которые тоже ассоциировались с мертвыми и загробным миром. Возможно, обителями предков считались и другие острова, удаленные от побережий, хотя свидетельства этого до нас не дошло. Так могло обстоять дело со многими островами, предстающими в фольклоре как жилища волшебного народа или потусторонних сил вообще, — такими, как Блю-Юнгфрун в проливе Кальмарзунд (Юго-Восточная Швеция) или остров Селей, лежащий в открытом море у восточного побережья Исландии.

Несколько слов в заключение

Я не хочу сказать, что местонахождение «по ту сторону вод» — единственно возможное или даже достаточное условие лиминальности. Вовсе нет; но необходимое качество любого священного места — инаковость [104]. Нахождение по ту сторону вод — не единственно возможное основание для инаковости, а в областях, изобилующих островами, — даже и недостаточное. В последнем случае, наоборот, место должно как-то отличаться от островов, чтобы его стали воспринимать как священное.

В этой статье я собрал примеры и свидетельства того, что переход через воду — горизонтальный или вертикальный — считался одной из возможных дорог к скандинавским богам, в особенности к Одину. До сих пор никто еще не отмечал этого со всей определенностью, особенно в том, что касается вертикального перехода. Возможно, дело здесь в том, что в «Видении Гюльви» указаний на такие переходы не встречается и что сама идея вертикального перемещения в мир богов через воду противоречит той версии скандинавской космологии, которая представлена у Снорри. Но это возражение трудно принять всерьез, потому что внутренние противоречия во взглядах на устройство мира типичны и для сочинений Снорри, и для всего корпуса древнескандинавских источников в целом — как показывают Бринк, Веллендорф и другие исследователи [105]. Более того, есть основания полагать, что Снорри испытал влияние христианской картины мира, потому что богов он помещает, главным образом, на небесах. Правда, имеются ясные указания на то, что представление о небе как обители богов было известно и в дохристианскую эпоху. Но, так или иначе, нельзя исключать, что противоречие между описаниями, в которых боги и потусторонний мир помещаются под землей, под или за водой, на небесах и так далее, — только кажущееся. В бесчисленном множестве сюжетов, скандинавских и не только, герой попадает в один и тот же потусторонний мир независимо от того, каким путем он туда приходит. А если способы перехода не влияют на конечную цель пути, то упомянутого противоречия действительно можно избежать. Этот вопрос я намереваюсь рассмотреть в отдельной статье.

Примечания

1 Uno Holmberg [Harva], «Vänster hand och motsols». // Rig 1925:23–36. В 1927 или 1928 году Уно Хольмберг сменил фамилию на Харва, под которой стал известен шире, чем под первоначальной.

2 Eldar Heide, «Gand, seid og åndevind», Dr. art. thesis (University of Bergen, 2006), 8.

3 О проблеме поздних свидетельств см.: Eldar Heide, «More inroads to pre-Christian notions, after all? The potential of late evidence». // Preprint Papers of The 14th International Saga Conference, Uppsala, 9th–15th August, 2009; online at <http://www.saga.nordiska.uu.se/>.

4 Edda Snorra Sturlusonar. Copenhagen: Gyldendal, 1931, 11, 66; Rudolf Simek (ed.), Dictionary of

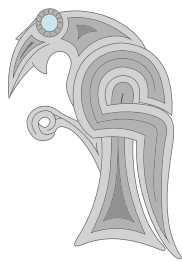
85...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37

2022

Northern Mythology, trans. Angela Hall. Cambridge: D.S. Brewer, 1993, 137; Birgisson Bergsveinn, «Hel. Heimildagildi dróttkvæðra kenninga um fornt hugarfar». Cand. philol-verkefni í norrænum fræðum. University of Bergen, 2001.

5 «Говорят, что в это место [на остров Бриттию, т.е. Британию] собираются души умерших. <...> На берегу океана, обращенном к острову Бриттии, находится много деревень. В них живут люди, занимающиеся рыбной ловлей, обработкой земли и плавающие на этот остров по торговым делам. Они все подчинены франкам, но никогда не платили им никакой дани, издревле освобожденные от этой тяготы, как говорят, за некую услугу, о которой я сейчас расскажу. Местные жители говорят, что на них возложена обязанность по очереди перевозить души умерших. Те, кому в наступающую ночь по порядку предстоит [идти] в наряд, как только начинает смеркаться, уйдя к себе домой, ложатся спать, ожидая того, кто позовет их на работу. Глубокой ночью они слышат стук в двери, и чей-то глухой голос зовет их на эту работу. Они без всякого промедления поднимаются с ложа и идут на берег, не соображая, какая сила толкает их так действовать, но тем не менее ощущая необходимость так делать. Там они видят уже готовые корабли, но совершенно без людей, при этом корабли не их, а совершенно другие. Взойдя на них, они берутся за весла и чувствуют, как эти корабли перегружены массой взошедших на них, так что они осели в воду до края палубы и до самых уключин, поднимаясь над водой на какой-нибудь палец; видеть же они никого не видят. Таким образом они гребут целый час и пристают к Бриттии. Когда же они плывут на своих кораблях тоже без парусов, на одних веслах, они с трудом за сутки совершают этот переезд. Когда они пристанут к острову, тотчас же происходит высадка, и тотчас эти корабли у них становятся легкими и, поднявшись над волнами, сидят в воде только до киля. Из людей они не видят никого ни тогда, когда плывут с ними, ни тогда, когда они высаживаются с корабля, но они говорят, что слышат какой-то голос, который, как кажется, называет принимающим эти души по имени каждого из тех, которые плыли вместе с ними, прибавляя указание на прежние их должности, которые они имели, и называя также их отчество. Если случится, что с ними плывут и женщины, то произносятся и имена мужей, с которыми они жили. Вот что, местные жители говорят, происходит здесь» (Прокопий Кесарийский, «Война с готами», IV.20, пер. С. Кондратьева).

6 «Видение Гюльви», 49.

7 Jens Peter Schjødt, «The Ship in Old Norse Mythology and Religion». // *The Ship as Symbol in Prehistoric and Medieval Scandinavia. Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 5th–7th May 1994*, ed. Ole Crumlin-Pedersen and Birgitte Munch Thye. Copenhagen: National Museum of Denmark, Department of Archaeology and Early History, 1995, 23.

8 H.M. Smyser, «Ibn Fadlan's Account of the Rus with Some Commentary and Some Allusions to Beowulf». // *Franciplegius. Medieval and Linguistic Studies in Honor of Francis Peabody Magoun*, ed. Jess B. Bessinger jr. and Robert P. Creed. New York: New York Press, 1965, 92–119.

9 См., напр., H.R. Ellis Davidson, *The Road to Hel. A Study of the Conception of the Dead in Old Norse Literature*. London: Cambridge University Press, 1943, 16–18, 39–41; Crumlin-Pedersen and Munch Thye (ed.), *The Ship as Symbol in Prehistoric and Medieval Scandinavia*; Anna-Leena Siikala, *Mythic Images and Shamanism. A Perspective on Kalevala Poetry*, FF communications 280. Helsinki: Suomalainen tiedeakatemia, 2002, 139–141.

10 Børge Evensen, «Gravholmer. Gravlokalisering og samfunn i jernalder i Vesterålen». // *Hovedfagsavhandling i arkeologi*, Institutt for arkeologi. University of Tromsø, 2003.

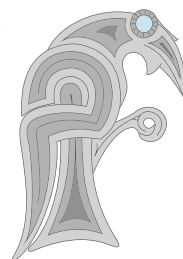
11 Julie Lund, «Thresholds and Passages: The Meanings of Bridges in the Viking Age and Early Middle Ages». // *Viking and Medieval Scandinavia* 1, 2005, 118–119; eadem «Åsted og vadested. Deponeringer, genstandsbiografier og rumlig strukturering som kilde til vikingetidens kognitive landskaber». // *Acta humaniora* 389, Doktoravhandling i arkeologi. University of Oslo, 2009, 127–129, 256–258.

12 Bjørn Myhre, «Undersøkelser av storhauger på Borre i Vestfold». // *Halvdanshaugen. Arkeologi, historie og naturvitenskap*, ed. Jan Henning Larsen and Perry Rolfsen, Universitetets kulturhistoriske museer, Skrifter 3. Oslo: Universitetets kulturhistoriske museer, 2004, 203–226; Lund, «Åsted og vadested. Deponeringer», 256–258.

13 Helge Irgens Høeg, «Pollenanalytiske undersøkelser av prøver fra Borre». // *Halvdanshaugen. Arkeologi, historie og naturvitenskap*, ed. Jan Henning Larsen and Perry Rolfsen, Universitetets kulturhistoriske museer, Skrifter 3. Oslo: Universitetets kulturhistoriske museer, 2004, 235.

14 Myhre, «Undersøkelser av storhauger», 203–226.

15 Ibidem, 203; Lund, «Åsted og vadested. 2009», 257.

16 Andreas Nordberg, «Krigarna i Odins sal. Dödsföreställningar och krigarkult i fornnordisk religion». // Akademisk avhandling för filosofie doktorsexamen. University of Stockholm, 2003, 73–75.

17 «...там золотом пышно / Вальгалла блещет; / там Хрофт собирает / воинов храбрых, / убитых в бою» («Речи Гримнира», 8, здесь и далее цит. в пер. А. Корсуна); «Фолькванг — девятый, / там Фрейя решает, / где сядут герои; / поровну воинов, / в битвах погибших, с Одним делит» («Речи Гримнира», 14).

18 В строфе 21 «Речей Гримнира» — «Тунд шумит, / Тьодвитнира рыба / играет в стремнине; / поток нелегко / вброд перейти / тем, кто в битве убит», — содержится намек на то, что путь в Вальгаллу лежал через реку, но однозначной интерпретации эта строфа не поддается. См.: Nordberg, «Krigarna» 223–225.

19 «Испуганный Хадинг, чрезвычайно пораженный всем произошедшим с ним за время этого путешествия, через дыры в плаще, которым он укрывался, заметил, что под копытами коня — море, и тогда старик [Один] велел ему не смотреть на то, что видеть ему было не позволено, и «тот отвел свой полный изумления взор от созерцания этого вселяющего в него ужас пути» («Деяния данов», I.1.6.9, здесь и далее цит. в пер. А. Досаева).

20 Jónsson Finnur, Den Norsk-islandske skjaldedigtning, 4 vols. Copenhagen: Gyldendal, 1912–1915; reprint Copenhagen: Rosenkilde og Bagger, 1967–1973, vol. B I, 165.

21 Schjødt, «The Ship» 23.

22 «Видение Гюльви», 51; «Прорицание вёльвы», 50; ср.: Schjødt, «The Ship» 23.

23 Theo Brown, The Fate of the Dead. A Study in Folk-eschatology in the West Country after the Reformation. Ipswich: Brewer for The Folklore Society, 1979, 63–65.

24 Jan de Vries, Keltische Religion, Die Religionen der Menschheit 18. Stuttgart: Kohlhammer, 1961, 87.

25 Simek, Dictionary of Northern Mythology, 151; «Язык поэзии», 1. Корень Hléс в названии Hlésey — родительный падеж имени Hlér.

26 Helge Rosén, Om dödsrike och dödsbruk i fornnordisk religion. Doktorsavhandling, University of Lund. Lund: Gleerup, 1918, 16–18; Simek, Dictionary of Northern Mythology, 260.

27 Тацит, «О происхождении германцев...», 40.

28 de Vries, Keltische Religion, 87, 257–259; Jan E. Byberg, «Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon. Ei motivgransking». 2 vols., Hovudfagsoppgåve i nordisk. University of Bergen, 1970, 176–178, 200–202; James MacKillop, Dictionary of Celtic Mythology. Oxford: Oxford University Press, 1998, 405–406; John Carey, «The Location of the Otherworld in Irish Tradition». // The Otherworld Voyage in Early Irish Literature. An Anthology of Criticism, ed. Jonathan M. Wooding. Dublin: Four Courts Press, 2000, 113–119.

29 McKillop, Dictionary of Celtic Mythology, 29.

30 Распространенное мнение о том, что «Заклинания Гроа» и «Речи Многомудрого» представляют собой фрагменты утраченной песни «Речи Свидгага», соответствующей по сюжету балладе в целом, все же приходится отвергнуть: это, очевидным образом, две независимые поэмы в своем праве (Eldar Heide, «Fjølsvinnsmål. Ei oversett nøkkelkjelde til nordisk mytolog», неопубликованная магистерская диссертация по древнескандинавской филологии, Университет Осло, 1997). Однако не исключено, что они составляли часть некоего более обширного повествования; ср.: теорию Кэрол Дж. Кловвер (Carol J. Clover, «The Long Prose Form». // Arkiv för nordisk filologi 101, 1986, 10–39) о независимых «прядах» (þættir), в совокупности составляющих имманентную сагу.

31 Eldar Heide, «Menneskesjela som vind i den samiske folkevisa Solsonen / Biejjen baernie / Beaiivi bárdni». // Svenska landsmål och svenskt folkliv, 2007, 67–103. Ср.: Harald Gaski, Biejjen baernie. Beaiivi bárdni. Sámi Son of the Sun. Kárášjohka: Davvi Girji, 2003.

32 См., напр.: O. Nicolaissen, Sagn og eventyr fra Nordland, 2 vols. Kristiania: Mallings, 1879–1887, I, 19; Reidar Th. Christiansen, «Litt om nordlandsk folketradition». // Håloygminne 1, 1920, 12–26; Just Qvigstad, Lappiske eventyr og sagn. 4 vols., Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Serie B: Skrifter. 3, 10, 12, 15, vol. I: Lappiske eventyr og sagn fra Varanger, vol. II: Lappiske eventyr og sagn fra Troms og Finnmark, vol. III: Lappiske eventyr og sagn fra Lyngen I; vol. IV: Lappiske eventyr og sagn fra Lyngen II og fra Nordland. Oslo: Aschehoug, 1927–1929, II, 433, 439–441, IV, 170–175; Finn Myrvang, Huh-tetta. Folkeminne ifrå Andøya, Norsk folkeminnelags skrifter 91. Oslo: Universitetsforlaget, 1964, 42–44; Byberg, «Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon», 38–40, 149, 161–163; Olav Bø, Trollmakter og godvette. Overnaturlige vesen i norsk folketru. Oslo: Det Norske Samlaget, 1987, 57.

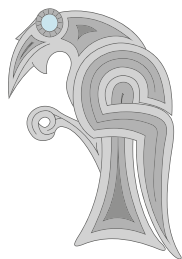
33 Jón Árnason, Íslenzkar þjóðsögur og ævintýri. Nýtt safn, 6 vols. Árni Böðvarsson og Bjarni Vilhjálmsson

87...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№ 37
2022

önnuðust útgáfuna Reykjavík: Bókaútgáfan Þjóðsaga, 1958–1961 (1862–1864), II, 300, 318–319, 321, 333, 339, 371, 419; IV, 484, 494, 512, 538, 575, 594, 614, 622.

34 Howard Rollin Patch, *The Other World According to Descriptions in Medieval Literature*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950, 45; Byberg, «*Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon*», 179–181, 193.

35 Árnason, *Íslenzkar þjóðsögur*, I, 101–103; III, 162–164.

36 «Они приехали к широкой реке и нырнули в нее, и больше всего это было похоже, словно они идут сквозь дым. Потом перед их глазами просветлело, и они пришли туда, где река ниспадала со скалы. Торстейн увидел там великое поселение и большой замок. Они направились к замку, и там за столами сидели люди. Они вошли в палату, и палата была полна народу, и пили там не иначе как из серебряных кубков. На полу стоял стол. Все там казалось им золотым, и не пили там ничего, кроме вина. Тут Торстейн понял, что никто их не видит. Спутник его ходил вдоль столов и хватал все, что падало вниз. На высоком сидении там сидели конунг и королева. Люди в палате очень веселились» («*Прядь о Торстейне Мощь Хуторов*», 2, пер. Т. Ермолаева).

37 Heide, «*Gand, seid og åndevind*» 32, 222–224.

38 Hans Siuts, *Jenseitsmotive im deutschen Volksmärchen*, Teutonia. Arbeiten zur germanischen Philologie 19. Leipzig: Eduard Avenarius, 1911, 50–52, 243–245 (немецкий фольклор); R. Hünnerkopf, «*Brunnen*». // *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens*, ed. E. Hoffmann-Krayer and Hanns Bächtold-Stäubli. Berlin: de Gruyter, 1927, col. 1677 (немецкий фольклор); Theo Brown, «*West Country Entrances to the Underworld*». // *The Journey to the Other World Mistletoe series*, Folklore Society publications 2. Totowa, N.J.: D. S. Brewer, 1975, 90–103 (английский и валлийский фольклор); I. Reichborn-Kjennerud, *Vår gamle trolldomsmedisin*, 5 vols., Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo II, Hist.-filos. klasse, 1927:6, 1933:2, 1940:1, 1943:2, 1947:1. Oslo: Dybwad, 1928–1947, 1927:6, 56 (норвежский фольклор); Karlis Straubergs, «*Zur Jenseitstopographie*». // *Arv. Nordic Yearbook of Folklore* 13, 1957, 84 (эстонский фольклор). Мотив прохода в потусторонний мир через прорубь: Just Qvigstad «*Lappischer Aberglaube*». // *Zur Sprach- und Volkskunde der Norwegischen Lappen*, ed. idem, Oslo etnografiske museums skrifter 1. Oslo: Oslo etnografiske museum, 1920, 41 (саамский фольклор); Reichborn-Kjennerud, *Vår gamle trolldomsmedisin*. 1927:6, 50 (норвежский фольклор).

39 T. Gwynn Jones, *Welsh Folklore and Folk-custom*. London: Methuen, 1930, 52; John Arnott Macculloch, «*Celtic Mythology*». // *Celtic. Slavic*, ed. Louis Herbert Gray, *The Mythology of all Races* 3. Boston: Marshall Jones Company, 1964, 128; MacKillop, *Dictionary of Celtic Mythology*, 359–360, 406. Ср.: Byberg, «*Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon*», 181, 198; Carey, «*The Location of the Otherworld in Irish Tradition*», 116.

40 W.R.S. Ralston, *The Songs of the Russian People as Illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life*. London: Ellis & Green, 1872, 107–109; Jan Máchal, «*Slavic Mythology*». // *Celtic. Slavic, The Mythology of all Races* 3, ed. Louis Herbert Gray. Boston: Marshall Jones Company, 1964, 230.

41 Ср.: Heide, «*Gand, seid og åndevind*», 211–213, 226–227.

42 «*Речи Гримнира*», 7.

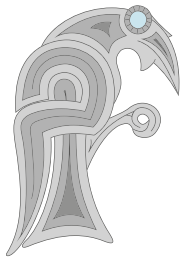
43 «*Прорицание вельвы*», 33; «*Видение Гюльви*», 35, 49; «*Язык поэзии*», 27.

44 «*Речи Гримнира*», 45; «*Перебранка Локи*»; Ellis Davidson, *The Road to Hel*, 76–77.

45 См.: K. B. Wiklund, «*Saivo. Till frågan om de nordiska beståndsdelarna i lapparnas religion*». // *Le monde oriental* 1916, 45–74; Louise Bäckman, *Sájva. Föreställningar om hjälp- och skyddsväsen i heliga fjäll bland samerna*. Stockholm studies in comparative religion 13. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1975; Hans Mebius, *Bissie. Studier i samisk religionshistoria*. Östersund: Jengel, 2003, 82.

46 Ср.: Josef Weisweiler, «*Seele und See. Ein etymologischer Versuch*». // *Indo-Germanische Forschungen* 57, 1940, 25–55.

47 Hans Skanke, «*Epitomes Historiæ Missionis Lapponicæ. Pars Prima Anlangende de Nordske Lappers Hedendom og Superstitioner*» (1728–1731). // *Nordlands og Troms finner i eldre håndskrifter*, ed. O. Solberg Oslo: Etnografisk museum, 1945, 191–192, 195. Ср.: Carl Solander, «*Kort relation, om den danska Missions tilstånd uti Norrige [...]*» (1726). // *Källskrifter till lapparnas mytologi*, ed. Edgar Reuterskiöld. Stockholm: Ivar Hæggströms boktryckeri, 1910, 26; Heide, «*Gand, seid og åndevind*» 136; Skanke, «*Epitomes Historiæ Missionis Lapponicæ*», 195; Jens Kildal, «*Afguderiets Dempelse og den Sande Lærdoms Fremgang [...]*» (1730 и позже). // *Nordlands og Troms finner i eldre håndskrifter*, ed. Marie Krekling, *Nordnorske samlinger* 5, 2. Oslo: Brøgger, 1945, 140; Sigvard Kildal, «*Nogle Observationer om Trommen eller Runebommen [...]*» (1730 и позже?). // *Det skandinaviske*

Litteraturselskabs Skrifter 2, ed. Jan Werner Abrahamson. Copenhagen: Det skandinaviske Litteraturselska, 1807, 456. В расшифровке текста с рунического камня с фермы Эггья (конец VII века), предложенной Оттаром Грёнвиком в 1985 году, также упоминается рыба, переносящая души в морской загробный мир: Ottar Grønvik, Runene på Eggjasteinen. En hedensk gravinnskrift fra slutten av 600-tallet. Oslo: Universitetsforlaget, 1985.

48 Isaac Olsen, Om lappernes vildfarelser og overtro. Kildeskrifter til den lappiske mytologi II (после 1715 г.), ed. Just Qvigstad, Det Kgl. norske Videnskabers Selskabs skrifter 4. Trondhjem: Det Kgl. norske Videnskabers Selskab, 1910, 45, 46; Heide, «Gand, seid og åndevind» 232–233.

49 «Осенью того же года Торстейн отправился в море к Хёскульдову Острову ловить рыбу. Однажды вечером, той же осенью, пастуху Торстейна случилось перегонять скот севернее Святой Горы. Он увидел, что гора с северной стороны приоткрылась, увидел внутри большие огни и услышал доносящийся изнутри гул и неясную речь. Прислушавшись, он разобрал отдельные слова и услышал, как кто-то приветствует Торстейна Трескожора и его спутников и говорит, что Торстейн сядет на почетной скамье напротив своего отца. Об этом знамении пастух вечером рассказал Торе, жене Торстейна; она опечалилась и сказала, что, быть может, грядут иные, и большие, события. Наутро с Хёскульдова Острова пришли люди и поведали, что Торстейн Трескожор утонул на рыбной ловле» («Сага о людях с Песчаного берега», 11; здесь и далее цит. в пер. А. Циммерлинга, С. Агишева).

50 В «Саге о людях с Песчаного берега», 4 описывается одна из таких гор: «На том мысу есть гора; гору эту Торольв почитал до такой степени, что ни один человек не смел глядеть на нее немытым. На ней нельзя было никого убивать, ни скот, ни людей, разве что они умрут своей смертью. Гору эту называл он Святой Горой и верил, что отправится именно туда, когда умрет, и также все его родичи». Ср. также: Ellis Davidson, The Road to Hel, 88; Emil Birkeli, Huskult og hinsidighetstro. Nye studier over fedrekult i Norge, Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo II, Hist.-filos. klasse 1943:1. Oslo: I kommisjon hos Dypwad, 1944, 208.

51 «Ран меня / ограбила, / други мои / утрачены. / Разломало / род мой море, / мой забор / разбит прибором» («Утрата сыновей», 7, здесь и далее пер. С. Петрова).

52 «Жил я в ладах / с владыкой сечи, / не знал заботы, / забыл про беды. / Нарушил ныне / нашу дружбу / телег приятель, / судья побед» (там же, 22).

53 «Правда, в обитель / богов он был / дланями взят / друга людей [Одина]» (там же, 21). См.: Nordberg, «Krigarna», 274–275.

54 Известно множество параллелей этому случаю; ср.: Simek, Dictionary of Northern Mythology, 242.

55 Ср.: Nordberg, «Krigarna» 135. Этому обстоятельству находится много параллелей; например, Грани Конский Волос, воспитатель вышеупомянутого Старкада, тоже был воплощением Одина.

56 Стиг Исакссон приводит указания на то, что название «Оденшён» — позднее и неаутентичное (Stig Isaksson, Skånes ortnamn. Serie A, bebyggelsenamn. Del 14, Onsjö Härad. Utgivna av Dialekt och ortnamnsarkivet i Lund. Lund: Gleerupska universitetsbokhandeln, 1958, 29). Но, с другой стороны, никаких иных названий этого озера не до нас не дошло.

57 Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi 12. Stockholm: Gernandts boktryckeri-aktiebolag, 1888, 101.

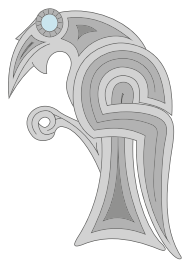
58 Berta Stjernquist, «Spring-cults in Scandinavian Prehistory». // Gifts to the Gods. Proceedings of the Uppsala Symposium 1985, ed. Tullia Linders and Gullög Nordquist, Boreas 15. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 149–157; eadem, «The Basic Perception of the Religious Activities at Cult-Sites such as Springs, Lakes and Rivers». // The World-View of Prehistoric Man. Papers presented at a symposium in Lund, 5–7 May 1997, arranged by the Royal Academy of Letters, History and Antiquities along with The Foundation Natur och kultur, publishers, ed. Lars Larsson and Berta Stjernquist, Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, Konferenser 40 Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1998, 157–178; Charlotte Fabech, «Samfundsorganisation, religiøse ceremonier og regional variation». // Samfundsorganisation og Regional Variation. Norden i romersk jernalder og folkevandringstid. Beretning fra 1. nordiske jernaldersymposium på Sandbjerg Slot 11.–15. april 1989, ed. Charlotte Fabech and Jytte Ringtved, Jysk Arkæologisk Selskabs skrifter 27. Århus: Jysk Arkæologisk Selskab, 283–303; Torsten Capelle, «Quell- und Brunnenopfer». // Opferplatz und Heiligtum. Kult der Vorzeit in Norddeutschland, ed. Ralf Busch, Veröffentlichung des Helms-Museums 86. Neumünster: Wachholtz, 2000, 101–105; idem, «Mooropfer». // ibidem, 123–127; Stefan Brink, «Mythologizing Landscape. Place and Space of Cult and Myth». // Kontinuitäten und Brüche in der Religionsgeschichte. Festschrift für Anders Hultgård zu seinem 65. Geburtstag am 23.12.2001, Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 31. Berlin: de Gruyter, 2001, 96–98.

89...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

59 Knut Helskog, «The Shore Connection. Cognitive Landscape and Communication with Rock Carvings in Northernmost Europe». // Norwegian Archaeological Review 32, 1999, 73–94; Lasse Bengtsson, Bilder vid vatten. Kring hållristningar i Askum sn, Bohuslän, GOTARC. Serie C, Arkeologiska skrifter 51. Stockholm: Göteborgs universitet. Institutionen för arkeologi, ANL, 2004.

60 Christiansen, «Litt om nordlandsk folktradition», 19.

61 «Сначала им пришлось идти в темной и зловонной мгле <...> Идя далее, они добрались «до стремительно текущих, черных, как смоль, вод реки, в бурных водоворотах которой с большой скоростью проносилось разное оружие». Через реку был перекинут удобный мост» («Деяния данов», 1.8.14).

62 См. примеч. 36.

63 Árnason, Íslenzkar þjóðsögur I, 101–103; III, 162–164.

64 В исландской традиции: Einarsson Bjarni, Munnmælasögur 17. aldar, Íslenzk rit síðari alda 6. Reykjavík: Hið Íslenzka fræðafélag, 1955; в ирландской традиции: Patch, The Other World, 45; Macculloch, «Celtic Mythology», 118.

65 Seán Ó Súilleabháin, A Handbook of Irish Folklore. Dublin: The Folklore of Ireland Society, 1942, 450; Arthur C.L. Brown, The Origin of the Grail Legend. Cambridge MA: Harvard University Press, 1943, 23; MacKillop, Dictionary of Celtic Mythology, 359–360.

66 Skanke, «Epitomes Historiæ Missionis Lapponicæ», 190–192; Wiklund, «Saivo», 55; Bäckman, Sájva, 67–69; Mebius, Bissie, 81–83.

67 Holmberg [Harva], «Vänster hand och motsols», 25–26.

68 Ibidem, 33.

69 Ibidem, 33-5; idem, Finno-ugric, Siberian [Mythology], The Mythology of all Races IV, ed. John Arnott et al. Boston: Marshall Jones Company, 1927, 73.

70 К числу подобных представлений относится и вера в то, что в потустороннем мире ночь и зима наступают тогда, когда в нашем мире начинаются, соответственно, день и лето. Это не прямой результат наблюдений за отражениями в воде, но вывод из более общего принципа перевернутости зеркальности отражения. Одно из ранних скандинавских свидетельств подобных верований — рассказ Саксона о путешествии Хадинга в подземный мир: на земле стоит зима, а под землей ярко светит летнее солнце и растут травы («Деяния данов», 1.8.14).

71 Carl von Linné, Carl Linnæi öländska och gothländska resa på riksens höglövlige ständers befallning förrättad år 1741. Med anmärkningar uti oeconomien, naturalhistorien, antiquiteter & c. med åtskilliga figurer. Stockholm: Gottfried Kiesewetter, 1745, 312–313.

72 См., напр.: Brink, «Mythologizing Landscape», 96.

73 См., напр.: Jones, Welsh Folklore, 52 (валлийская традиция); MacKillop, Dictionary of Celtic Mythology, 359 (ирландская традиция); Brown, «West Country Entrances to the Underworld» (английская и валлийская традиции); Árnason, Íslenzkar þjóðsögur, I, 101–3; III, 162–164 (исландская традиция); Feilberg 1910, 59–60, Myrvang, Huh-tetta, 29–30, 35, 38 (скандинавская традиция); Bäckman, Sájva, 126 (саамская традиция); Straubergs, «Zur Jenseitstopographie», 83–84 (эстонская традиция).

74 Ernst Manker, Lapparnas heliga ställen. Kultplatser och offerkult i belysning av Nordiska museets och Landsantikvariernas fältundersökningar, Acta Lapponica XIII. Stockholm: Gebers, 1957, 195–197, илл. 172–174 (саамская традиция).

75 Ibidem, 162. Ср.: Straubergs, «Zur Jenseitstopographie», 84 (эстонская традиция); Nordberg, «Krigarna», 74–76, 273–275 (средневековая скандинавская традиция).

76 Holmberg [Harva], Finno-ugric, Siberian [Mythology], 78–79; Veikko Anttonen, «The Concept of pyhä (Sacred) in Pre-Christian Finnish Religion». // Northern Religions and Shamanism, ed. Mihály Hoppál and Juha Pentikäinen, Ethnologica uralica 3. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992, 36; Nordberg, «Krigarna», 39. Ср. мотив «затягивания вниз» в некоторых немецких сюжетах: Siuts, Jenseitsmotive im deutschen Volksmärchen, 54–55.

77 «...мутный / течет водопад / с залога Владыки...»; «Знаю я, Один, / где глаз твой спрятан: / скрыт он в источнике / славном Мимира!» («Прорицание вельвы», 27–28).

78 Норвежское название означает «остров бога-горы», а саамское, вероятно, связано с богом грома.

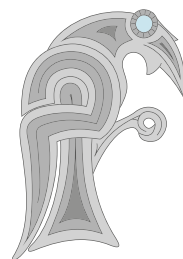
79 Agnar Nordback, «Tunnsjø og Tunnsjøguden». // Årbok for Nord-Trøndelag Historielag 1933, 63–66; Martin Bjerken, Grong bygdebok. For Grong, Harran, Namsskogan og Røyrvik. Trondheim: (s.n.), 1950.

...90

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

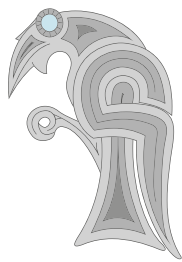
В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

- 80 Названия этого острова тоже связаны с богом грома.
- 81 Manker, Lapparnas heliga ställen, 292, илл. 338–340.
- 82 Straubergs, «Zur Jenseitstopographie», 84.
- 83 MacKillop, Dictionary of Celtic Mythology, 406.
- 84 «Сага об Олаве сыне Трюггве», 78–80; Rognvalds þáttur ok Rauðs, Richard Perkins, Thor the Wind-Raiser and the Eyrarland Image, Viking Society for Northern Research text series XV. London: Viking Society for Northern research, 2001.
- 85 Mankers, Lapparnas heliga ställen, 24.
- 86 Ibidem, 28.
- 87 Gunnar Olof, Hyltén-Cavallius, Wärend och Wirdarne. Ett försök i Svensk Ethnologi 2. Stockholm: Norstedt, 1863–1868, I, 130: en stenbro eller ett vad.
- 88 Heide, «More inroads to pre-Christian notions, after all?»
- 89 Helskog, «The Shore Connection». // Bengtsson, Bilder vid vatten.
- 90 Wiklund, «Saivo», 50.
- 91 Byberg, «Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon».
- 92 Ibidem, 86–88.
- 93 «Готланд первым нашел один человек, которого звали Тиелвар. В то время Готланд был так заколдован, что днем опускался на дно моря, а по ночам всплывал. Но этот человек впервые привез на остров огонь, и после этого тот [остров] никогда не опускался на дно» (пер. С. Ковалевского).
- 94 Finnur Jónsson, Lexicon poeticum. Copenhagen: S. L. Møllers Bogtrykkeri, 1913–1916, 261, 484.
- 95 «Сага о Хервёре и Хейдреке», 2–4; «Сага об Одде Стреле», 14; «Сага о Хрольве Пешеходе», 2, 31; «Сага об Эгиле Одноруком», 18; «Сага о Рагнаре Меховые Штаны», 20.
- 96 A.W. Brøgger, «Oseberggraven – Haugbrottet». // Viking 1944, 1–45; Heinrich Beck, «Haugbrot im Altnordischen». // Zum Grabfrevell in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Untersuchungen zu Grabraub und «haugbrot» in Mittelund Nordeuropa, ed. Herbert Jankuhn et. al., Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philologisch-historische Klasse, 3. Folge. Göttingen: Akademie der Wissenschaften, 1978, 211–228; Jonas Wellendorf, «Haugbrot i norrøn litteratur og omegn». // Hovedoppgave i nordisk. University of Bergen, 2002.
- 97 Byberg, «Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon», 58–60.
- 98 Árnason, Íslenzkar þjóðsögur I, 86–88.
- 99 Byberg, «Dei lukkelege øyane' i norsk folketradisjon», 86–88.
- 100 См., напр., P. Chr. Asbjørnsen, Norske Huldre-Eventyr og Folkesagn. 3rd ed. Christiania: Steensballe, 1870; Svale Solheim, Norsk sætertradisjon, Instituttet for sammenlignende kulturforskning, Serie B, Skrifter 47. Oslo: Aschehoug, 1952, 371–373, 376–378.
- 101 Что касается вертикального движения, то для перехода в потусторонний мир можно переместиться не только вниз, но и вверх: подняться на вершину высокой горы, отправиться на небо или на звезды. В самой статье этот мотив я не рассматривал, но еще вернусь к нему в заключительном разделе.
- 102 Ср.: Anttonen, «The Concept of pyhä», 13.
- 103 Brink, «Mythologizing Landscape», 95.
- 104 Ср.: Nathan Söderblom, «Holiness». // Encyclopædia of Religion and Ethics 6, ed. James Hastings. Edinburgh: T. & T. Clark, 1913, 731–741; C.W. von Sydow, «Det ovanligas betydelse i tro och sed». // Folkminnen och folktankar 1926, 53–70; Veikko Anttonen, «Does the Sacred Make a Difference? Category Formation in Comparative Religion», // Approaching Religion. Part I. Based on Papers Read at the Symposium on Methodology in the Study of Religions Held at Åbo, Finland, on the 4th-7th August 1997, Scripta Instituti Donneriani Aboensis 17. Åbo: Donner Institute for Research in Religious and Cultural History, 1999, 12.
- 105 Stefan Brink, 2004, «Mytologiska rum och eskatologiska föreställningar i det vikingatida Norden». // Ordning mot kaos. Studier av nordisk förkristen kosmologi, ed. Anders Andrén et al., Vägar till Midgård 4. Lund: Nordic Academic Press, 2004, 291–316; Jonas Wellendorf, «Homogeneity and Heterogeneity in Old Norse Cosmology». // Old Norse religion in long-term perspectives. Origins, changes, and interactions. An international conference in Lund, Sweden, June 3–7, 2004, ed. Anders Andrén et al., Vägar till Midgård 8. Lund: Nordic Academic Press, 2006, 50–53.

91...

Ян Стернер

Перевод со шведского:
Анастасия Тишунина

Тролли Естрикланда

Отрывки из книги «*Sagor, sägner och skrock från Gästrikland*»

(Сказки, легенды и суеверия из Естрикланда¹)

Из всех мифологических существ о троллях, пожалуй, рассказано и написано больше всего. Академический словарь шведского языка насчитывает около сорока пяти слов, производных от существительного *troll*. Слово «тролль» было известно уже в древности, оно встречалось в древнеисландском, древненорвежском, древнешведском, древнеанглийском и других языках, но истинный возраст этого слова нам неизвестен. Многие топонимы в Швеции происходят от названия этих существ: Тролльхеттан, Тролльбекен, Тролльбергет и Тролльхеден. В Швеции также сохранились прозвища Тролль, Тролле и Трулль, которые давались людям за какие-то необычные свойства.

В шведской поговорке «*När man talar om trollen står de i farstun*» (Если заговорить о троллях, они появятся в сенях) отразилось старое поверье о силе имени и опасности названия злых и страшных существ напрямую — упоминание о троллях будто бы призывает их.

В провинции Естрикланд сохранилось два иносказательных названия для троллей — *tram* и *humbul* (трам, хумбуль). До сих пор есть топонимы с корнем -трам: Трамвикен и Трамсбергет (в переводе — трамья деревня и трамья гора). Слова *tram*, *tramr*, *trami* в западных диалектах древненорвежского языка обозначали троллей и злых существ. Можно предположить, что и на территории Швеции они были в ходу.

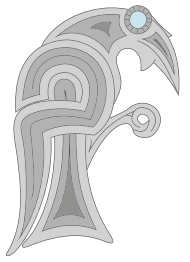
Словом «хумбуль» называли маленьких троллей. Корень *-hum* имел значение «сумерки, темнота», в древнешведском форма *-humi* также означала «неясная, непонятная идея». *-Bul* в северных диалектах означает «опухоль, выпуклость». Таким образом, *humbul* может расшифровываться как «выпуклость в темноте» и, скорее всего, оно было иносказательным и уничижительным названием тролля, чтобы не называть его напрямую. Ведь тролли лучше всего чувствуют себя именно в темноте, а люди презирают и боятся их.

Слова *byting* и *förbytt* (подкидыш, подменыш) также связаны с троллями, а точнее, с их мерзкой привычкой похищать младенцев, а вместо них подбрасывать людям своих детёнышей.

Факт, что тролли стали настолько популярными, связан с тем, что они из всех сверхъестественных существ больше всего напоминают людей как в хорошем, так и в плохом. И даже во внешности, хотя обычно тролли уродливее нас. Они живут почти такой же жизнью: рождаются и умирают, женятся и заводят семьи, даже повседневные заботы и домашние животные у них такие же, что и у людей. Они поют и танцуют, как мы, когда довольны жизнью. С точки зрения душевных качеств они тоже, можно сказать, отражают людей, но качества эти в основном отрицательные: злоба, жадность, жульничество, и это лишь некоторые. Тролли также напоминают людей тем, что некоторые из них хитроумные, а другие — глупые. Если человек в общении с троллем будет добр и вежлив, то и тролль будет вести себя так же по отношению к нему. Они бывают скрытны и ненадёжны, как некоторые из нас. Однако их привычка похищать детей нам, к счастью, не свойственна. Способностям троллей менять обличье или становиться невидимыми многие из нас могли бы позавидовать. И конечно, в поговорке «богат, как тролль» выражена человеческая мечта о богатстве.

Йон Бауэр и другие художники изображали троллей неуклюжими, с большими ушами, огромными носами, покрытыми шерстью телами и, конечно же, с длинными хвостами. Такие описания в фольклоре не преобладают, но длинные носы и уродство несколько раз упоминаются как качества троллей в Естрикланде. Можно задаться вопросом, какого рода уродства имелись в виду в фольклорных описаниях внешности троллей. Так рассказывает Эббе Шён из церковного

¹ Естрикланд (шведск. *Gästrikland*) — провинция в центральной части Швеции, самая южная в историческом регионе Норрланд.

прихода Ованшё: «Один человек в нашем приходе видел, что одеты они в коричневое, а другой, что у троллих на голове платки и длинные волосы, которые свисают на спину, и они густые и сальные».

В деревне Ербу очевидцы рассказывали, что тролли «такие мерзкие и кривые, что связываться с ними никто не хочет». В Оккельбу записана такая история:

«Один старик отправился на охоту на глухаря и решил заночевать в лесу. Он развёл костёр, чтобы согреться. Тут он заметил, что у него появилась компания. Напротив него села уродливая женщина с необычайно длинным носом, кивнула ему и заснула. Старик решил над ней подшутить. Он достал из костра горящую ветку и сунул женщине под нос. Она закричала и исчезла. Он негостеприимно обошёлся с ней, и зря. Когда старик проснулся утром, он обнаружил, что очутился на маленьком островке посреди большого озера по меньшей мере в двух километрах от того места, где заночевал. Ему пришлось звать на помощь, чтобы его услышали с берега и помогли выбраться».

Это одна из способностей троллей — перемещать людей на большие расстояния в отместку или в наказание. Одна старая женщина из Орсунды рассказывала, что её как-то раз схватила огромная фигура в человеческом облике (тролль или великан?) и унесла за полтора километра. Записан также рассказ о том, что тролли могут изменяться в размерах. «Они могут быть маленькие, как детишки, а могут быть огромные, такие, что лица их не разглядишь. Был у нас один человек по имени Ян Эрик. Он как-то раз встретил тролля, который был такой высокий, что Ян Эрик не смог увидеть его глаза».

Однако тролли могут менять не только размер, но и свой внешний вид. Рассказ из Оккельбу: «Один старик лежал и грелся на солнышке возле горы Шемпбу в Оккельбу. К нему подъехала повозка. В ней сидели господин и его жена, которые спросили дорогу в Сёндагсосен. Одежда у них была красивая, с кисточками и колокольчиками. Сбруя у лошадей была сделана из золота. Сзади на повозке висела связка больших ключей, которые тоже были из золота. Когда они поехали дальше, лесная дорога перед ними становилась ровной и красивой».

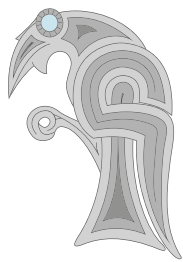
Тролли умеют и петь, и танцевать. «Одни шахтёры из Ованшё видели и слышали троллей. Те кричали и пели. Один из шахтёров стал передразнивать их песенку. А ночью его как будто кто-то дёрнул за ноги, когда он спал. Это тролли пришли, чтобы отомстить за насмешки над их песней. Они схватили его за ноги и потащили прочь. Но тут другой шахтёр крикнул ему: «Читай «Отче наш»!» Тот начал читать молитву, и тролли тут же отпустили его и исчезли».

93...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Настя ЗИМОВА

Мånegarm: «Сага об Инглингах», выкованная из металла

15 апреля шведская викинг-метал группа Månegarm выпустила свой новый альбом, название которого свело с ума иностранных фанатов, блогеров и критиков. Альбом называется *Ynglingaättens Öde*, что в переводе со шведского означает «Судьба династии Инглингов».

В этом альбоме музыканты продолжают развивать замысел, ставший основой их предыдущего релиза, вышедшего в 2019 году, —

Fornaldarsagor. На той пластинке, про которую «Северный Ветер» тоже публиковал подробную статью, текст каждой песни рассказывал об одном из персонажей либо о конкретном эпизоде из так называемых «Саг из древних временах» — это особый жанр саг, в которых особенно много сверхъестественных существ, встреч людей с богами и прочих сказочных элементов. Нынешний же альбом ещё в большей степени подчинён единому

...94

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

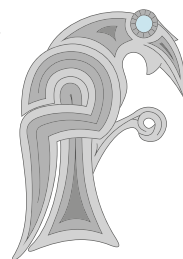
№37
2022

замыслу. В интервью нашему журналу Якоб Халлегрэн — историк, барабанщик группы и автор текстов песен — рассказывал, что: «это будет концептуальный альбом, посвящённый дохристианскому периоду истории Скандинавии, с ещё более глубоким погружением в древние времена. Если вам понравился *Fornaldarsagor*, новый релиз вас точно не разочарует!» (Северный Ветер, №33). Все песни в этом альбоме основаны на сюжетах из одной-единственной саги — «Сага об Инглингах», каждый текст посвящён отдельному её эпизоду или герою, а все вместе,

собранные воедино, песни рассказывают слушателю историю легендарных шведских конунгов.

«Сага об Инглингах» (др.-исл. *Ynglinga saga*) — один из важнейших источников по дохристианской истории скандинавских стран. Автор её - прославленный исландец Снорри Стурлусон, и сага открывает его великий труд «Круг земной».

Вопреки сложившейся у музыкантов традиции начинать альбомы каким-нибудь эпическим инструментальным вступлением,

95...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

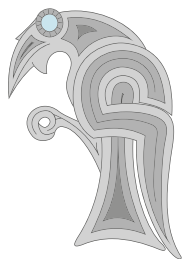
№37
2022

Månegarm в этот раз решили обмануть все ожидания, и на слушателя сразу же обрушивается двенадцатиминутный эпос под названием *Freyrs Blod* (кровь Фрейра). Название неслучайно, ведь именно от Ингви-Фрейра вели свою династию шведские конунги, и текст песни рассказывает о том, как в хронологическом порядке они сменяли друг друга, как сыновья наследовали отцам, как каждое поколение сражалось в своих собственных битвах и пересекало моря, а в их жилах сквозь время текла кровь Фрейра. Сами музыканты охарактеризовали эту песню как «резюме музыкальной составляющей группы», потому что в двенадцати минутах этого трека нашлось место всем музыкальным стилям, в которых играет группа, от бешеных гитарных риффов до тихих проникновенных мелодий скрипки.

Героем второй песни и одного из главных хитов альбома — *Ulvhjærtat* (волчье сер-

дце) — стал легендарный конунг Ингьяльд по прозвищу Коварный. Именно сюжет этой песни лёг в основу арта на обложке альбома. Название песни отсылает нас к одному из важнейших эпизодов из биографии этого конунга. В детстве мальчик был хилым и малодушным, и «Сага об Инглингах» рассказывает, как он уступил в игре своим сверстникам, что было позором для сына конунга. «Во время игры Ингьяльд оказался слабее Альва и так разозлился, что громко заплакал. Тут подошел Гаутвид, сын его воспитателя, и отвел его к Свипдагу Слепому, его воспитателю, и рассказал тому, что стряслось и что Ингьяльд оказался слабее в игре, чем Альв, сын Ингвара конунга. Свипдаг отвечал, что это большой позор. На другой день Свипдаг велел вырезать сердце у волка, изжарить его на вертеле и дал его съесть Ингьяльду. С тех пор тот стал

очень злобным и коварным»¹. И Ингьяльд, покоритель многих земель в Швеции, в будущем в полной мере оправдал своё прозвище, когда сперва пригласил в гости шестерых конунгов из соседних королевств, а затем дождался, когда те опьянеют, запер их в пиршественном зале и сжёг всех заживо.

¹ Здесь и далее сага цитируется в переводе М.И. Стеблина-Каменского.

Источник: Снорри Стурлусон. Круг Земной. — М.: Наука, 1980. Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский.

Среди этих жестоких и воинственных мужчин нашлось место и сильному женскому персонажу. Подлинным украшением альбома стала мощная и раскатистая, как морские волны, баллада под названием *En snara av guld* (золотая петля), звучащая особенно искренне, если знать тот факт, что вокалист группы Эрик исполнил её дуэтом со своей дочерью, поскольку в песне рассказывается история мести девушки за убитого отца.

Скьяльв, главная героиня песни и XIX главы

...96

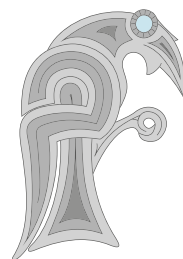
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Кадр из видеоклипа на песню.

«Сага об Инглингах», была дочерью финского вождя Фрости. На его земли напал Агни сын Дага, конунг из династии Инглингов, и в жестоком бою одержал над Фрости победу. Скъяльв попала к нему в плен, и он собрался взять её в жёны, чтобы укрепить свои права над завоеванной землёй. Сага рассказывает так: «На Агни-конунге была тогда золотая гривна, которой когда-то владел Висбур. Агни-конунг собирался жениться на Скъяльв. Она попросила его справить тризну по своему отцу. Он созвал многих знатных людей и дал большой пир. Он очень прославился своим походом. Пир шел горой. Когда Агни-конунг опьянел, Скъяльв сказала ему, чтобы он поберег гривну, которая была у него на шее. Тогда он крепко привязал гривну к шее и лег спать. А шатер стоял на опушке леса, и над шатром было высокое дерево, которое защищало шатер от солнечного жара. Когда Агни-конунг заснул, Скъяльв взяла толстую веревку и привязала к гривне. Ее люди опустили шесты палатки, закинули веревку на ветви дерева и потянули так, что конунг повис под самыми ветвями. Тут ему пришла смерть. Скъяльв и ее люди вскочили на корабль и уплыли». «Когда скроется луна и настанет день, / свершится суд и будет выплачен кровавый долг. / Убит наш конунг, высоко среди ветвей висит он», — поётся в песне.

Внимания заслуживает также трек под названием *Stridsgalten* (боевой вепрь), в создании которого поучаствовал Йонне Ярвеля из финской группы Korpiklaani и разбавил эстетику воинственных викингов таинственными шаманскими напевами. В песне рассказывается о судьбе конунга Эгиля, который, по свидетельствам саги, пережил несколько восстаний рабов и в целом предпочитал не воевать, а мирно сидеть дома. Погиб он на охоте, убитый зверем. В тексте «Саги об Инглингах» говорится о быке, который был предназначен в жертву, но сбежал в лес и стал опасен для людей. Однако Якоб Халлегрен считает, что Снорри Стурлусон не совсем верно истолковал древнее предание, и зверем этим был кабан, а не бык. Кабан был тотемом и иногда олицетворением конунгов сеев, и есть основания считать, что убит Эгиль был вовсе не на охоте, а в военном столкновении сеев и гётов — племён, населявших Швецию.

«Как может отец приносить в жертву собственных наследников? / Сыновьями расплачиваться за владения на севере?» Такой вопрос задаётся в песне *Auns söner* (сыновья Ауна). В ней рассказывается о том, как конунг Аун Старый жертвовал своих сыновей Одину одного за другим, чтобы таким образом отсрочить собственную смерть. По свидетельствам

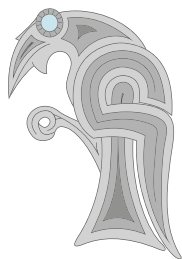

97...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

саги, Аун «... снова совершил большое жертвоприношение и принес в жертву своего второго сына. Тогда Один сказал Ауну, что, давая ему раз в десять лет по сыну, он будет жить вечно, и велел ему называть какую-нибудь область в своей стране по числу своих сыновей, которых он принес в жертву Одину. После того как он принес в жертву седьмого сына, он прожил еще десять лет, но уже не мог ходить. Его носили на престоле. Он принес в жертву восьмого сына и прожил еще десять лет, лежа в постели. Он принес в жертву девятого сына и прожил еще десять лет, и сосал рожок, как младенец». В конце концов шведы взбунтовались против такого конунга и запретили ему приносить в жертву очередного сына, после чего Аун наконец-то умер. Злость древних шведов прямо-таки слышна в каждой ноте этого мощного металлического боевика.

И хотя лично мне Ynglingaättens Öde показался чуть менее интересным в музыкальном плане, нежели его предшественник Fornaldarsagor, всё равно нельзя не оценить титаническую работу, проделанную группой, и эпический замысел альбома. Это не просто набор песен, которые можно прослушать за один день, а полноценное погружение в эпоху, многочисленные концептуальные связи с древними преданиями, захватывающее путешествие по мифам. И не один день уйдёт на то, чтобы отыскать все отсылки, перечислить всю сагу, почтить памятью все деяния древних героев.

В оформлении использованы иллюстрации

Криса Вервимпа

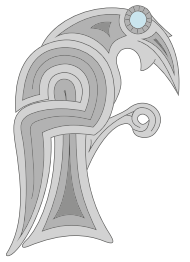
и фото с сайта distortedsoundmag.com

...98

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Настасья СыСОЕВА

Rúnahild

В прошлом номере, рассказывая о Munknör, я не упомянула об их сингле «The Flight», выпущенном в 2021 году в соавторстве с Рунахильд, певицей и композитором родом из Франции. Тогда меня настолько очаровал её голос и манера исполнения, что я сразу поняла, кому хочу посвятить следующий обзор!

Начну, однако, с пары слов о её более раннем проекте. Название Eliwagar образовано от древнеисландского «Élivágar» и переводится как «бурные воды», это одиннадцать рек, которые берут свое начало в Хвергельмире, «бурлящем источнике», что в самом сердце Нифльхейма. Согласно «Видению Гюльви», стремящиеся в царство огня реки замерзают на полпути, но искры из Муспелльхейма растапливают льды. Так из гармоничного слияния двух стихий появляется Имир, зарождается жизнь. Эта же гармония противоположностей ощущается и в музыке группы, где звучание народных инструментов контрастирует с металлическими риффами. От обычного Pagan Folk Metal Eliwagar отличает то, что Рунахильд не адаптирует традиционные народные ком-

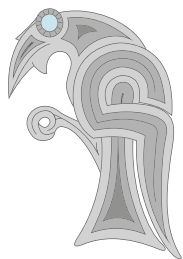
позиции, а сочиняет собственные. Особенно мне нравятся ее партии на флейте, это что-то невероятное! А вот элементы рока вносят сессионные музыканты, различная музыкальная культура каждого из них также придает группе совершенно уникальное звучание.

Тексты песен вдохновлены скандинавской мифологией и написаны на норвежском языке. Сама исполнительница называет работу над этим проектом путешествием в прошлое, задолго до времён хаоса и войн, окружавших эпоху викингов, в мифическую страну Гиперборею, мирную землю за северным ветром, где люди жили дарами природы. По словам Рунахильд, это путешествие длиной в десять лет подарил ей душевное спокойствие вдали от настоящего, где люди оторваны от матери-земли, от своей истинной сути. В 2016 году выходит последний на данный момент, седьмой по счёту альбом, который носит название «I Vølven's Vev» (В нитях Вёльвы). Он сильно отличается от остальных, прежде всего, отсутствием электронных инструментов, что делает его звучание более

99...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р№37
2022

мрачным и меланхолическим. Тексты песен, напротив, наполнены позитивом: «Танцуй и пой, живи и люби» — призывает «Almødige Vølur», а «Lys i Skyggen» вдохновляет, пробуждает внутреннюю силу, чтобы пережить даже самые тёмные времена.

«I Vølven's Vev» интересен ещё и тем, что по стилю наиболее близок к сольному проекту девушки, на сей раз названному её именем. Рунахильд пишет в социальных сетях, что только в настоящем мы можем создать, тогда как прошлое, породившее Eliwagar, похоже на наши корни, которые питают нас, чтобы даровать жизнь. Эта музыка по-прежнему пронизана скандинавским язычеством и природными мотивами, но теперь носит более личный характер, она неотделима от образа жизни исполнительницы.

Первый альбом, получивший название «Seidgaldr», выходит в марте 2017 года. Он вдохновлён барабанным кругом, где участвует Рунахильд, той гармонией, которая есте-

ственным образом возникает между людьми, когда они вместе создают слаженный гипнотический ритм, достигая глубокого духовного очищения через звук. Катарсис начинается с «Død og Liv» — заклинания, напоминающего фарерскую Eivør Pálsdóttir. Фоновое потрескивание костра и шум дождя создают ощущение пребывания на открытом воздухе и уязвимости перед стихиями. Под звуки традиционной норвежской кравиклиры и лангелейка, представляющего собой гудящую цитру, заглавный трек Seidgaldr погружает слушателей всё глубже в состояние, подобное трансу, чтобы заглянуть внутрь себя и «пробудить силу жизни». Об этом же и Høstmånen, спокойная, обволакивающая песня, мягко струящаяся, как свет урожайной луны. Но когда внутреннего огня недостаточно и он слишком слаб, когда дорога к своему «Я» лежит через тьму и страх, словами поддержки звучит Skuggedraum — «В темноте я держу тебя за руку, чтобы исцелить твои самые глубокие раны». Ритуал достигает своей кульминации,

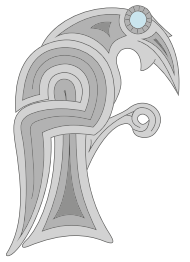

... 100

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

племенные перкуссии выходят на передний план, — это жертвоприношение во славу Ньёрда. Покинув «Корабельный двор» Ноатун, душа в облики ворона устремляется вверх к кронам Иггдрасиля под звуки *Ravneshjel*, а затем вниз, к корням, к источнику Урд. Подобно тому как Норны сплетают нити судеб, вьётся мистическая мелодия *Wyrð*. Одна из самых необычных композиций, *Nornir*, исполняется на лангелейке, но совсем иначе, чем, например, в *Seidgald*. Последняя песня посвящена старшей из Норн, но, по словам Рунахильд, это название пришло не сразу. Вокальная партия была записана давно, не хватало только подходящего звукового сопровождения. Решение пришло во время шторма, который впоследствии и получил имя Урд, исполнительница даже специально отправилась на фьорд, чтобы записать шум волн. Хотя девушка родилась и выросла во французской деревеньке на лоне природы, её с детства манили пейзажи Норвегии. В настоящий момент Рунахильд уже более десяти лет живёт то на органической горной ферме в Хордаланне, то в лавву, построенном в лесу южной части страны. Это временное жилище саамов Северной Европы стало для неё не только домом, но и звукозаписывающей студией. Только посмотрите, как там уютно!

В то время как первый альбом *Seidgaldr* представляет собой странствие в мир теней и в глубины подсознания, чтобы исцелиться, *Seidrunar*, выпущенный в октябре 2017 года, повествует о конечной цели этого путешествия, внутреннем источнике, соединяющем нас со всем, что есть во вселенной. Заглавный трек очень динамичен и объёмен, в нём за-

действовано множество музыкальных инструментов, но особенно неожиданно услышать среди них поющую чашу. «Светящиеся руны, высеченные во мне, шепните мне свою мудрость», — повторяет чарующий голос певицы, и кажется, будто вот-вот постигнешь все тайны рун, подобно Одину. Следующая колдовская песня — *Visdommens Brønn*. Она более плавная и примечательна тем, что ведущая мелодия исполняется на цитре. Подхватывает это настроение *Runeristning*, только на этот раз словам вторит флейта: «Руны вырезаны на солнце, руны вырезаны в звездах, руны высечены в судьбе, руны вырезаны в душе...» *Ørnedans*, пожалуй, моя любимая песня в альбоме. С ней связана прекрасная история, которой Рунахильд поделилась в социальных сетях. Однажды, работая в саду, девушка увидела орла, величественно парящего над её головой. Тогда она поняла, что на ситуацию, тяготившую её долгое время, лучше всего посмотреть сверху, отстранённо, и тогда решение придёт: «Следуй за моей душой, путешествующей с орлом далеко над деревьями и горами, по всему древу жизни».

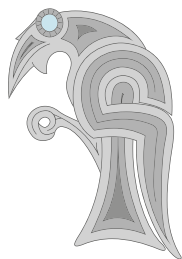
Связь между мирами, между видимым и невидимым — одна из ключевых тем не только этого альбома. Говоря о своём духовном пути, Рунахильд не выделяет определённый пантеон или богов, а именует его просто «сейд», подчёркивая, однако, что не пытается воспроизвести тот тип магии, который практиковался в прошлом, а скорее вдохновляется собственным жизненным опытом. В её понимании сейд — это, в первую очередь, открытость духовному миру и направление его энергии во благо. Тем не менее, памятуя

101...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

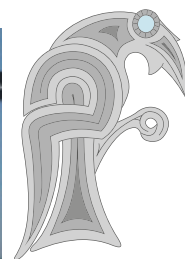

о том, что этой практикой занимались именно женщины, следующий альбом, вышедший в октябре 2018 года и получивший название «Seidsang», Рунахильд посвящает исцелению сакральной женской энергии. Гармоничная спокойная музыка и её лёгкий вокал действительно отражают это намерение. Композиции по-прежнему объёмны и насыщены разнообразными инструментальными партиями, но барабаны и ритм более сдержанные, чем в предыдущем альбоме.

Первая композиция не случайно названа «Verkana». Исполнительница отмечает, что у неё особая связь с берёзой, и считает это дерево своим духовным растением. Вдохновением для следующего трека снова служит барабанный круг, Disir — это призыв к женщинам-предкам, просьба о помощи в исцелении внутренних ран. Словно ответом на этот призыв является Vegvisir. Песня родилась во время путешествия к маяку Кракенес, расположенному в одном из самых штормовых мест на западном побережье Норвегии. Vegvisir — это путеводный свет, который оберегает и направляет даже в самую суровую непогоду, когда кажется, что выхода нет. Согласно шаманской традиции, когда мы переживаем травматический опыт, часть нашей души может отколоться, и задача шамана состоит в том, чтобы отправиться в эфирное царство и вернуть её в наше энергетическое поле. Bortanfor Sløret — это и есть странствие за завесу, личный опыт Рунахильд, воплощённый в музыке. Kvinnekraft также вдохновлена практикой, на этот раз в женском кругу.

Суть её в том, чтобы находиться в гармонии с собой и кругом, без какого-либо осуждения, ревности или конкуренции, в осознании, что настоящее сестринство основано на доверии и открытости. В путешествии по северной Норвегии в день зимнего солнцестояния появился мотив Kvitbjarkan, а Songane som Sildrer inn i Sjela родилась во время записи импровизаций. Рунахильд сидела у реки во время весеннего ледохода, и звук был такой, словно вода пела после долгого заточения во льдах, это пение можно услышать в самой композиции. Подобно тому, как Disir — это воззвание к предкам, Nornegaldr — это призыв к норнам с просьбой пробудить внутреннюю силу, сокрытую в нас, способную противостоять всем вызовам и трудностям, через которые необходимо пройти, чтобы отыскать собственное место в этом мире: «Я зываю к мудрыми норнам, прядильщицам всех судеб, ослабьте узлы, освободите мою силу...» На мой взгляд, Seidsang является достойным продолжением первых двух альбомов и великолепным образцом языческого фолка. Вдохновляющий, нежный, ритмичный и женственный.

В январе 2019 года выходит Seidhjallar, целиком созданный во время уединённых ритуалов в отдалённой хижине, расположенной в норвежских горах. Это отражено и в названии, которое происходит от древнеисландского слова «Seidhjallr» — высокое место, где практикуется магия сейда. Для Рунахильд альбом представляет собой синергетический союз женственности и мужественности, как символ объединения двух полярностей

во вселенной. «Это воссоединение с истоком души, когда эти две сущности сливаются в одну и, таким образом, соединяются со всем, что вне времени и пространства», — пишет она в социальных сетях. Хотя тематически Seidhjallar неразрывно связан с предыдущими альбомами, в музыкальном плане он более свободный и экспериментальный. Здесь можно найти целые пассажи без ударных, иногда даже без вокала, просто со звуками природы. Таков, например, заглавный трек, хотя он совершенно не кажется затянутым, несмотря на длительность в почти десять минут. Это, скорее, возможность совершить своё собственное шаманское путешествие посредством музыки: «Слушай мою песню тебе, пой себе в трансе, вместе мы странствуем за пределы звезд, вместе мы странствуем в экстазе...» Мотив пути продолжает Heimferd. «Держи меня за руку, следуй за мной домой к звездам», — поётся в песне. «Важно не то, что с вами происходит, а то, как вы на это реагируете», — учит нас Fullmånésang. По словам Рунахильд, некоторые из самых прекрасных событий в её жизни произошли именно во времена тьмы и хаоса, потому что иногда только буря может разрушить преграды и открыть новые пути.

В сентябре 2019 года выходит пятый альбом, получивший название «Seidfylgjur» в честь «фюльгьи» — духа-помощника, выступающего в качестве проводника или компаньона. Это первый релиз, выпущенный не самостоятельно, а под лейблом Grimfrost Records с Йоханом Хёггом из Amon Amarth в качестве

генерального директора. В настоящее время, помимо Рунахильд, компания сотрудничает с Folket Bortaför Nordavinden, Hindarfjäll и Fenris. Кроме того, Grimfrost Records сотрудничают с мастерами, создающими предметы скандинавской культуры, это просто идеальное место для талантливой исполнительницы, чтобы расправить крылья.

Говоря о самой музыке, стоит упомянуть, что она стала более сбалансированной. Горловой, глубокий вокал и инструментальные партии не соперничают за внимание слушателей, а дополняют друг друга. Первая песня, Disablót, минималистична, но в то же время очень объёмна, невероятный голос исполнительницы образует здесь многочисленные слои и текстуры. Что же касается самой практики блота, Рунахильд делится в социальных сетях, что время от времени проводит церемонии благодарения, где просто говорит спасибо духам, самой жизни, предкам и Матери-Земле, но не называет это именно жертвой. Пожалуй, мой любимый трек в альбоме — Vardlokkur. В «Сage об Эрике Рыжем» говорится, что это своего рода подготовка к сейду, зачаровывание духов. Густав из Folket Bortaför Nordavinden добавляет туда немного саранги (струнный смычковый инструмент) и вокала, что делает композицию ещё более интересной. Не менее интригует и Urseid, где множество разных мелодий переплетаются друг с другом, создавая единство в разнообразии.

Погружение в магию сейда завершается, когда в декабре 2020 года выходит шестой

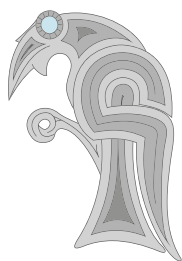
103...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

104

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

альбом — Astralseid, названный по одноименному проекту исполнительницы, в котором электро-эмбиент сочетается с природными мотивами и темой космоса. Но здесь нет электронных риффов, по-прежнему только народные инструменты, а вот космическая атмосфера явно прослеживается, только это скорее путешествие в бесконечную вселенную, отраженную внутри себя. Disabrunn и Månesystre очень схожи по настроению, в них даже можно расслышать общий элемент, свиный крик, который Рунахильд записала,

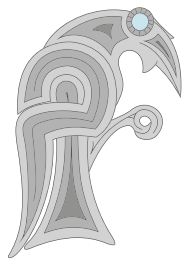
когда во время панической атаки вышла на улицу, чтобы прийти в себя и успокоиться. Это будто бы одна история, рассказанная в двух композициях, история о побеге во тьму ночи в поисках убежища и утешения. Заглавный трек Astralseid, напротив, представляет собой исцеляющую энергию, получаемую при ощущении подлинной связи со всем, что есть на земле и во вселенной. Особенно мне нравится, как в этой песне звучит кокле (латышский струнный щипковый инструмент).

В марте 2021 года выходит седьмой по счёту мини-альбом Sacred Feminine, включающий в себя всего три трека. Он снова посвящён исцелению душевных ран через заботу и внимание к собственным чувствам, но сильно отличается от Seidsang в плане музыки, которую можно назвать фольктроникой из-за обилия электронных ударных и синтезатора, хотя сама исполнительница определяет этот стиль как Ethereal Heathen Folk. Måneskygge — медленная песня с холодными нотками эмбиента, загадочная, как тень луны. Draum похожа по стилю, но более динамична за счёт племенных перкуссий. Старое и новое сливается здесь со сверхъестественной лёгкостью, создавая неземной фон для фантастического голоса Рунахильд. Последняя композиция Sacral Energy, на мой взгляд, самая необычная. Она более акустическая, а переплетение саамского йойка и вариаций горлового пения делает вокальную партию ещё более завораживающей.

Словно продолжая тематику данного альбома, в апреле 2022 года выходит Wounded Healer. Заглавный трек вдохновлён барабанным кругом, во время которого болезненные воспоминания, скрытые в подсознании исполнительницы, всплыли на поверхность, и она увидела лица своих предков, увидела в их глазах глубоко укоренившуюся боль, которая мучила их, передаваясь от одного по-

коления к другому и, в конце концов, настала и её сама. Тогда Рунахильд поняла, что всё это время они жаждали заботы, принятия и любви. В этом суть «Раненого целителя». «Я пою жизнь, я пою свет», — поётся в Draum. Должна сказать, акустическая версия этой песни всё-таки нравится мне намного больше. Отдельно хочется сказать про барабан, который Рунахильд сделала специально для этого альбома. Он получил имя Veiviser (проводник). Много лет назад девушка получила в подарок от саамов из Северной Норвегии оленью шкуру, и вот, наконец, ей нашлось достойное применение. В социальных сетях Рунахильд поделилась, что пела во время изготовления инструмента, вкладывая в него надежду, любовь, исцеляющее преображение и то, что для неё представляется главной оленьей мудростью — быть частью большего сообщества и быть сильнее вместе. Всё это очень хорошо чувствуется не только при прослушивании данного альбома, но и во всей музыке Рунахильд в целом. Она действительно помогает погрузиться в недра собственного подсознания, понять себя, сконцентрироваться на своих чувствах, приносит покой и ощущение гармонии с природой, даже если вокруг не норвежские фьорды, а шумный город.

<https://runahild.com/home> — сайт исполнительницы, где можно найти потрясающие видео и фотографии природы.

105...

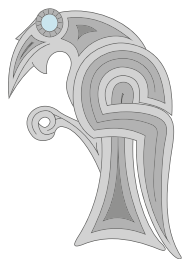

На фото две пушистые спутницы Рунахильд — это Беркана и Фригг, знакомьтесь! :)

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Норвежская сказка

Источник: <http://s-skazka.org.ua>

Дракон

Тысячелетиями лежит дракон на золотых сокровищах. Крылья его покоятся на королевских коронах, драгоценных камнях и сундуках, набитых блестящими кольцами. Зорки его огненные глаза, а пасть изрыгает пламя и дым. Лишь изредка выползает чудовище из своей пещеры, с шумом летит над морем, оставляя за собой дым и искры, как падающая звезда. У людей подгибаются колени от страха: только бы укрыться где-нибудь поскорее.

Немногие смельчаки отваживаются проникнуть в его пещеру, чтобы отвоевать сияющий клад. И никто не возвращается назад. Меч скользит из ножен... но его уже встречают скрюченные когти. Тлетворное дыхание дракона разъедает щит и приносит смерть. Выбеленные веками черепа героев становятся убежищем для змей и мышей.

Лишь время побеждает страшного дракона. Сон его раз от разу становится всё длиннее и длиннее. Сменяется не одно поколение людское, но вдруг появляется в небе дракон и снова предвещает войны, чуму и всяческие беды, вселяя ужас в сердца.

В наши времена дурные предвестия дремлют. Дракон стал преданием. Он спит тяжёлым смертным сном. Зияют его пустые глазницы, крылья бездвижны.

Вход в пещеру зарос кустарником и рябиной, а снаружи светло и солнечно. С моря веет лёгкий свежий ветерок, деревья и кусты волнуются и шелестят листвой. На ветке рябины сидит маленькая птичка и щебечет: «Фюить! Я так рада, так счастлива! На горном склоне свила я гнездо из травинки и былинки! Солнце освещает моё гнездышко, и шиповник раскрыл свой цветок прямо над ним! Фюить! Фюить!»

Морской змей

Споры и ссоры по поводу морских змеев никогда не прекращались. Кто-то при одном лишь упоминании о них смеётся в лицо рассказчику. Другие твёрдо стоят на своём, уверяя, что змей существует. И даже если сами не видели морского чудовища, то в запасе у них всегда найдётся их почтенный дедушка или ещё какой «достойный» старик.

Старый шкипер Ларсен — честный морской волк, который не зря носит свои сапоги, — до сих пор утверждает: «Говори что хочешь, отец, а я, чтоб мне провалиться на этом самом месте, видел его!»

...Лучше всего я могу представить себе морского змея на севере, где необъятные пустынные просторы дают разгуляться и взгляду, и мысли. Должно быть, он огромен. Я вижу, как голова его с разверстой пастью лежит где-нибудь у Рёста, крайнего мыса Лофотенских островов, а хвост кольцом обвивает Трэнэн, скалистый остров далеко в море. Здесь его, змея, родная сти-

хия — бесконечная туманная тоска, застилающая серым все, насколько хватает глаз.

Попробуй, выйди в море на своей лодчонке, земляной червяк! Печально и монотонно вздымаются и опускаются волны. Они захватят, увлекут тебя — ты почувствуешь себя пылинкой, падающей в этом глубоком тяжёлом дыхании. Мысль твою стянет железный обруч... Великое неукротимое море играет тобой, ты всего лишь пушинка, которую оно даже не заметит на своей могучей волнующейся груди.

И тогда ты ощутишь присутствие чудовища — морского кошмара, дремлющего на дне! И заржёшь в ожидании: вот-вот оно, покрытое слизью, извивающееся огромными петлями, вынырнет из глубин.

Предание гласит, что морской змей рождается на суше. Лежит крошечный змеёныш среди камней и корчится в страшной злобе. Тело его членистое и уродливое, как у древесной гусеницы, что заползает на ветви и пожирает листву. Пусть он ещё совсем маленький, но уже настолько зол, что бросается и кусает всё живое вокруг, и смертельный яд течёт из его пасти.

Змеёныш подрастает, нора его становится слишком тесной — и он рвётся на волю. Ползёт он по лесам и полям, от озерца к озерцу, и становится всё больше и всё ужаснее, вызывая страх и отвращение у других созданий. Но нет на земле ему покоя, везде ему мало места, без усталости движется он вперёд, от озера к озеру, глаза сверкают зеленым огнем, он извивается и жалит самого себя, подхлёстываемый вечным проклятием самого своего существования. И вот он видит море.

Огромное могущественное море притягивает его своей чудесной печальной песнью: «Иди ко мне, иди ко мне!» Там, в глубине, довольно места. В кипящей пучине вод находит он покой от жуткого дневного света, от острых солнечных лучей, жалящих, словно шипы.

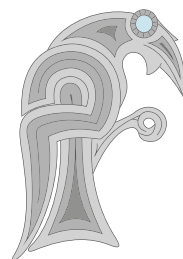
Там, глубоко-глубоко на морском дне, лежит змей... И растёт, растёт... Тело его, покрытое водорослями и тиной, тысячами растений и моллюсков, вытягивается на много миль.

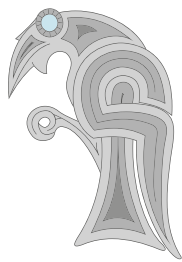
Слышали ли вы убаюкивающие однообразные звуки моря? Знаком ли вам ужас морских пучин?

Теперь змей стремится обратно, наверх. Хочет взбить море в пену, чтобы оно бурлило огромными волнами, разбивать вдребезги суда и рыбацкие лодки, приводить в ужас людей и зверей — превратить море в пустыню...

Создатель, защити нас от морского змея!

...Выйди в море на своей лодчонке в серый холодный туманный день! Пустота и одиночество натянут на тебя смирительную рубашку. Они научат тебя считать каждую упавшую песчинку в песочных часах твоей жизни... Вот тогда и примчится по бурлящим волнам кошмар морских пучин — жуткий морской змей!

Викинги: перед лицом Одина

Интервью с режиссером Александром Гелейшей

Беседовала: Ранхильд (Мария Юлина)

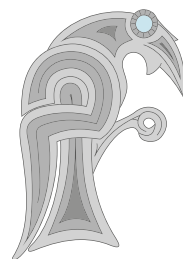
С Александр, здравствуйте! Прямо скажем, волнуемся сегодня особенно — шутка ли, настоящий режиссер настоящего фильма про викингов у нас в гостях. Мы несколько раз печатали новости о проходивших в Беларуси съемках и очень благодарны за возможность узнать подробности из первых рук. Но прежде всего, давайте с вами познакомимся. Расскажите, пожалуйста, нашим читателям несколько слов о себе. Как получилось, что мальчик из небольшого белорусского городка стал актером, каскадером и режиссером?

В 2010 году один из самых известных постановщиков трюков Каторжеко С.В. проводил отбор в команду каскадеров, и я решил попробовать свои силы. Как оказалось — не зря. Желающих спортсменов было много, отбор шел не один день и состоял из нескольких этапов. Тех, кто смог дойти до финала, ждал каскадерский семинар, где мы выполняли более опасные трюки — я смог пройти все испытания и в итоге попал в команду. Оказавшись на съемочной площадке, я понял, что хочу не только исполнять трюки, но и сниматься в качестве актера, и поэтому принял решение

поступить в Академию искусств — актерский факультет на курс Л.А. Монаковой. Не устаю благодарить судьбу, что попал именно к ней. У нее была сильная команда преподавателей из ее бывших учеников, одним из которых являлся С.Н. Тарасюк, которому я также очень благодарен за все, что он для нас сделал. В процессе учебы он заметил во мне режиссерские способности и посоветовал развиваться в этом направлении. Вот так и получилось, что уже на третьем курсе я написал свой первый сценарий и после чего успешно снял свой первый короткометражный фильм.

После окончания Академии я и мой коллега из каскадерской команды Алексей Олехнович решили снять небольшой видеоряд с элементами фэнтези. У нас не было ка-

кой-то определенной идеи, просто Алексей в то время занимался спецэффектами, и нам очень хотелось применить наши знания на практике. Мы сняли какой-то набор сцен, а потом все эти сцены попробовали объединить, чтобы получилась общая непрерывная картинка. После того, как мы загрузили этот ролик на ютуб, нам начали писать продюсеры. Такого поворота мы не ожидали — нам поступило около трех предложений по поводу создания фильма. После раздумий от всех предложений мы отказались, так как в дальнейшем решили снимать своими силами.

Прошел месяц, и нам написал Алексей Дубко — супервайзер по спецэффектам и отличный профессионал своего дела. Он работал над такими фильмами как «Коловрат», «Мафия», «Призрак», «Вратарь галактики» и многими другими. Алексей предложил нам встретиться и поговорить. На встрече он сказал, что посмотрел наш ролик, и посоветовал развиваться в этом направлении. Я поделился своими идеями снять одну сцену на тематику викингов, но Алексей Дубко ответил, что одной сцены мало, и предложил развивать сценарий хотя бы до короткого метра. Я подумал, а почему бы и нет, но не короткометражный

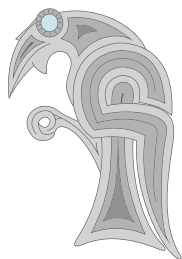
уже, а полный метр, предположил, что если каждый съемочный день снимать от одной до пяти минут фильма, то спустя некоторое время получится полнометражная работа, и решили все-таки готовиться к масштабному проекту.

Это было начало 2016 года, и мы с головой погрузились в работу. Пока я писал сценарий, Алексею Дубко и его команде предложили сразу несколько проектов, и в дальнейшем он не смог работать с нами. После того как мы провели кастинги, летние тренировки боев и закончили пошив костюмов, мы приступили к съемкам в декабре 2016 года. После съемок первого съемочного дня главный герой ушел с проекта из-за занятости в театре, так как это были предновогодние праздники, и в театре было много работы. Нам срочно пришлось искать нового актера на главную роль и переснимать этот день через месяц, уже в 2017 году.

Так и началась наша история съемок.

СВ «Не может быть!» — самое частое восклицание при просмотре трейлера фильма «Викинги: перед лицом Одина». Не может быть, чтобы бюджет фильма такого уровня составлял всего две тысячи долларов. Не может быть, чтобы весь реквизит и целая

деревня викингов были созданы руками всего двух человек. Не может быть. Или все-таки может?

Как раз-таки «все может быть, главное вера!» — с этими и только с этими словами нужно идти вперед. Идти очень аккуратно, обдумывая каждый шаг, уделяя внимание деталям и делая все так, как последний раз в жизни. У нас не было ни денег, ничего, в том числе и даже эти двух тысяч долларов! Все, что у нас было — сильное желание творить, и мы полностью погрузились в это дело.

Мы не умели шить костюмы и ничего толком про это не знали. Но мы с Лешей старались удивить друг друга, и каждый у себя дома начал экспериментировать с разными материалами, а потом встречались и показывали, какие костюмы и из какого материала сделали. Мы старались находить старые телогрейки, строительные робы, линолеум, ковровин и тому подобное и все это перешивали своими руками, а если необходимы были, например, заклепки, мы заказывали их на Алиэкспресс.

После того, как мы сняли половину фильма, мы начали придумывать локации, где нам снимать дальше. Алексей Олехнович предлагал какие-то нереальные декорации, которых у нас не было. Я в ответ только злился и постоянно повторял, что не надо тратить время

на эти разговоры: этих декораций у нас нет и не будет. И постоянно вспоминал слова своего педагога, который говорил, что нужно творить из того, что есть сейчас.

Так мы и продолжали снимать! Обычно все начиналось с шуток, когда мы все-таки позволяли себе немного помечтать: «А что, если бы мы построили один домик в деревне и сняли там сцену? Как бы было красиво и атмосферно! А если два, а если три...» И когда картинка стала вырисовываться, мы поняли, что пока идет время, можно ездить по выходным и просто делать локацию, и даже если не успеем ее завершить — она пригодится для будущих проектов. Но мы успели! Хотя работали в основном вдвоем с Лешей, иногда с нами выезжал наш друг Александр Носов, который сыграл одну из ролей в фильме. Проводили на стройке почти каждые выходные около года, кроме зимы, и вторую половину фильма снимали уже там.

Все расходы мы с Лешей делили поровну: покупали заклепки для костюмов, бензин на поиск локаций, еду и т.д. Еще были расходы на доски, но нам повезло, и какую-то часть нам привезли

люди, которые решили поддержать проект. Так и получилось за все 2000 долларов и даже меньше, мы немного округлили сумму, когда давали первое интервью.

Строительство поселения обошлось нам примерно в 1200 долларов, но в бюджет фильма эта сумма не вошла. После окончания строительства к нам обратились с просьбой об аренде на один съемочный день, и мы согласились, назвав сумму в 1400 долларов,

хотя знали, что аренда стоит дороже, но этого было достаточно, чтобы быстро отбить потраченную сумму.

С Почему вы решили снимать фильм именно про викингов? Не индейцев, не ковбоев, не древних славян, а именно викингов?

На самом деле, я думаю сейчас снимать и про индейцев, и про ковбоев, и про древних славян, но в то время мне хотелось снять просто красивую атмосферную драку в лесу, какую-нибудь засаду. Я думал об истории Давида Гродненского, государственного деятеля и полководца Великого княжества Литовского, одного из главных военачальников великого князя литовского Гедимина. Он не потерпел ни одного поражения в битвах с крестоносцами.

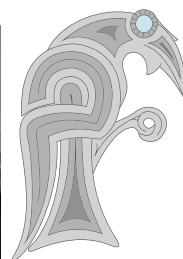
Вот о нем я хотел снять историю, но понимал, какие бюджеты нужны для такого рода исторического кино. Речь шла о нескольких десятках миллионов долларов, и реализовать такую задумку своими силами было практически невозможно, ведь до нас этого никто не делал. На самом деле тема викингов требует таких же бюджетов, просто на тот момент я сам еще не знал, что мы решимся снимать полный метр. Изначально мы планировали снять засаду в лесу и просто шили костюмы, похожие на разбойничьи. Одно повлекло за собой дру-

гое, слово за слово, так и родилась идея снять про викингов.

С Расскажите, пожалуйста, про сюжет фильма. Известно, что фильм одновременно и исторический, и с элементами фэнтези. Чего в нем все-таки больше: истории или фэнтези, есть ли у персонажей исторические прототипы? Как создавался сценарий? Бралась ли за основу эпизоды из саг?

Эта история об отце Рагнара, Сигурде Кольцо. Он был королем Дании VIII века, представителем скандинавского рода Инглингов, сыном Рандвера, внуком Радбарта, правнуком Скиры из Инглингов и Ивара Широкие Объятья из рода Скъельдунгов.

Я не могу назвать фильм полностью историческим, так как там много нераскрытых моментов. Описывая исторические события, приходилось предполагать, что могло повлиять на ту или иную ситуацию, чтобы это, в свою очередь, привело к определенным действиям. В фильме есть персонажи с историческими прототипами, но у меня не было задачи акцентировать сюжет на истории их жизни. Этим персонажей, возможно, никто и не узнает, так как в основном это нужно было для автора, чтобы создать героев и наполнить их глаза жизнью, чтобы актер мог погрузиться по-настоящему в предлагаемые обстоятельства. Я не мог на-

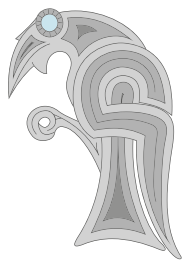

111...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

писать для персонажа какую-то небольшую сцену и просто сказать актеру сыграть. Нет, любая роль, даже маленькая, несет часть жизни, может, этого никто и не заметит, но в фильме у каждого героя есть прошлое — то, что он когда-то пережил.

С Привлекали ли вы исторических консультантов к съемкам фильма? Если да, и при этом консультант говорил, что «в девятом веке такого не было», но вам как режиссеру очень надо, чтобы было — что побеждало?

Я и сам понимал, что каких-то моментов могло и не быть, но мы изначально знали, что не претендуем на чисто исторический фильм. Постоянного консультанта не было, но при необходимости иногда обращались за профессиональной консультацией. И даже если обходилось без нее — это не значит, что позволяли себе делать все что угодно. Нет! Я старался все-таки придерживаться натуральности, если это было возможно сделать в наших условиях!

С Раз уж мы заговорили об историчности. Многие критикуют сериал «Викинги» (честно признаемся, и мы в их числе) именно за его неисторичность и за вольный пересказ сюжетов саг. А как вы относитесь к этому сериалу? Можно ли вообще снять на сто процентов исторически достоверный фильм про ту эпоху и при этом не потерять ни в картинке, ни в сюжете?

рится сейчас?! Везде только о них и говорят, инстаграм кишит языческими картинками и т.д. Реконструкторы сейчас критикуют сериал «Викинги», сами того не понимая, что именно этот сериал развил популяризацию этой темы среди всего населения земного шара! Историков и реконструкторов возмущают костюмы, прически и т.д., только они не задумываются о том, как продюсеры продумывали стратегию, чтобы заинтересовать людей, даже тех, кто вообще никогда не любил историю. И благодаря сериалу сейчас устраиваются различные масштабные мероприятия, фестивали, в клубы приходят новые добровольцы. Пусть у них и не совсем правильное видение, но если пришли, значит, их можно научить и со временем более глубоко погрузить в историю.

Самое главное в кино — чтобы история сохранилась, и главная задача режиссера — донести эту историю до современного зрителя! А чтобы современный зритель посмотрел, нужно подумать о том, как его завлечь. Поэтому и придумывается стилистика, образы, костюмы более брутальные и т.д. Это для того, чтобы привлечь внимание зрителя. А дальше — рассказать этим зрителям историю, что, мол, такое вот было!

К примеру, как реально было: вот убил викинг своего врага, забрал у него все серебро и уплыл на своем драккаре. Так и в кино: сняли бы вот это, и посмотрели бы единицы. А чтобы заинтересовать зрителя, нужно снять так, чтобы привлечь внимание.

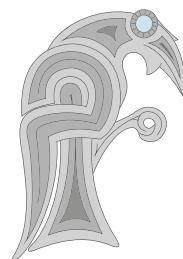

Вы знаете, однажды я от педагога услышал такую фразу: «Люди, которые не могут что-то создать сами, становятся критиками». В кино нужно быть не только критиком, а еще и продюсером, который знает, какой и в каком виде должен быть создан фильм, чтобы охватить как можно большую часть аудитории.

До сериала «Викинги» я не встречал ни пабликов, ни сообществ, ни людей, которые бы говорили о том времени, а что тво-

А теперь, как эту историю писали и превращали в Сагу: И вот вселился в него Один, и возвысился он над врагом своим, меч был настолько большим, что касался солнца, и от взмаха его поднялся ветер и положил всех недругов вокруг, и враг был побежден. Забрал он глаз Одина и, словно гроза, рассекая облака, умчался на своём змее.

А если еще пофантазировать, к примеру, над прическами, костюмами и какими-то дей-

ствиями, то становится еще интереснее. И вот уже внимание людей привлечено, история их заинтересовала, и пусть у них на первоначальном этапе неполные знания, зато после погружения в тему никуда не денутся, начнут разбираться! Главное, что задача продюсера и режиссера «популяризировать историю и охватить как можно больше людей» выполнена. В фильмах все так же, как и раньше, когда в сагах обычную историю несколько приукрашали.

Режиссер — это человек, который хочет, чтобы люди заинтересовались историей, но для многих это скучно, а режиссер-то знает, что они бы обязательно заинтересовались, если бы обратили внимание. Вот он и приукрашает некоторые моменты, выбирает такую стилистику, которая привлечет и удержит внимание людей.

Режиссер — это скальд, который сидит в таверне и рассказывает про конунга! Его задача — рассказать так, чтобы остальные прислушались, начали передавать эту историю дальше, начали восхвалять конунга и в будущем присоединились к нему. А обошелся бы скальд одной фразой «Вот убил викинг врага своего, забрал у него все серебро и уплыл на своем драккаре!», то, как думаете, многие бы это потом вспоминали? Может, единицы.

Поэтому скальд добавляет деталей, сравнивает конунга с Одним, фантазирует про змея. Уверен, при таком раскладе все захотят

узнать имя этого конунга и не из-за того, что он там на змее летал (все же понимают, что не летал), а чтобы присоединиться к нему в битвах и чтобы их также восхваляли как воинов, которые сражались плечо к плечу с таким легендарным королем.

Раньше зрителя было заинтересовать легче, можно было снять исторический фильм и впечатлить весь мир, но в современных реалиях это становится все труднее и труднее. Максимально достоверно воспроизвести события того времени, конечно, можно, но вопрос, будут ли смотреть... И тут еще и давление со стороны продюсеров, они все-таки тратят большие деньги на создание фильма, и их задача — получить максимальный охват аудитории.

Приведу пример. Вот переключаете каналы на телевизоре и видите две картинку. С самых первых секунд какая именно взяла бы ваше внимание?

Понятное дело, что, возможно, рекон-

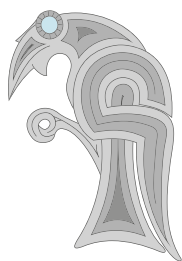

113...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

структор и выберет первую, но большая часть зрителей точно выберет вторую! А вот когда мы зрителя заинтересовали, можно уже рассказывать и саму историю «про то, что на самом деле хотели сказать», и эту историю зритель будет внимательно слушать.

С В одном из своих предыдущих интервью вы упоминали, что на съемках практически не работали с реконструкторами. Не могли бы вы рассказать, почему? Ведь, казалось бы, чего проще — кинул клич по реконструкторским клубам, и хирд в полной экипировке готов?

Да, все верно! Изначально мы планировали сотрудничать с одним из исторических клубов, и нам даже пообещали около пятидесяти человек в своих костюмах, но, хорошенько поразмыслив, я решил, что это достаточно рискованно. Потому что мы могли потратить много сил на организацию, распланировать съемочные дни, а люди, как это часто бывает, начнут отказываться в самый последний момент. А если к тому же кто-то засветится в кадре и еще будет нужен дальше по сюжету, то мы станем зависимыми, и нам придется подстраиваться под конкретного реконструктора. А вдруг он потом вообще передумает, так как для него съемки — это всего лишь хобби?

И тогда я позвонил в клуб и спросил, смогут ли они дать костюмы актерам, но мне отве-

тили: «Нет, нам их испачкают». И тут я пришел к еще одному выводу, о котором не задумывался: реконструкторы не дали бы вымазывать свои костюмы для фактуры в кадре. Не дай Бог, на одежду попадет грим, грязь и т.д.,

могут вообще потом обидеться и уйти, или отнять время из-за того, что на их дорогой костюм попал красный грим, а у нас планировались боевые сцены, набеги и т.д, без фактуры там не обойтись. К тому же не стоит забывать, что фестиваль и съемки —

это разные вещи. Многие реконструкторы не выдерживают съемок, так как там нужно делать дубль за дублем.

Алексей Олехнович мое решение отказаться от работы с реконструкторами поначалу воспринял не очень хорошо, но мои доводы смогли его убедить. Так что мы приняли решение начать создавать бутафорское оружие, щиты и костюмы из разного материала самостоятельно.

Когда пришло время, я все-таки обзвонил реконструкторов, с которыми договаривались работать, все называли даты, когда они свободны, и у каждого они были разные. И я понял, что таким образом целый проект не вытянуть, так как невозможно подстроить даты съемок для двухсот человек! Радовало, что к этому времени мы уже сами все подготовили, в том числе и восемьдесят костюмов, и я еще раз убедился, что решение сделать костюмы своими руками было правильным и мое чутье не подвело. Мы много раз сталкивались с тем, что люди, думая, что съемки уже закончены, писали в комментариях, что, мол, обратились бы к нам, мы бы вам все предоставили. А когда

я отвечаю, что съемки еще не закончены и мы будем рады любой помощи — появляется много вопросов и увиливаний. Поверьте, все варианты, что нам предлагали — мы все их перепробовали, прежде чем снимать.

Но стоит все-таки отметить, что был и позитивный опыт сотрудничества с реконструкторами. Во втором блоке съемок я познакомился с Сергеем Цехановичем и Евгением Сергейчуком, ребятами из

еще одного КИР эпохи викингов. Вместе они помогли организовать людей на одну из масштабных сцен в фильме на один из съемочных дней, за что я им очень благодарен.

С Еще одна цитата из вашего интервью: «Так как денег у нас не было, мы делали все из подручных материалов: линолеума, мешковины, кожи, кожзама и многого другого, что отдавали люди». Скажите, неужели действительно можно создать костюм пусть не исторический, но который будет хорошо смотреться в кадре, из простого линолеума?

Все можно сделать, главное желание!

Ведь кроме всего прочего, был еще один плюс от того, что мы шили костюмы своими руками. Когда мы только начинали, я предположил, что, скорее всего, в то далекое время каждый делал себе одежду сам, не считая богатых людей, разумеется. Или, если нужны были доспехи, то ими занимались специально обученные люди. В любом случае, мы шили без машинок — иголка, шило, нитки, кожаные шнурки. У нас нет четких ровных швов, и, на мой взгляд, мы делали все так, как это было в те времена, я не имею виду достоверность, а сам процесс. В процессе работы я представлял, что живу в той эпохе и сам себе шью одежду. Ведь когда холодно, то хочешь не хочешь, криво-косо, но создашь! И еще раз повторю, что костюмы у нас фэнтезийного варианта. Даже если очень постараться снять достоверный исторический фильм, то некоторые люди все равно найдут к чему придраться. Лично я считаю — это неправильно. Фэнтезийный костюм, безусловно, можно отличить от аутентичного, особенно если он сделан из линолеума, например. Но если костюм сшит из кожи и других натуральных материалов — то все уже не так однозначно. Ведь в те времена одежда могла быть и, уверен, была разной, а не только по образу и подобию тех экземпляров, которые смогли сохраниться до наших дней. Просто, если что-то не найдено, это не значит, что этого не было, а все, что нельзя опровергнуть, могло существовать.

В принципе, мы часто экспериментировали с разными материалами, рассказать и показать можно много чего. В начале проекта я был категорически против использования натуральной кожи и шкур из-за своих взглядов. Долго боролся сам с собой по поводу этого вопроса, и все-таки решил их использовать: но только не покупать, не поддерживать эту индустрию, а работать только с тем, что отдавали люди: ненужные кожаные вещи либо обрезки, которые хотели выбро-

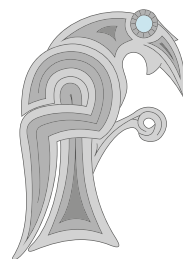
сить — вот из них и делали.

С Прически викингов — горячая тема для яростного обсуждения. Одни считают, что волосы, особенно на заре эпохи, брили только рабы, другие оперируют изображениями на монетах и сакральных камнях, среди которых нет-нет да и попадаются короткостриженные воины. Судя по трейлеру, вы сторонник именно второй точки зрения. Расскажите, пожалуйста, почему вы все-таки решили, что «лучшие воины» должны быть с модельными стрижками и выбритыми висками?

Мы не использовали модельные стрижки! Каждый брал ножницы или машинку и стриг себя сам. Моя задача была выделить каждого персонажа, чтобы он был ярким и запоминающимся. А по поводу причесок того времени — у каждого свое мнение. Ничего невозможно утверждать на сто процентов, почти также, как и по вопросам одежды. По нескольким находкам, которые удалось откопать, нельзя судить! Люди разные, как тогда, так и сейчас. Один лысый, второй выбритый, третий с длинными волосами. Уверен, что среди викингов также были люди, которые по своим собственным убеждениям выглядели так, как было лучше для них.

С Насколько трудно быть одновременно и режиссером, и одним из ведущих актеров? Можно ли сохранять объективный подход и к съемкам, и к своей игре в таком случае? Какая из этих ролей вам была больше по душе?

Мне приходилось быть не только режис-

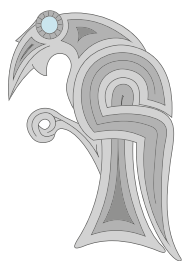

115...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№37

2022

Материал: Линолеум.

... 116

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

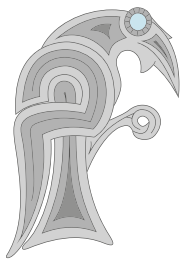

Материал: Ремни из женских сумочек.

*Материал:
чехол от сиденья Запорожца.*

№37
2022

Материал: Искусственная кожа.

Материал: Кожа.

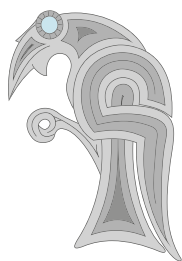
117...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37

2022

сером и актером, но еще и каскадером, дублируя актеров массовых сцен, а также постановщиком трюков и боевых сцен! Еще и организатором, иногда гримером, костюмером, а также декоратором, реквизитором и художником! Всем этим приходилось заниматься мне и Алексею, который дополнительно был еще и оператором, и осветителем. Все это, конечно же, трудно, но когда после съемок ты садишься в машину и вздыхаешь полной грудью, испытываешь огромное удовлетворение от того, сколько всего мы успели сделать. Мне, конечно же, нравится сниматься в качестве актера, но в данном случае я не разделяю и не выделяю что-то конкретное, но точно знаю одно: в кино я чувствую себя на своем месте, я нашёл себя и буду заниматься этим всю жизнь.

С А в целом есть ли у вас предпочтения — играть положительных или отрицательных персонажей? Были ли случаи на площадке, когда кто-то категорически отказывался играть злодеев?

Предпочтения конечно же есть — играть положительных персонажей.

Но чтобы актеры отказывались играть отрицательных персонажей, нет, такого не было в нашем фильме.

С Одному из ваших актеров пришлось поправиться на 20 килограммов ради съемок, другой рассказывал, что самые радостные моменты были, когда режиссер наконец-то говорил: «Снято, все молодцы». Скажите честно, вы строгий режиссер?

Кирилл Лыморев пришел на кастинг на пробы одного из ярлов и был утвержден именно потому, в какой форме он находился, и, естественно, по типуажу. После его утверждения мы сказали, что было бы хорошо добавить пару килограммов, отрастить бороду и волосы — Кирилл с этой задачей справился без проблем. Но после того как фильм был снят, через пару месяцев узнать Кирилла было тяжело, он настолько похудел, что я его таким никогда не видел. А по поводу «Снято, все молодцы» — человека, который это сказал, зовут Андрей Торканевский, он является доцентом кафедры библеистики и богословия Минской духовной академии. Андрей очень хорошо перевоплощался и сыграл эпизодическую роль, а также был постоянным актером массовых сцен, где каждый раз играл новых персона-

жей! Я его очень уважаю, и на протяжении всего этого времени он нас постоянно поддерживал. Но во время съемок я ко всем относился очень серьезно, а по окончании съемочного дня бывало такое, что просил извинения за то, что где-то накричал, но без этого никак. Андрей меня в этом плане понимал с полуслова, за что я ему очень благодарен.

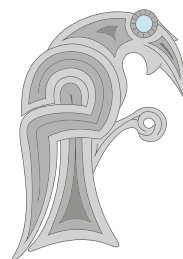
С Вы рассказывали, что съемки приходилось проводить в том числе и в экстремальных условиях. Какие это были условия?

Экстремальных условий было, конечно, много, в основном все они связаны с зимой. Это были съемки в −15..−20 градусов в лесу, с утра до ночи. В начале съемочного дня, пока по сугробам дойдешь до локации, уже промокали ноги. И так снимались целыми днями. А еще в один из дней мы забыли гидрокостюм для Алексея Олехновича, который еще играл одного из персонажей, и ему пришлось падать в реку в одной игровой одежде в примерно −10 градусов! Было около четырех дублей, и он справился с этой задачей. Также экстремальные условия были в +33 в чистом поле. И это в то время, когда все должны были быть одеты в теплые костюмы — у нескольких людей в итоге случился солнечный удар.

Еще вспоминается съемка на 26 часов, которую тоже выдержит не каждый, но мы справились. А еще для сцены в лесу мы построили лагерь, и чтобы его не разрушили, ночевали там в палатках, а утром выезжали в город на определенную точку сбора, чтобы забрать актеров.

С Какие отношения у вас сложились на съемочной площадке? Съемочную группу фильма «Викинги: перед лицом Одина» можно назвать практически семьей или все-таки прежде всего коллегами? Сложно ли сначала «и хлеба краюшку и ту пополам» (с), а в следующий миг требовать от друзей сделать дубль, и еще один, и еще, и еще?

Можно ли назвать нашу съемочную группу семьей? Конечно же да! Изначально люди были просто коллегами, а потом со многими

из них мы стали хорошими друзьями. Нам очень повезло, что на площадке оказались такие творческие и душевно хорошие люди, которых объединила наша идея. И даже сейчас, вне проекта, они дружат между собой, встречаются и отдыхают на разных мероприятиях, это не может не радовать.

Требовал ли я от друзей полной отдачи? Ну конечно же, да! Максимально серьезно, дубль за дублем, пока не получится то, что я хотел увидеть. Либо вытягивал максимально, на сколько был готов сыграть человек.

С Практически вся команда вашего фильма — это не профессиональные актеры и тем более не каскадеры. Сколько времени ушло на тренировки, прежде чем начали снимать первый серьезный бой?

Вопрос поставлен не совсем корректно, у нас было много профессиональных актеров. Таких как Руслан Чернецкий, Денис Авхаренко, Эрик Абрамович, Игорь Сеньков, Павел Адамчиков и т.д. Если были актеры не профессионалы, то они как минимум проходили десятимесячный курс по актерскому мастерству в киношколе, плюс я лично дополнительно с ними очень усердно занимался. И что значит «не каскадерами»?! У меня есть своя команда «ACTION SCHOOL», где я являюсь постановщиком трюков, и, естественно, моя команда была задействована там, где это было необходимо. Но я все-таки хотел, чтобы актеры максимально сражались сами, поэтому в летний период перед съемками фильма мы встречались в парке, и я их обучал, но это были какие-то базовые упражнения, а сами боевые сцены были сделаны в дни съемок.

С К слову, возможно ли снять фильм с батальными сценами и обойтись без травм?

Если это люди с опытом, то все проходит без травм, а если это актеры массовых сцен, то, словив в сражении кураж, они могут повредить себе либо партнеру пальцы, либо щитом ударить в голову — но это все незначительные детали. А из серьезных травм на площадке был лишь один случай, когда актер повредил ребро по своей вине. Ему дали инструкцию, что перед тем как он войдет в кадр и его толкнут с горы, он должен достать из-за пояса топор, так как при падении, если топор находится за поясом, сначала приземлится рукоятка

топора, а само топорище при ударе упрется в ребро. Он сказал, что все понял, но в кадр забежал с топором, заправленным за ремень, так и случилась травма! Когда я в образе толкнул его, он покатился и начал кричать, но я подошел и сказал, что плохо сыграл, вставай и давай повторим. На что он ответил, что повредил ребро, и признался, что проигнорировал технику безопасности, после чего съемки в этот день пришлось закончить раньше.

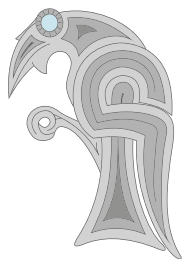
С На описание одной массовой баталии у вас ушло 24 страницы сценария. Всегда было интересно, а как расписываются такие сцены? Каждый из воинов четко знает какой рукой в какую сторону он будет махать в следующей момент или здесь важно знать только основную вводную, а дальше допускается некоторая импровизация?

Это неверная информация, на то время в эти 24 страницы входил не только бой, но и другие сцены. По поводу самого сражения, прописывается лишь сюжетная линия, которая происходит в бою, и некоторые важные детали, которые необходимы по сюжету. Постановка боя ставится игровым актером, а у актеров массовых сцен может быть много импровизации. Каждому из них дается небольшая связка, но, если не прозвучало слово «СТОП, СНЯТО», они начинают импровизировать.

С В мире есть много профессий, представители которых достаточно суеверные люди. А актеры — из их числа? Были ли какие-то необъяснимые или неожиданные события на съемочной площадке, особенно когда главные герои то и дело поминают северных богов?

Что было необычным, так это то, что даже актеры, которые не были связаны с этой тематикой, на съемочной площадке перевоплоща-

лись в своих героях и постоянно находились в своих образах! Разговаривали, шутили, мыслили, упоминали постоянно языческих богов, а в сражении часто выкрикивали импровизацию «ЗА ОДИНА» и мн. др. Конечно же, у нас на площадке были и те, кто реально посвящает этой теме все свое время, живут этим и верят в это.

Да и сами мы начали следить за языческими праздниками, в один из таких дней мы сделали макет драккара и сожгли его возле реки.

С трудностями пришлось столкнуться лично мне, когда я прописывал одну из сцен. Я верю в то, что если мы создаем персонажа, он живет в этом мире, просто в том образе и с той судьбой, которую мы ему создали. Поэтому я очень долго решался на один эпизод, я не хотел быть тем, кто создал такую судьбу! Этот момент я пока что не могу раскрыть, думаю, о нем можно будет поговорить после выхода фильма.

На протяжении создания этого фильма также происходило много необъяснимых моментов. Но если даже происходило что-то плохое, это все в итоге было к лучшему, абсолютно все. Если мы сталкивались с какой-то неразрешимой трудностью, мы не говорили, что все, конец съемкам. Мы были уверены, что это к лучшему, сидели и думали, а почему к лучшему, что должно произойти и где эти самые плюсы. Так и получалось, что в итоге, когда мы все-таки решали эту проблему, все становилось в два раза мощнее, и мы понимали, почему это происходило. И это не единственный случай, такое постоянно случалось на протяжении пяти лет.

Еще из необычного: много странностей происходило на локации поселения викингов, которое мы построили. Там был круг идолов с изображениями богов, а через дорогу от построек находился дом, где мы ночевали. И каждую ночь, пока мы там были, мы слышали сильный гул, как будто на локации поет девушка! Однажды вечером

я позвонил сестре и попросил сфотографировать локацию и круг идолов, после чего она прислала фотографии, позвонила мне и сказала, что боится там ходить. Она рассказала, что после того как сделала фото и направилась в сторону дома, на локации ей кто-то наступал на пятки. Сестра живет недалеко от того места, она говорит, что часто слышит, как там поет девушка, и вдалеке виднеется белое движущее пятно.

Кстати, в этом кругу один из идолов посвящен богине Фрейе, с ней тоже была история! Мы с Лешей приехали на два дня вести работу над локацией, и вечером Леша пошутит в сторону идолов, сказал, что Фрейю из дерева сделали не очень. Я тогда тоже отшутился и сказал: «Ты так не говори при ней». На следующее утро у Леша случился острый тонзиллит! После этого случая, находясь на локации, он теперь всегда хвалит всех богов))).

С Саундтреком к трейлеру звучит потрясающе красивая композиция *Uźniasieńnie* белорусского проекта *Dzivia*. На наш взгляд — это один из самых удачных саундтреков из всех возможных. Планируется ли использовать музыку *Dzivia* и в озвучке самого фильма?

Да, мы сотрудничаем с Dzivia и планируем использовать их музыку, но также будут и другие композиторы.

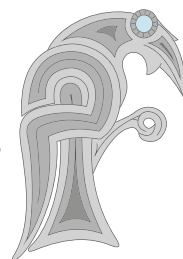
С И самый ГЛАВНЫЙ вопрос: когда планируется выход фильма? Была ли успешной ваша краудфандинговая кампания по сбору средств для постпродакшена? Нужна ли помощь сейчас?

Мне всегда советовали сделать краудфандинг по сбору средств для фильма, мне эта идея не нравилась, но после того как начался постпродакшн, я подумал, что это могло бы ускорить процесс работы и быстрее выпустить фильм. Пожалел уже тысячу раз, что вообще связался с ними и потратил много своего времени. С помощью неравнодушных людей, кто решил поддержать фильм, получилось собрать в итоге 800 долларов, но так как изначально поставленная нами в качестве цели сумма не была собрана, все деньги вернулись обратно спонсорам.

По поводу выхода фильма, это пока сложный вопрос! Могу лишь сказать, что закрытый показ для всех, кто принимал участие в создании фильма, состоится приблизительно в конце августа, а дальше все будет зависеть от продвижения и от того, на каких площадках его будем показывать.

С Александр, спасибо огромное за интервью! Мы с огромнейшим нетерпением ждем выхода фильма и желаем Удачи всей съемочной группе!

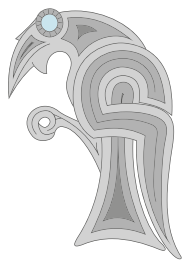
Спасибо вам. Я старался ответить на все вопросы, но рассказать все подробности на двух страницах просто невозможно. Когда-нибудь я напишу об этом книгу «Как создать фильм своими силами с нуля» (улыбается). У нас есть много отснятого материала о том, что происходило за кадром во время подготовки к съемкам и самого съемочного процесса. Фильм о фильме выйдет после премьеры.

121...

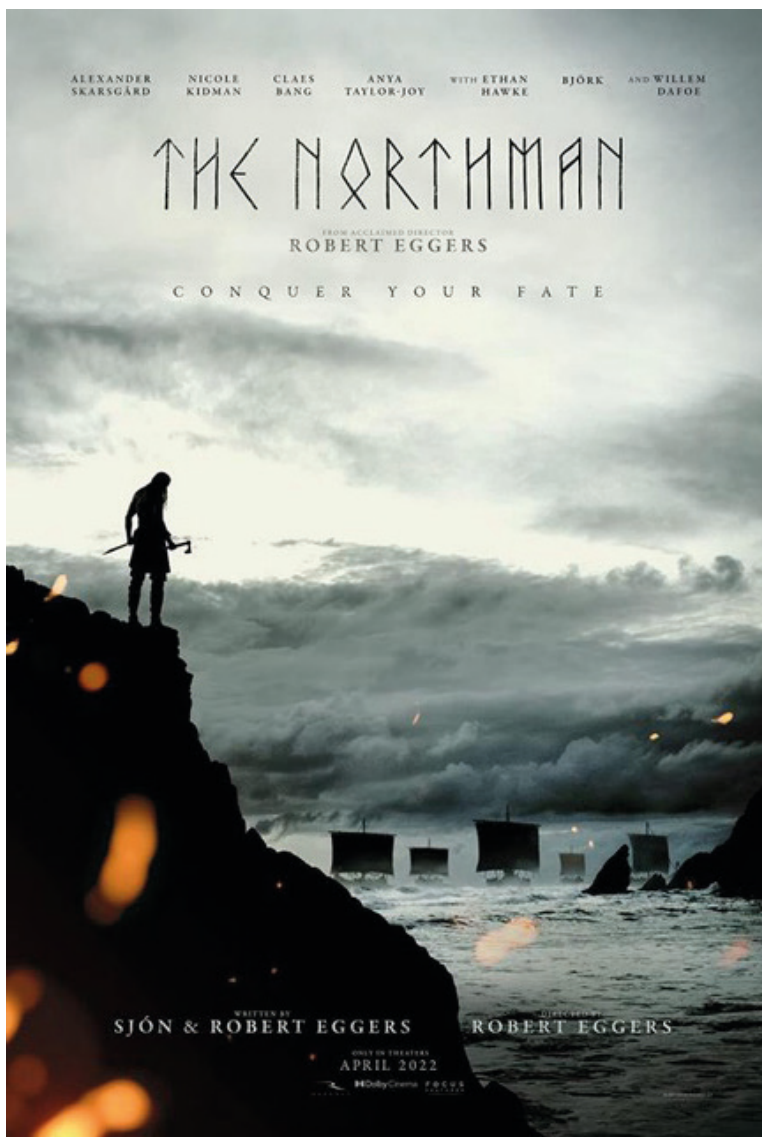
С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Настя Зимова

Субъективно о фильме «Варяг»

очень тщательно вплетены многочисленные сюжеты саг и мифов.

Я не буду подробно останавливаться на сюжете. Уже факт того, что в основу сценария положены легенды из «Деяний датчан» Саксона Грамматика о датском принце Амлете – прообразе шекспировского Гамлета – сам по себе многое сообщает осведомлённому зрителю, ведь история Гамлета пересказана в мировой культуре множество раз.

Я попытаюсь в этой статье перечислить те моменты, которые мне показались наиболее важными с точки зрения скандинависта.

Костюмы и предметы быта

Одежда средневековых скандинавов показана очень достойно. В отличие, например, от заключительного сезона сериала «Последнее королевство», где все персонажи одеты в нечто кожано-шерстяное в чёрно-коричнево-серой гамме и потому совершенно

неотличимы друг от друга, в «Варяге» знатные люди носят яркие крашенные одежды, отделанные тесьмой, и дорогие ювелирные украшения, а рабы совершенно аутентично ходят в простых некрашенных рубахах.

Обряды

Святынища богов показаны с очень большим вниманием к деталям. Статуи богов явно сделаны по текстовым описаниям Адама Бременского и найденным в Швеции фигуркам, например, статуя Фрейра, перед которой несколько раз по ходу фильма совершаются

Вышедший недавно фильм Роберта Эггерса «Варяг» (The Northman) станет, безусловно, событием для каждого, кто интересуется Скандинавией раннего Средневековья. По трейлерам и постерам может создаться впечатление очередного типичного голливудского блокбастера, однако впечатление это окажется ложным. Вместо эпических сражений и захватывающих походов викингов зрителя, в первую очередь, ждёт история личности. Судьба человека, пережившего предательства и потери, история души, которую разъедает жажда мести, и, что особенно интересно для нас, это рассказ, в который

жертвоприношения, имеет, как и описывалось в источниках, огромный фаллос. По сути, борьба между стремящимся к мирной жизни конунгом и воином-берсерком, последователем культа Одина, является одним из важных мотивов в фильме.

В фильме подробно показаны берсерки и ульфхеднары: сначала их ритуальный танец с оружием у костра, в ходе которого воины рычат, подражая хищным зверям и доводя себя до иступления, затем то, как они в авангарде войска викингов нападают на славянское поселение, бесстрашно бросаясь полуголыми на вооружённых противников. Всё снято будто в точности по текстам Снорри о воинах Одина: «...и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда». (Сага об Инглингах).

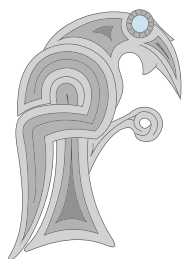
Заметно, что фильм старательно пытается передать особенности магического мышления средневековых скандинавов: реальность и миф соседствуют друг с другом, и грань между ними очень зыбкая.

Саги

И далее по ходу просмотра ощущение того, что снимали в точности по текстам саг, не покидает зрителя. Несомненной изюминкой фильма стала сцена поединка главного героя с драугром в могильном кургане. Амлету нужно добыть меч, похороненный вместе со своим хозяином в кургане. Спуск героя под землю ради сокровища и битва с ожившим мертвецом – это распространённый мотив исландских саг, и в фильме этот эпизод будто в точности снят по тексту Саги о Греттире. «Спустился Греттир в курган. Там было темно и запах не из приятных. Он старается разве-

дать, что там такое. Ему попались конские кости. Потом он ударился о столбы седалища, и оказалось, что на седалище сидит человек. Там была сложена груда сокровищ – золото и серебро, а под ноги ему поставлен ларец, полный серебра. Греттир взял все эти сокровища и понес к веревкам, но в то время как он шел к выходу из кургана, кто-то крепко его схватил. Он бросил сокровища, и они кинулись друг на друга и стали биться ожесточенно. Все разлеталось у них на пути. Могильный житель нападал свирепо. Греттир все пытался ускользнуть. Но видит, что от того не уйдешь. Теперь оба бьются нещадно. Отходят они туда, где лежат конские кости. Здесь они долго бьются, то один упадет на колени, то другой. Все же кончилось тем, что могильный житель упал навзничь со страшным грохотом». И отрадно, что совсем краткая, но такая важная деталь, как прикладывание головы мертвеца к его ляжкам, тоже показана в кадре. «Греттир же выхватил меч Ёкуля и, ударив могильного жителя по шее, срубил ему голову и приложил ее к ляжкам». Неосведомлённые зрители, возможно, удивятся такому и сочтут это глупостью, но мы-то с вами знаем, что древние исландцы верили – только после этого ритуала мертвец никогда больше не сможет ожить.

Фильм, вне всяких сомнений, эпичен. Я не смогла бы ответить на вопрос, понравился ли он мне – в первую очередь потому, что фильм, как и его герои, демонстративно не пытается понравиться зрителю. Показанная история словно выше этого – она течёт на экране своим чередом, не стремясь развлечь. Фильм не боится быть странным, запутанным, местами отвратительным, но, в любом случае, это большое событие в мире кинематографа, и я благодарна его создателям за то, что теперь у нас есть столько сюжетов, образов и конкретных цитат из саг, переложенных на язык кино.

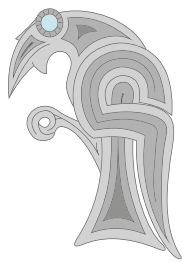

123...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р

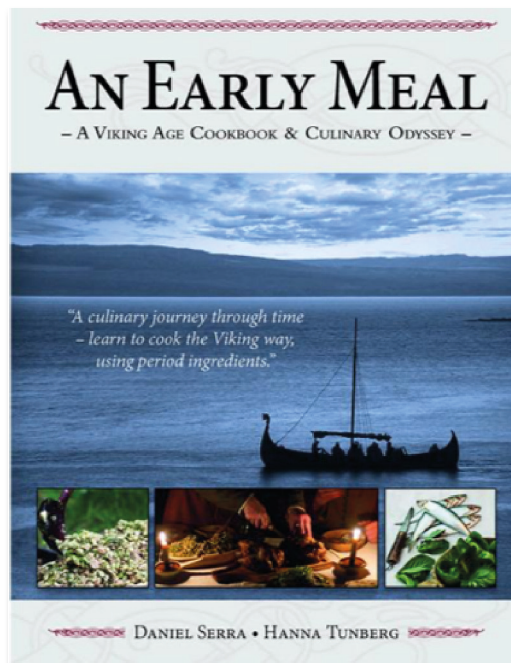
№37
2022

Даниел Серра,
Ханна Тунберг.
Перевод: Ранхильд
(Мария Юлина)

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Продолжение.

Начало Северный ветер, 30–36 номера.

Культура питания

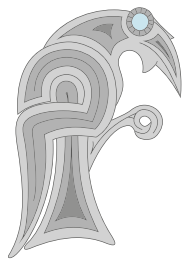
Практически ни одно описание праздничного застолья того времени не обходится без упоминания пива и медовухи. И хотя пиво, употребляемое в повседневной жизни, по вкусу было довольно слабым и кислым, его праздничные варианты были и слаще, и крепче. Если судить по сагам и хроникам, эпоха викингов была буквально пропитана культурой крепких спиртных напитков. И хотя в «Речах Высокого» нам советуют избегать чрезмерного употребления алкоголя¹, герои многих саг, судя по всему, к этим советам не прислушивались. Однако не стоит думать, что делалось это исключительно ради демонстрации своего пренебрежения к установленным рамкам поведения. Часто алкоголь выступал больше как символ, нежели как горячительный напиток: его употребляли для закрепления достигнутых договоренностей на свадьбах, для установления неформальных связей между гостями и во время сезонных праздников в качестве ритуального подношения богам. К слову, использование алкоголя как одной из составляющих

¹ *Меньше от пива
пользы бывает,
чем думают многие;
чем больше ты пьешь,
тем меньше покорен
твой разум тебе.*

Старшая Эдда. Речи Высокого (здесь и далее прим. переводчика).

сделки дошло и до наших времен. Достаточно вспомнить личный опыт автора, полученный им на археологических раскопах в Румынии, когда в процессе неофициального обмена валюты, сливовица в стаканах магическим образом никогда не заканчивалась.

О далеко не последней роли алкогольных напитков на праздниках свидетельствуют и способы их подачи и сервировки. На больших пиршествах для напитков накрывался отдельный стол, который не убирался еще долгое время после окончания трапезы. В сагах и мифах повествуют о женщинах, разносящих гостям чаши и кубки с алкоголем². И хотя археологические находки, безусловно, слабые помощники в реконструкции подобных ритуалов, определенные сведения можно получить, изучая амулеты, золотые фигурки, орнаменты камней из Готланда и искусные резные украшения позолоченных кубков и чаш.

Сервировка

Как известно любому хорошему хозяину или хозяйке, важен не только вкус блюд, но и их оформление. К сожалению, наши знания о способах сервировки еды в эпоху викингов достаточно скудны, но некоторые подсказки, проливающие свет на эту тему, все же присутствуют в сагах и археологических находках. В отличие от готовки, которой, судя по всему, могли заниматься как мужчины, так и женщины, сервировка (по крайней мере в обычной жизни) была исключительно заботой хозяйки дома. При дворах ярлов и королей эту роль могли брать на себя поварята или слуги. Ну и совсем уж в исключительных случаях подавать еду мог и хозяин дома. Правда, случаи действительно должны были быть из ряда вон, такие, как, скажем, визит короля. Об этом рассказывает одна из саг, описывая историю уважаемого ярла, собственноручно подававшего еду королевской особе.

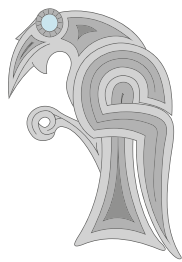

За исключением знаменитых кубков необычной формы³, большинство дошедших до нас предметов сервировки эпохи викингов были найдены в норвежских захоронениях. Мы уже говорили о том, что в сагах периодически встречаются описания ритуалов, связанных с напитками, но вот информации о сервировке еды в источниках не в пример меньше. Согласно сагам и более поздним традициям, места за столом не занимались случайным образом. Рассадка гостей учитывала много факторов, в том числе от места за столом зависело сколько и какой еды будут по-

2 *Христ и Мист
пусть рог мне подносят,
Скеггёльд и Скёгуль,
Хильд и Труд,
Хлёкк и Херфьётур,
Гейр и Гейрёлуль,
Рандгрид и Радгрид
и Регинлейв тоже
цедят пиво эйнхериям.*

Старшая Эдда. Речи Гримнира.

3 Речь, по всей видимости, идет о стеклянных кубках, найденных в захоронении Бирки (Швеция).

давать гостю. Это был своеобразный способ указать на иерархию приглашенных. Не стоит также забывать, что гости, сидящие вместе, делили между собой не только еду и напитки, но и нередко на тех же скамейках укладывались вечером спать. Один из популярных сюжетов саг — это описание героя, занимающего на празднике место рядом с группой людей, которые впоследствии станут его лучшими друзьями или, наоборот, заклятыми врагами.

Еда подавалась на всевозможных подносах, мисках и больших тарелках. После того как стол был накрыт, еду накладывали как в свою тарелку, так и (реже) в общую — для всех, кто сидел рядом. Экземпляры посуды (декорированные бадьи, корыта, подносы и т.д.) были найдены в Осеберге и других норвежских захоронениях. А вот столовые приборы (за исключением ножей, которые встречаются в захоронениях повсеместно) — довольно редкие находки в археологии. До нас дошли причудливые диски и несколько ложек, удивительно сохранившихся, несмотря на то, что были сделаны из дерева. Вероятнее всего, каждому гостю сервировались свои приборы для еды, и лишь изредка непосредственные соседи по столу могли использовать их по очереди.

Рассуждая о посуде и столовых приборах, всегда следует иметь в виду, что большинство деревянных изделий просто физически не могло сохраниться до наших дней. И поэтому есть вероятность, что наши умозаключения о средневековой сервировке — это современный взгляд на то, что с нашей точки зрения является едой и что посудой. А меж тем, в некоторых источниках (возможно, об этом говорится и в «Песне о Риге») упоминается, что хлебные лепешки использовались как импровизированные тарелки. Однако, основываясь только на археологических находках, подтвердить или опровергнуть данную гипотезу по очевидным причинам невозможно.

Та же проблема возникает и при попытках описать манеры поведения за столом — практически ничего невозможно утверждать на сто процентов. Однако некоторые выводы все же можно сделать. Поскольку вилка полностью войдет в обиход гораздо позже (лет через 500–600), еду ели ложкой, ножом и пальцами. Как мы уже упоминали ранее, самым распространённым способом приготовления пищи была варка, а значит, ложку смело можно назвать наиболее часто используемым столовым прибором. Форма ложки варьировалась от плоской деревянной лопаточки до той, к которой мы привыкли и сейчас. Ножи использовались для мясного ассорти и хлеба. На званых пирах мясо, как и другую еду, чаще всего подавали не одним куском, а делали нарезку. Вполне вероятно, что в этом случае ложка и нож дополнялись использованием нескольких пальцев.

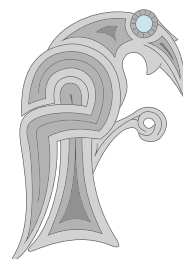
Как упоминается в «Песне о Риге»⁴ и других сагах, столы во время праздников покрывались скатертями, а стены украшались искусными гобеленами. И хотя ни одна скатерть среди археологических находок обнаружена не была, в Осебергском захоронении найдены прекрасные примеры гобеленов той эпохи.

Продолжение следует...

4 *Мать развернула скатерть узорную, стол покрыла тканью льняной, потом принесла, положила на скатерть тонкий и белый хлеб из пшеницы.*

Песнь О Риге. Старшая Эдда.

«ВИКИНГИ»

Серия «Тайны истории»,
«Манн, Иванов и Фербер»,
Москва, 2021 год. 288 стр., илл.
Перевод с английского Ольги Быковой.

Геден Янг, журналист,
публицист, рецензент

Вспыхнувший уже довольно давно на Западе, а несколько лет назад и в России интерес к истории, культуре и мифологии легендарных скандинавов — викингов — не утихает и поныне. И поддерживается как развлекательной индустрией: книгами, фильмами, сериалами и компьютерными играми, — так и научными исследованиями. Впервые вышедшая в прошлом году на русском языке книга «Викинги» — одно из популярных тому свидетельств. Под популярностью я разумею прежде всего формат книги — это огромное количество — почти на каждой странице — цветных иллюстраций с лаконичным описанием. Но это не только описание, а ещё и краткий экскурс в историю и культуру викингов. Можно сказать, это комментированный альбом или иллюстрированный справочник, не суть важно.

Книга разделена на три исторических периода — «До- и ранняя викингская эпоха (ок. 550–899 гг.)», «Средняя викингская эпоха ((ок. 900–999 гг.)» и «Поздняя и поствикингская эпоха» (ок. 1000–1500 гг.)». Таким образом, издание повествует о своих героях исторически возможно более полно, охватывая как их предысторию, так и следующие за собственно эпохой викингов её отзвуки в истории Северной Европы.

В чём уникальность издания? Авторы говорят, что «через артефакты повседневной жизни эта книга рассказывает совершенно новую историю. Такие вещи редко позволяют проследить судьбы влиятельных личностей или политические изменения (хотя и расширяют наше понимание того, как народ к этим изменениям приспособивался). Зато они много говорят о ритме повседневной жизни, о том, как представители разных социальных и экономических групп выстраивали быт». Да, большинство иллюстраций действительно показывают читателю быт скандинавов в то осевое для Европы время.

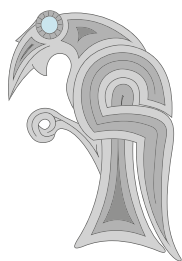
Любопытно и то, что авторы относятся к теме по-научному критически, что для непросвещенного обывателя может быть непривычным.

Так, они заявляют, что «во многом эпоха викингов — лишь удобная выдумка, искусственный концепт». Да, «в широком смысле под ней понимается период с конца VIII до середины XI века, однако точную дату её начала и завершения определить невозможно». Так же обстоит дело и с географической локализацией — хотя в основном речь идёт о современной Скандинавии и Северной Европе, культурное влияние или как минимум экспедиции викингов простирались гораздо дальше — от восточного побережья Северной Америки до Руси и Средиземноморья.

У авторского подхода есть ещё одно

127...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й
В
Е
Т
Е
Р№37
2022

ноу-хау, посредством которого они пытаются ответить на вопрос: «Что делало этот мир цельным» во времена бесконечных войн, раздробленности и торговли? По их мнению, это трансформация, постоянные изменения в политике, экономике и религии, происходившие благодаря постоянному взаимодействию с множеством народов. «Мы рассмотрим, как сама материальная культура менялась в течение эпохи викингов, начиная с железного века Скандинавии (мира, из которого вышли викинги) и заканчивая Средними веками (миром, который викинги помогли создать)».

Итак, что же особенно интересного, оригинального, красивого и удивительного из мира более чем тысячелетней давности демонстрируют нам авторы книги? Упомянем некоторые любопытные артефакты, а заодно и соображения авторов.

Например, краткое введение к первой главе в качестве символа эпохи викингов открывает фото хорошо сохранившегося меча, а также листа «Англосаксонской хроники» 890 года и реконструкции дома вождя в Норвегии. Авторы задаются вопросом — что заставило бывших торговцев стать грабителями? Должен сказать, что объяснение их недостаточно убедительно, они и сами озвучивают альтернативные сугубо меркантильным интересам предположения — «они получали бы в разы больше от сбора налогов или владения землёй на родине». Эшби и Леонард считают, что военно-грабительские набеги служили прежде всего укреплению вертикали власти, как сказали бы сегодня. «В обществе с очень хрупкой иерархией успешная заграничная кампания вполне способствовала росту авторитета вождя. Кроме того, экзотическая добыча, вероятно, представляла особую ценность: её можно было использовать в качестве даров для заключения союзов и обеспечения лояльности». Что ж, возможно, дело именно в этом, тем более что и к сегодняшнему дню мало что изменилось. Да, оружейные артефакты представляют значимую долю представленных в книге находок. Помимо мечей настоящих, «знаков власти, высокого статуса и мужественности», в книге представлен игрушечный деревянный меч — возможно, тренировочное оружие. Примечательно, что найдена игрушка в торговом поселении Старая Ладога на территории России. Есть и игрушечная лодка длиной всего 37 см из Дублина XII века. Несколько прекрасно сохранившихся шлемов демонстрируют отсутствие каких-либо намёков на пресловутые голливудские рога. Иные артефакты: кожаные ножны для типичных ножей раннего средневековья — сак-

сов, сами саксы, наконечники копий и стрел и легендарные топоры. И, конечно, остатки кораблей достаточно хорошей для полной реконструкции сохранности.

Однако куда больше в книге разнообразных украшений — прежде всего модных в раннюю эпоху викингов фибул, которыми состоятельные скандинавки закалывали лямки туник. Под стать достатку и статусу фибулы были прекрасными образчиками ювелирного искусства раннего средневековья. Их изготавливали преимущественно из медных сплавов и железа, инкрустируя драгоценными металлами и камнями, украшали зооморфными и геометрическими орнаментами. Другие популярные украшения — кулоны в виде мифологических персонажей. Валькирии, воины, боги или просто люди. Амулеты в виде молота Тора — ещё один распространённый мотив среди находок, есть и множество других талисманов. Нередко встречаются кольца и ожерелья из разноцветных бусин, монет и полудрагоценных камней, серебряные серьги и ожерелья. Разнообразные серебряные браслеты зачастую служили викингам в буквальном смысле подручной, а точнее наручной валютой. В ювелирных украшениях бросается в глаза одна интересная деталь — несмотря на зачастую мелкие размеры изделий, иногда в несколько сантиметров, умельцы умудрялись украшать их искусными узорами, рисункам и антропоморфными и звероподобными образами. Можно упомянуть как характерный пример скульптурку высотой всего 2 см. Она изготовлена из серебра с чернением и позолотой, а центральную фигуру, изображающую, предположительно, Одина на троне, сопровождают волчьи головы и вороны. Или позолоченное украшение в виде головы животного длиной 3,3 сантиметра!

Посвященная средней, то есть основной викингской эпохе, глава открывается краткой справкой о городах и торговле скандинавов. Авторы приводят следующую аналогию: «Если ранняя эпоха викингов была чем-то вроде Дикого Запада в условиях раннего Средневековья, то из семян, зароненных в следующие сто лет, выросло средневековое европейское общество». Однако, несмотря на усиление торговли, интенсивные путешествия и стремительный рост городов, авторы не рискуют называть этот период устойчивым и стабильным. На всём его протяжении шла бесконечная борьба за власть и передел земельной собственности как в Англии, так и в самой Скандинавии. При том экономика Скандинавии росла благодаря английскому серебру, или «выкупным деньгам», а также ин-

тенсивной торговле с востоком и экспансией на Запад.

Этот, как и два других раздела книги, изобилует изображениями многообразной хозяйственной и промышленной утвари, обуви и одежды скандинавов и народов, с которыми они тем или иным образом контактировали. Здесь, например, нитяной носок X века из английского Йорка; железная сковорода оттуда же и той же эпохи; окованный железом дубовый матросский сундук, служивший одновременно сейфом и скамьёй для гребца. Примечателен кожаный башмак на правую ногу, «по сегодняшним меркам миниатюрную». Бытовую утварь представляют замки и ключи, кресала, «совершенно незаменимые в быту», кожаные сумки и кованые булавки. А в поселении Л'Анс-о-Медоуз на острове Ньюфаунленд найден целый берестяной короб! Досуг скандинавов представлен костяными коньками и принадлежностями для настольных игр – игральными досками и костями. Или изобразительным искусством — например, эскизным портретом на камне. Одна из уникальных находок — самшитовая флейта.

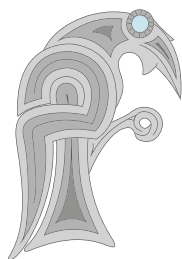
Были популярны разнообразные, нередко миниатюрные шкатулки — как языческие с соответствующей символикой, так и христианские реликварии, сделанные из кости, оленьего рога, дерева и металлов.

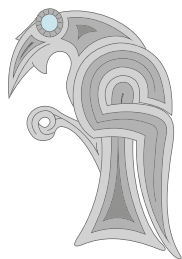
Кухонная и прочая обиходная утварь и посуда представлена по большей части множеством сосудов — медные ковши, стеклянные, керамические и металлические кувшины, сосуды и кубки из драгоценных металлов. Резные узорчатые ложки из дерева и кости были обычным столовым прибором в эпоху викингов. А вот вместо привычной нам керамической посуды скандинавы вырезали сосуды и столовые приборы из «мыльного камня» — талькоперита. Интересен деревянный (дубовый) лоток для слива молочной сыворотки, датируемый концом X–XII веком. Есть и еловая бочка более двух метров высотой, вероятно, для перевозки вина, и знаменитое «ведро Будды», получившее своё название благодаря изображению на креплении ручки. «Вполне простительно связать стилизованную сидящую фигурку, украшенную разновидностями свастики, с Южной Азией, однако этот орнаментальный стиль наиболее близок ирландскому искусству», развеивают легендарный ореол авторы.

Третий раздел книги рассказывает и показывает закат эпохи викингов. С одной стороны, они осуществляли экономическую экспансию и расселялись в западном на-

правлении — в Исландии, Гренландии и даже в Северной Америке. С другой стороны, грабительские набеги викингов фактически сошли на нет. «Главным катализатором перемен послужили усиление центральной власти и новая «городская» религия», считают Эшби и Леонард. Да, к 1000 году короли Дании, Швеции и Норвегии приняли христианство, а «в Скандинавии эта религия неразрывно связана с урбанизацией и централизованным управлением». А после Нормандского завоевания викинги перестали быть военной угрозой. Развитие скандинавских стран определяли христианство и монетарная экономика. Однако «наследие викингов сохранялось в нормандских потомках Роллона, в поселениях Гренландии и Исландии, а также во владениях оркнейских ярлов».

Завершу обзор религиозными артефактами, в разнообразии представленными в книге. Помимо упомянутых молотов Тора, христианских реликвариев и языческих и христианских мотивов в орнаментах изделий, существует и немало других оригинальных произведений искусства. В первую очередь, это многочисленные рунические камни, в многообразии и поныне существующие в скандинавских землях и многожды и подробно описанные. Это различные фигурки богов, мифологических персонажей и героев – обычно Одина, Тора, Фрейра и валькирий. Многие из них, принадлежа к синкретической эпохе переходного от язычества к христианству периода, неоднозначны. Такова фигурка Тора из медного сплава высотой 7 см датируемая 1000 годом. «Фигурку считают олицетворением Тора — скандинавского бога грома и молний, владельца легендарного молота Мьельнира. Однако она с той же вероятностью может быть держащим крест Христом во славе – стиль работы характерен для периода, последовавшего за принятием христианства. Фигурка представляет собой отличный пример синкретизма, в значительной степени присущего искусству древних скандинавов», — сообщает описание. Другой исключительный пример такого синкретизма — прорезной топор (бродекс), украшенный крестом — то есть прорезью в форме креста! Авторы поясняют: «Возможно, топоры использовали в бою – облегчённая конструкция лучше бы подошла для этих целей, но не стоит отмечать версию об их символическом или ритуальном назначении. Сочетание христианской и военной иконографии может показаться необычным, но не стоит забывать, что обращение в новую веру не всегда достигалось мирными средствами. И топор, и крест

в итоге символизировали силу и влияние».

Собственно христианские артефакты тоже примечательны как своей оригинальностью, так и искусностью мастеров. Таково керамическое пасхальное яйцо X–XI веков из Швеции, по мнению авторов, привезённое из Киевской Руси. Оригинален крест с руническими надписями поствикингской эпохи (XIII–XIV в.). Прекрасно миниатюрное серебряное распятие из Швеции, украшенное изысканной филигранью и датированное X веком, по-своему неплох и более незатейливый, совсем миниатюрный — 1 см в ширину — кулон в виде креста из гагата. Серебряное кадило рубежа тысячелетий — любопытный образец англосаксонского церковного искусства. Высотой менее 10 сантиметров, изделие не только украшено искусной резьбой, но и несёт на себе автограф мастера. И напоследок упомяну один из самых оригинальных и загадочных артефактов — «посох колдуна» из Швеции.

Датируемый IX–XI веками, посох «украшен чугунными звериными головами, один из его концов венчает характерная плетёная конструкция. Подобные железные жезлы интерпретируются по-разному: как ритуальные или магические инструменты, вертела или даже ручные прялки. Возможно, они играли некую роль в сейде — форме шаманской магии, практиковавшейся в древней Скандинавии», — предполагают авторы.

Уверен, что эта небольшая, но весьма содержательная книжечка будет интересна самому разному читателю, от учёных и современных язычников до ролевиков и детей.

Опубликовано впервые на Портале Эсхатос:

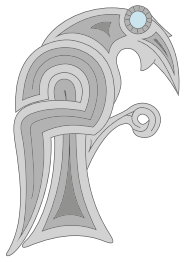
<https://esxatos.com/vikingi-tayny-istorii>

... 130

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37
2022

Анастасия Порсева (Инмариль)

Гимн

Корнями древесными,
Реками вешними,
Ветвью и листьями —
Заклинаю!

Руки вздымаются,
Неба касаются,
Молнии с пальцев веером —
Молнии!

Рыжие локоны.
Зелень в огне ресниц.
Гибок мой стан —
Змеи ползут.

Барабаны рокочут, тревожат лес.
Круг костров не спешит закрывать.
Нам с рассветом весну привечать,
Молний стрелы летят с небес —

Зажигай огонь, мой неспящий брат!
Кто-то ждет за кольцом огней
И зовёт он: «Иди же ко мне!»
Он по-прежнему пламени рад.

Выходи, выходи да пускайся в пляс,
Жрец со жрицею свадьбу празднуют,
Бель запястий их далью связана —
Заходи в костры, побывай у нас!

Сквозь Девять миров,
Сквозь искры костров,
Сквозь лиственный жар —
В небо!

Мой Рагнарёк задуман был не мной.
Не я бросала руны, словно семя.
Не я решала, трус или герой,
Не я по крошкам в пальцах сжала время.

Мой Рагнарёк измят в карманах зим,
Испачкан пылью сотен мирозданий,
Он тих и вечен, зол и нелюдим,
Войдя в оправу списанных преданий.

Мой Рагнарёк остался за межой.
Расправил крылья, черные, как небо.
И конь копытом бьет: «идет чужой»,
И меч ценнее молока и хлеба —

Мой Рагнарёк закован в цепи лет.
Корабль рвется к солнцу и деревьям,
В руке на Скидбладнир зажав билет,
По крохам снова собираю время,

Мой Рагнарёк начнется не сейчас.
Он спит младенцем в теплой колыбели.
Он ждёт, когда — у нас ли? Иль у вас? —
Крик птичий ветром унесет на Север,

И можно будет встать во весь свой рост,
Взмахнуть хлыстом, направив орды в битву...
Мой Рагнарёк задуман был не мной.

Не я им буду сломана, убита.

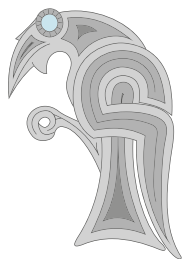
131...

С
Е
В
Е
Р
Н
Ы
Й

В
Е
Т
Е
Р

№37

2022

Древние руны

Древние Руны на камне начертаны.
Древние Руны — секрет мироздания.
Древние Руны забвенью не преданы.
Древние Руны нам шепчут предания...

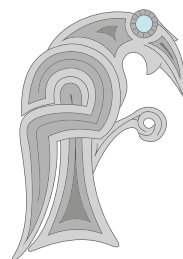
Помнят они Бездну-Тьму Изначальную,
Нифеля льдины и Муспель пылающий.
Видели Имира гибель печальную,
Ставшую миру всему созидательной.

Одина помнят, на Древе висящего,
Знания жгучею жаждой пленённого.
Былое, грядущее и настоящее —
Ведают всё. Нет для них потаённого.

Тайнами древние Руны овеяны.
Вечность для них словно доля мгновения.
Древние Руны, вы не потеряны —
Вечное не предаётся забвению.

Сгинут бесследно, навеки забудутся
Лжи чужеродной пророки фальшивые.
Мнимых пророчеств слова их не сбудутся.
В прах обратятся писания лживые.

Руны познай. Не страшись пред неведомым!
Разум открой и взглядишь в начертания.
Песнями, северным ветром напетыми,
Нашепчут они свои тайны-предания.

Грядёт Рагнарёк!

Предсмертные крики
Да крики ворон,
Огня всюду блики
И раненых стон...
Конец всему миру глас вёльвы предрёк:
"Узрите! Грядёт Рагнарёк!"

Эон лжеучений
И лжемудрецов.
Предательств, сражений
Сынов и отцов.
Принёс Бальдру гибель омелы росток,
А значит, грядёт Рагнарёк!

Не скрыться нигде
От холодных ветров,
Лязг стали везде,
Рык голодных волков¹.
Не буря то воет - то Хеймдаля рог.
Услышьте! Грядёт Рагнарёк!

Светил нет. Мир скрылся
Под тьмы пеленой.
И Змей пробудился
В пучине морской.
Вот-вот рухнет Ясень, с цепи
рвётся Волк.
Смотрите! Грядёт Рагнарёк!

Меч Сурта несёт
Всюду смерть и пожар.
Ликуя, ведёт
Локи в бой Нагльфар.
Что-либо менять уж давно вышел срок.
Всё тщетно. Грядёт Рагнарёк!

Нигде не укрыться -
Кипит всюду бой.
Пусть каждый смирится
С своею судьбой.
Её приговор справедлив и жесток.
Все знают - грядёт Рагнарёк.

Смертельная битва.
Сомнения - прочь!
Проклятья, молитвы
Не в силах помочь.
Давно предрешён этой битвы итог.
И всё же грядёт Рагнарёк!

Герои и Боги,
Рыданья и смех...
Настигла смерть многих,
Но всё же не всех.
Кто выжил - пусть помнят сей страш-
ный урок.
А ныне - грядёт Рагнарёк!

¹ Имеется в виду Фимбулвинтер, трёхлетняя зима, состоящая, в свою очередь из Зимы Ветров, Зимы Мечей и Зимы Волков, по году на каждую.

Комикс "Исландская мечта", Глава 2.

ИСЛАНДСКАЯ МЕЧТА

ХУДОЖНИК: ALDRAW
СЦЕНАРИЙ: NORD RUNE STONE

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 10 ВЕКА. ПОСЛЕ СМЕРТИ КОРОЛЯ ХАКОНА ДОБРОГО НОРВЕГИЯ ОКАЗАЛАСЬ В ПЛАМЕНИ МЕЖДОУСОБНЫХ ВОЙН. ИЗ-ЗА БЕСКОНЕЧНОЙ СМУТЫ МНОГИЕ ОКАЗАЛИСЬ ВЫНУЖДЕНЫ ПОКИНУТЬ РОДНЫЕ ЗЕМЛИ В ПОИСКАХ НОВОГО ДОМА. ВЗОР БЕЖЕНЦЕВ УСТРЕМАЕТСЯ НА ЗАПАД, НА СВОБОДНЫЕ ОТ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ЗЕМЛИ ИСЛАНДИИ.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ, НА ОСТРОВЕ БОГАТЕЙШИЕ СЕМЬИ УЧАСТВУЮТ В НЕПРЕРЫВНОЙ БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ. ПОЛЬЗУЯСЬ ПЕРИОДОМ БЕЗВЛАСТИЯ И СЛАБОСТЬЮ НОРВЕГИИ, КЛАНЫ УСТАНОВЛИВАЮТ СОБСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК В ИСЛАНДИИ, А ПОТЕРПЕВШИЕ ПОРАЖЕНИЕ ИЩУТ В НОРВЕГИИ УБЕЖИЩА ОТ МСТИ ИСЛАНДЦЕВ, СКРЫВАЯСЬ ОТО ВСЕХ.

ПО МЕРЕ ПРИБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К КОНЦУ, В НОРВЕГИИ УКРЕПЛЯЕТСЯ НОВАЯ РЕЛИГИЯ — ХРИСТИАНСТВО. СЕВЕРЯНЕ НАЗЫВАЮТ НОВОГО БОГА БЕЛЫМ ХРИСТОМ. ЕГО ИМЯ И КРЕСТ НЕСЕТ ВПЕРЕД НОВЫЙ КОРОЛЬ, ОЛАФ ТРЮГВАСОН. ЕГО ЦЕЛЬ — ПОДЧИНИТЬ СВОЕЙ ВОЛЕ НЕ ТОЛЬКО НОРВЕГИЮ, НО И ИСЛАНДИЮ. ПОНИМАЯ, ЧТО ОДНОЙ ТОЛЬКО СИЛОЙ ОН НЕ ЗАВЛАДЕЕТ ОСТРОВОМ, КОРОЛЬ ОЛАФ РЕШАЕТ ПРИБЕГНУТЬ К ПОМОЩИ ПОЭТОВ-СКАЛЬДОВ...

Художник: Aldraw

<https://vk.com/publicofaldraw>

Глава 2

СЫН РАБА

ИСЛАНДИЯ.
ГОД 981-Й.
УСАДЬБА БЬОРНА ЛЕЙФССОНА.

Художник: Aldraw
<https://vk.com/publicofaldraw>

Комикс "Исландская мечта", Глава 2.

Художник: Aldraw

<https://vk.com/publicofaldraw>

ТОРГРИМ.

ОТПРАВЛЯЙСЯ СЛЕДОМ. ПРОСЛАВИ, ЧТОБЫ ИРЛАНДЕЦ СДЕЛАЛ ВСЕ, КАК НУЖНО.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК АСЛАК БУДЕТ УБИТ, ДОЖДИСЯ ПОКА СВАРТ УДАЛИТСЯ ОТ УСАДЬБЫ И УБЕЙ. ПРИНЕСИ МНЕ ЕГО ГОЛОВУ.

ПОТОМ МОЖЕШЬ ЗАБРАТЬ СЕРЕБРО, КОТОРОЕ Я ОБЕЩАЛ ЕМУ.

УСАДЬБА АСЛАКА. ТРИ ДНЯ СПУСТЯ.

СЛЕПЯМИРОВ ВИНУЮТ! ЭТОТ ИРЛАНДСКИЙ ПОДОНОК УСТРОИЛ ТУТ БОЙНО!

ОН И ЖЕНУ АСЛАКА ТОЖЕ УБИЛ! ЭТО СУАИТ ПРОБЛЕМА. НАДЕЮСЬ, ТОРГРИМ, ТЫ ДАЛ ЕМУ ПОНЯТЬ, ЧТО ОН ЕДВА НЕ ПУСТИЛ ВСЕ ПОД ОТКОС.

КАК ТУТ ВОЙНАЕТ, ЧТО Б МЕНЯ! А ГДЕ МАЛЬЧИШКА АСЛАКСОМ?

ЕГО НИГДЕ НЕТ, И НИКТО ЕГО НЕ ВИДЕЛ, ГОСПОДИН.

ОТПРАВЬ ЛЮДЕЙ, ПУСЬКА ПОИЩУТ ЕГО И ПРИКОПАТ, ВСИ НАКАУТ. ЛУЧШЕ БЫ ОН РОВЕЗ НАВСЕГДА. ТЫ ВЕДЬ БУДЕШЬ ПЕРВЫМ В ЕГО СПИСКЕ ВОИН, ОН РЕШИТ ВЕРНУТЬ ДОЛЖОК.

ЛАДНО, ЭТО Я ШУЧУ.

ПОРА ИДТИ, НУЖНО СОБРАТЬ ЖИТЕЛЕЙ.

ДА, И СОЖГИ ТУТ ВСЕ. НЕ МОГУ ТЕРПЕТЬ ВОЙНЬ.

Художник: Aldraw
<https://vk.com/publicofaldraw>

Комикс "Исландская мечта", Глава 2.

Продолжение следует...

Художник: Aldraw

<https://vk.com/publicofaldraw>

Художник: Gurge Feodor

<https://www.facebook.com/urge.feodor>

Художник: Вельга

<https://m.vk.com/vielha?from=groups%253Ftab%253>

Художник: Вельга

<https://m.vk.com/vielha?from=groups%253Ftab%253>

Локи

Художник: Iren Horrors
<https://vk.com/irenhorrors>